

Духовныя проповѣди
и разсужденія
Мейстера
Экхарта

МОСКВА 1912
изд-во «Мусагетъ»

МЕЙСТЕРЪ ЭКХАРТЪ

Проповѣди и разсужденія

Переводъ со средне-верхне-нѣмецкаго

и вступительная статья

М. В. Сабашниковой.

Издательство «Мусагетъ».

МОСКВА, МСМХІІ.

Ein mensche klagte meister Eckeharten, es künne
sine predlè nieman verstehn. Dô sprach er: swer
mine predie welle vestên, der sol fünf stücke haben.
Er sol gesigen an allen striten unde sol an sin
oberster guot kampfende sîn, unde sol dem genuoc
sîn, dar zuo in got vermanet, unde sol ein anheber
sîn mit anhebenden liuten unde solle sich selber
vernihten, unde sîn selber alsô gewaltic sîn, daz
er dekeinen zorn geleisten müge.

Cod. Monac. Cerm. 365 Fol 192 b.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Мейстеръ Экхартъ встрѣтилъ прекраснаго нагого мальчика и спросилъ его, откуда онъ идетъ. Тотъ сказалъ: «Я прихожу отъ Бога».—Гдѣ ты оставилъ Его?—«Въ добродѣтельныхъ сердцахъ».—Куда ты идешь?—«Къ Богу».—Гдѣ ты найдешь Его?—«Тамъ, гдѣ оставлю всѣ творенія». — Кто ты? — «Царь». — Гдѣ твое царство?—«Въ моемъ сердцѣ».—Смотри, чтобы никто не подѣлилъ съ тобою твоей власти.—«Я такъ и дѣлаю». Онъ повелъ его въ свою келью и сказалъ ему:—Возьми себѣ любую одежду.—«Тогда я не былъ бы царемъ»—и исчезъ. Это былъ Самъ Богъ, Который такъ пошутилъ съ нимъ.

Въ этой сказочкѣ, которую рассказалъ о себѣ Мейстеръ Экхартъ самъ, сказано о немъ главное. Такъ; душа его, встрѣчая Невѣдомое, пыталась облечь его, и отбрасывала одну за другой отвергнутыя царственнымъ Гостемъ одежды, и смолкала передъ безусловной ноготой неизреченнаго. «Никогда во времени не назвалъ Богъ имени Своего», говоритъ Экхартъ. Только тамъ, гдѣ нѣтъ ни «теперь», ни «иногда», гдѣ угасаютъ всѣ лики и различія, «въ глубокомъ молчаніи произноситъ Богъ Свое Слово».

Жизнь Экхарта была слушаніемъ этого Слова, исповѣданіемъ Его. Вотъ почему, будучи личностью весьма яркой и самобытной, о личномъ онъ молчитъ, и мы не знаемъ душевной жизни величайшаго мыслителя и дѣятеля того, великаго религіознымъ творчествомъ, вѣка. А современные ему писатели Доминиканскаго Ордена (къ которому онъ принадлежалъ) избѣгаютъ упоминать его имя, какъ осужденнаго инквизиціей.

Экхартъ родился въ Тюрингіи въ 1260 году.

Это было время перелома въ жизни христіанства. Съ одной стороны ключи древняго ясновидѣнія были какъ бы окончательно запечатлѣны, и на окаменѣвшихъ преданіяхъ воздвиглось и укрѣпилось зданіе схоластической мысли, съ другой—въ людяхъ проснулась надежда на новое откровеніе, жажда непосредственнаго проявленія духа Христова, какъ силы живой и неизмѣнно творческой въ мірѣ. Экхартъ начинаетъ новую эру религіозной жизни. Онъ старается освободить души отъ всего застывающаго, условнаго. Онъ призываетъ людей раскрыть сердца духовному міру, не искать «Живого между умершими».

Экхартъ происходилъ изъ рыцарскаго рода Хохгеймовъ. Рыцарство его сказалось во всемъ духѣ его ученія, въ образахъ его рѣчи. «Добрый рыцарь не жалуется на свои раны, взирая на короля, который раненъ вмѣстѣ съ нимъ», говоритъ онъ о мужествѣ, съ которымъ надо переносить страданія, раздѣляя ихъ со Христомъ. И дальше о страданіи: «Я зналъ одного князя, который, когда принималъ кого-нибудь въ свою свиту, высылалъ его ночью и ѣхалъ самъ ему навстрѣчу и сражался съ нимъ. И случилось ему разъ чуть-чуть не быть убитому тѣмъ, кого онъ хотѣлъ испытать.

И съ той поры цѣнилъ и любилъ онъ того слугу особенно». Такимъ рыцаремъ у Бога былъ Мейстеръ Экхартъ. Богоборецъ и сынъ, онъ зналъ и проповѣдывалъ новый завѣтъ съ Богомъ, основанный на свободѣ. Смѣлость его не походитъ на дерзость вольноотпущеника и раба.

Область духа, гдѣ человѣкъ причастенъ Творцу, гдѣ «онъ видитъ себя самого тѣмъ, кто создалъ вотъ этого человѣка», называетъ Экхартъ неприступнымъ замкомъ души. Въ тѣ времена строй земной жизни больше, чѣмъ теперь, былъ отраженіемъ строя духовнаго. Формы больше соотвѣтствовали сущностямъ. Все было символомъ. И рожденный рыцаремъ, Мейстеръ Экхартъ, покинувъ все мірское, оставался рыцаремъ въ духѣ. Его мужественный, ратный духъ владѣлъ словомъ, какъ мечомъ.

Лучшіе люди того времени видѣли въ св. Францискѣ Ассизскомъ и въ св. Доминикѣ Божьихъ посланцевъ, которые пришли въ міръ, чтобы собрать заблудившійся христіанскій народъ и вернуть ему Бога. Оба ордена дѣйствовали съ изумительнымъ самоотреченіемъ и вдохновеніемъ. Доминиканцы дали лучшія школы и лучшихъ теологовъ того вѣка. Въ романскихъ странахъ ихъ рвеніе было направлено главнымъ образомъ на развитіе схоластики, прославленіе господствующей церкви и на борьбу съ еретиками; въ странахъ германскихъ, гдѣ пробуждался духъ юнаго, полного творческихъ силъ народа, — рвеніе это выразилось инымъ образомъ: въ подвигѣ сокровенномъ. Нарождалась мистика и углубленное христіанское ученіе, творцы котораго вскорѣ сами были признаны инквизиціей за еретиковъ.

Надо думать, что Экхартъ поступилъ въ Эрфуртскій Доминиканскій Орденъ уже лѣтъ 15-ти, гдѣ послѣ

двухъ подготовительныхъ лѣтъ, онъ три года проходилъ, такъ называемое, *Studium logicale*: грамматику, реторику и діалектику; затѣмъ два года *Studium naturale*: ариѳметику, математику, астрономію и музыку. Послѣ этого начиналось изученіе теологіи, которое продолжалось три года; первый годъ былъ посвященъ *Studium biblicum*, два послѣдніе—догматикѣ; они назывались *Studium provinciale*; во времена Экхарта въ Германіи существовала лишь одна такая школа въ Страсбургѣ. Духовное образованіе для большинства этимъ и заканчивалось. Они принимали священнической санъ и начинали свое служеніе. Тѣхъ же, которые отличались особеннымъ дарованіемъ и могли стать хорошими проповѣдниками, посылали въ высшую школу Ордена. Въ то время такихъ школъ было пять. Первое мѣсто послѣ Парижской занимала Кельнская, и тамъ пробылъ Экхартъ три года. Тамъ вошелъ онъ въ кругъ идей великихъ схоластовъ, Альберта Великаго и ученика его *Томы Аквинскаго*, которыхъ впрочемъ лично уже не засталъ.

Въ девяностыхъ годахъ мы видимъ Экхарта пріоромъ Эрфурта и викаріемъ Тюрингіи.

Въ продолженіе всей своей жизни онъ постоянно занимаетъ отвѣтственныя должности въ церковномъ управленіи, что свидѣтельствуетъ о ясномъ взглядѣ на жизнь, о способностяхъ къ практической дѣятельности великаго мистика.

Къ тому времени относятся его «рѣчи о различіяхъ», свободный родъ поученія во время трапезы монаховъ. Въ этой самой ранней изъ дошедшихъ до насъ проповѣдей выражается уже главная мысль Экхарта о нищетѣ духомъ, которую онъ понималъ шире и духовнѣе, чѣмъ религіозные люди его времени, послѣдователи Франциска

Ассизскаго. Экхартъ далекъ отъ той наивности и отъ того порою мелочного, душнаго, буквальнаго разумѣнія вещей, которое было свойственно людямъ средневѣковья. Все застывающее хоть на секунду въ формулѣ стремится разбить его живой духъ. И нищету понимаетъ онъ какъ полное совлеченіе съ себя всего отъединеннаго, отданіе своего «я», уничтоженіе его въ сліяніи съ единой, центральной міровой волей. Онъ говоритъ въ этой проповѣди о различеніи вещей существенныхъ отъ несущественныхъ, и замѣчательно тутъ его свободное, идущее въ разрѣзъ съ настроеніемъ того времени отношеніе ко всякимъ сверхъестественнымъ явленіямъ и видѣніямъ, которыя часто тогда проявлялись въ охваченномъ религіознымъ движеніемъ народѣ и занимали умы. «Это хорошо, говоритъ онъ, и все же это не самое лучшее; даже тогда, когда это не воображеніе, а истинное переживаніе, вызванное истинною любовью къ Богу; все же это не высочайшее ея проявленіе».

Въ 1300 году Орденъ посылаетъ Экхарта на три года въ Парижъ, духовный центръ Западной Европы, гдѣ онъ занимаетъ въ университетѣ должность *lector biblicum*. Это смутные для парижскаго университета годы борьбы между папой Бонифаціемъ VIII и королемъ Филиппомъ IV, сторону котораго принимаетъ и часть французскаго духовенства. Въ 1302 году Экхартъ получаетъ званіе магистра, но на третій годъ не остается; по причинамъ ли этихъ смуть, или же отозванный въ Германію, гдѣ церковныя реформы требовали напряженія всѣхъ силъ. Къ парижскому пребыванію относятся его не дошедшіе до насъ комментаріи къ «Сентенціямъ» Петра Ломбардуса, которые тогда служили основаніемъ для преподаванія догматики. На родинѣ Экхартъ стано-

вится главой Саксонскаго Ордена и власть его въ теченіе 8-ми лѣтъ простирается отъ Тюрингіи до Нѣмецкаго моря, и отъ Нидерландовъ до Лифляндіи. 51 мужскихъ и 9 женскихъ монастырей ему подвѣдомственны. Жить же, вѣроятно, продолжаетъ онъ въ Эрфуртѣ. Но вотъ въ 1307 году Экхарта обвиняютъ въ томъ, что онъ поощряетъ ересь свободнаго духа, и онъ принужденъ оставить свою должность. На общемъ собраніи въ Страсбургѣ въ 1307 году ему вѣроятно удалось оправдаться, потому что въ этотъ же годъ онъ назначенъ въ Богемію, гдѣ преобразуетъ богемскіе монастыри, замѣщая генерала Ордена. Ему оказано полное довѣріе и дана неограниченная власть. Вліяніе его велико и здѣсь: «Солнце, сіяющее въ Кельнѣ, сіяетъ и въ городѣ Прагѣ», говоритъ въ анонимномъ діалогѣ того времени «Das ist Meister Eckart Bewirtung» нищій за трапезой.

Въ 1311 году Экхарта избираютъ главой нѣмецкой провинціи (верхней Германіи и рейнскихъ странъ до Кельна), но Орденъ снова посылаетъ его въ Парижъ, гдѣ онъ занимаетъ каѳедру въ высшей школѣ. Въ это время Мейстеръ Экхартъ встрѣчаетъ въ Парижѣ представителей вырождающейся мертвой схоластики, которая нашла себѣ пріютъ во Францисканскомъ Орденѣ. Они заняты политикой и цѣлями свѣтскими. Мейстеръ Экхартъ выступаетъ противъ нихъ, какъ провозвѣстникъ живой религіи будущаго. Чѣмъ независимѣе и свободнѣе утверждаетъ онъ свое ученіе, тѣмъ враждебнѣе по отношенію къ нему становится традиціонная мысль.

Отъ 1312 до 1320 года Экхартъ занимаетъ каѳедру Страсбургской богословской школы Ордена.

Это была пора, когда молодая Германія и особенно прирейнскія страны вступали въ новую, самобытную

жизнь. Союзъ городовъ укрѣпилъ чувство личной независимости; борьба между королемъ и папой освободила народную мысль. Расцвѣтаетъ новое искусство. Краски его ярки, формы исполнены сильнаго душевнаго движенія; реализмъ чувственный органически сочетается съ реализмомъ мистическимъ. Все напряжено отъ избытка духовныхъ силъ: отъ этого образы часто такъ нелѣпы, нескладны, подчасъ смѣшны и въ то же время полны такой подлинной силы, силы земли и неба. Какъ отроекъ, вышедшій изъ дѣтства и становящійся мужемъ, теряетъ дѣтскую прелесть свою и нелѣпо проявляетъ свое пробуждающееся «я», такъ и духъ того народа, освобождаясь отъ оковъ старой, застывшей въ формахъ, культуры, начиналъ новую индивидуальную жизнь. И индивидуальная свобода эта была сперва въ ущербъ внѣшней красотѣ, достоянію и дару старой женственной культуры. Мужественный духъ Германскій по новому глубоко почувствовалъ землю, захватилъ глубоко борозду, и мы видимъ, какъ возникаютъ въ искусствѣ и въ жизни новые образы, какъ бы подъ напоромъ сильнаго тока духовной жизни, точно вихрь поднялъ ихъ изъ глубины. И всѣ они говорятъ объ одномъ, полны и преисполнены одного. Камни соборовъ исповѣдуютъ ту же мысль, что и Экхартъ.

Этотъ духъ проявляется въ свободныхъ религиозныхъ общинахъ въ мистическихъ ученіяхъ. Народъ сознаетъ себя. Живая христіанская мысль касается душъ. Душа узнаетъ въ себѣ Христа.

*

Мейстеръ Экхартъ былъ средоточіемъ, гдѣ скрещивались духовные лучи того времени и вспыхивали огнемъ.

Онъ былъ величайшимъ богословомъ и проповѣдни-

комъ Германіи; но и въ другихъ странахъ, куда не доходилъ его голосъ, ученіе его распространялось черезъ переписанныя латинскія и нѣмецкія проповѣди. Не только въ своемъ Орденѣ и въ школахъ проповѣдывалъ Экхартъ, но всѣ сословія призывалъ онъ къ участию въ высокой религіозной жизни. Въ женскихъ монастыряхъ, въ домахъ бегинокъ, среди мірянъ раздавались его нѣмецкія проповѣди. Онъ создалъ новый языкъ, ибо первый заговорилъ на родномъ языкѣ о глубинахъ мистической и философской мысли.

Правда, и до него встрѣчаемъ мы подобныя попытки въ сочиненіяхъ Мехтхильды Магдебургской и въ пѣснѣ о тріединствѣ, но все это ничтожно по сравненію съ творчествомъ Экхарта. Пластичность, простота и ясность языка достигла у него такой законченности, что въ этомъ направленіи мистики послѣдующихъ временъ уже не могли дать ничего новаго. Съ безстрашной простотой подходитъ онъ въ упоръ къ предметамъ самымъ тонкимъ и труднымъ. Смѣло создаетъ слова, передающія отвлеченнѣйшія понятія; не боится привести тутъ же сравненіе изъ повседневной жизни; дѣлаетъ слушателей какъ бы свидѣтелями внутренняго роста мысли своей. Вопросаетъ, отвѣчаетъ, и строгая логика его исполнена живого огня. Онъ всегда неожиданъ; чувствуется, съ какой страстью хочетъ онъ сдѣлать cadaго участникомъ той высокой свободы и радости, которая открылась ему. Желая сдѣлать мысли свои доступными, онъ при этомъ никогда не низводилъ ихъ до уровня толпы; онъ хотѣлъ cadaго поднять до себя. Часто слышимъ мы, какъ, предвидя трудности какого-нибудь толкованія, онъ убѣдительно проситъ: «будьте теперь внимательны, поймите меня теперь хорошенько!»

Оттого, что онъ всегда горитъ въ томъ огнѣ, который сжигаетъ все, что не есть безусловное, подлинное передъ лицомъ вѣчности—строгъ его голосъ. Это не его строгость. Это строгость вѣчности, говорящей черезъ него. Это не ригоризмъ аскета, который требуетъ отъ другихъ того, надъ чѣмъ мучается самъ. Онъ не устаетъ сражаться съ тѣмъ духомъ «мѣщанства», который можетъ проявляться во всѣхъ областяхъ и всюду, даже въ мірахъ духовныхъ ищетъ удобнаго успокоенія на догматѣ благополучія, и непременно такъ или иначе добивается для себя маленькой выгоды, признанія...

Всякое «прекраснодушіе», «расплывчатыя чувства», «духовныя улады» преслѣдуетъ его насмѣшка. Въ концѣ одной особенно высокой проповѣди онъ вдругъ какъ бы съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Благо тому, кто понялъ эту проповѣдь! Если бы здѣсь не было никого, я долженъ былъ бы сказать ее этой церковной кружкѣ.

«Найдутся жалкіе люди, которые скажутъ: я вернусь къ себѣ домой, сяду на свое мѣсто, «буду ѣсть свой хлѣбъ и служить Богу. Такіе никогда не поймутъ истинной нищеты духомъ!»

Иногда избытокъ радости отъ открывшагося ему познанія придаетъ его словамъ неожиданную смѣлость.

Въ одной проповѣди Экхартъ, отвѣчая на упрекъ, что онъ посвящаетъ толпу въ слишкомъ высокія тайны, говоритъ: «если не учить невѣжественныхъ людей, то никто не станетъ ученымъ. Затѣмъ и учатъ невѣжественныхъ, чтобы они изъ незнающихъ стали знающими. Затѣмъ и врачъ, чтобы исцѣлять больныхъ. Іоаннъ пишетъ Евангеліе для всѣхъ вѣрующихъ и также для невѣрующихъ, и все же онъ начинаетъ

съ самаго високаго, что можетъ сказать чело-
вѣкъ о Богѣ. А если найдется челоѣкъ, который
невѣрно пойметъ такое слово, что же можетъ сдѣлать
тотъ, кто вѣрно преподаетъ вѣрное слово? Не были ли
слова Иоанна и слова Господа тоже часто невѣрно по-
няты».

За такія-то невѣрно понятыя слова Экхартъ былъ
осужденъ церковью.

Религіозныя движенія, охватившія народъ, распро-
странялись среди нищенствующихъ орденовъ, среди бегар-
довъ и бегинокъ. Главной проповѣдью ихъ было «Цар-
ствіе Божіе внутри челоѣка», единосущность Божія,
нищенство духомъ, новое свободное пониманіе Евангелія,
изъ котораго люди черпали ученіе непосредственно.
Разницу этихъ ученій составляло отношеніе къ церкви.
Для однихъ новая мистическая вѣра не противорѣчила
церкви, и они оставались въ лонѣ ея (друзья Божіи),
другіе отвергали вовсе ея посредство.

Картину религіознаго движенія того времени даетъ
намъ трактатъ о сестрѣ Катрей, духовной дочери Мей-
стера Экхарта изъ Страсбурга, написанный въ 1317 г.
Въ слѣдующемъ томѣ я приведу этотъ трактатъ цѣликомъ.
Здѣсь же посвящаю ему отдѣльную главу, потому что
онъ даетъ намъ не только отношеніе Экхарта къ ми-
стическому ученію его времени, но освѣщаетъ духов-
ный путь самого проповѣдника.

II.

Если внѣшнія событія жизни отвѣчаютъ внутренне-
му міру души; если существуетъ таинственное соотвѣт-
ствіе между внутреннимъ ростомъ души и текущими

намъ навстрѣчу внѣшними явленіями, которыя какъ бы выясняютъ то, что найдено нами въ насъ самихъ, встрѣчу Мейстера Экхарта съ сестрой Катрей надо считать величайшимъ мистическимъ моментомъ его жизни. Ибо эта женщина является какъ бы воплощеніемъ самой сущности его души. Какъ душа его неукротима въ своемъ исканіи, «однимъ всецѣлымъ умирима», такъ неукротима, почти яростна эта женщина, отвергавшая на пути своемъ все, что не есть послѣднее и безусловное.

Сперва сестра Катрей приходитъ къ Экхарту за наставленіями, какъ къ духовному отцу, затѣмъ покидаетъ все, чтобы слѣдовать своему внутреннему пути, голосу Духа Святого; и возвращается къ своему наставнику, уже «утвержденная», чтобы посвятить его въ глубочайшія тайны, открывшіяся ей.

Когда она приходитъ къ нему въ первый разъ за наставленіями въ духовной жизни, онъ говоритъ ей о началѣ пути, о томъ, что человѣкъ долженъ почувствовать въ себѣ предвѣчное начало, то, чѣмъ онъ былъ и что онъ есть въ Богѣ, и понявъ, судить эту свою жизнь во времени. Для этого, говоритъ онъ, нужна намъ помощь духовнаго отца; и какъ духовный отецъ, указываетъ онъ ей первый путь. Этотъ первый путь есть очищеніе—*catarsis*, какъ назывался онъ въ древнихъ посвященіяхъ,—покаяніе; онъ объясняетъ ей пороки и и пути къ исправленію и искушенію ихъ. «Это первый совѣтъ достойнаго отца и первый путь. Теперь ты можешь сказать: Господинъ мой, есть ли это ближайшій путь?» И онъ отвѣтилъ: нѣтъ, но необходимо было, чтобы я указалъ тебѣ все это. Тогда она говоритъ: «Господинъ мой, укажи мнѣ ближайшій путь». Онъ отвѣчаетъ:

подожди, пока не овладѣешь всѣмъ этимъ въ самой жизни; подожди, пока не освободишься отъ всѣхъ пороковъ, и возвращайся ко мнѣ скорѣе вновь».

Она возвращается къ нему, исполнивъ его совѣты, и говоритъ ему: я хочу исполнять все, что вы совѣтуете мнѣ въ жизни, въ которой я смѣло хочу умереть. Онъ даетъ ей новыя указанія. Онъ говоритъ ей о добродѣтеляхъ, которыя нужно приобрѣсти: о правдивыхъ устахъ, которыя высказываютъ лишь то, что чувствуетъ сердце, т.-е. о полномъ соответствіи духовной дѣйствительности со словомъ, которое есть воплощеніе ея; ибо ложь есть въ духовномъ мірѣ убійство. Духовный образъ, порожденный истиннымъ событіемъ, подкрѣпляется образомъ, порожденнымъ правдивымъ словомъ; и обратно, столкновеніе правды съ лживымъ образомъ порождаетъ пустоту въ духовномъ мірѣ; и ложная пустая форма, соутствуя человѣку, мертвитъ и цѣпляетъ его душу. И такъ соответствіе словъ и дѣйствительности, вотъ первое условіе духовнаго свободнаго роста.

Вторая добродѣтель—чистое тѣло. Подъ этимъ Экхартъ такъ же разумѣетъ полное соответствіе дѣйствительности духовной съ земнымъ выраженіемъ ея; цѣльность направленныхъ къ одному силъ, цѣломудріе.

И наконецъ, душа любящая Бога: «тебѣ самой должно казаться невѣроятнымъ, какъ не разорвется твое сердце отъ любви къ Богу». Это значить, что стремленіе расшириться до принятія въ себя міровой души, должно быть безгранично въ насъ, такъ чтобы разрывалось отъ него наше ограниченное замкнутое «я», наше человѣческое сердце.

Все это сестрѣ Катрей чуждо еще и она сомнѣвается, постигнетъ ли она это когда-нибудь. «Да, дѣлай то,

что я указалъ тебѣ: оставь все, что омрачаетъ душу твою, чтобы свѣтилъ тебѣ свѣтъ правды. Тогда душа вновь найдетъ путь къ тому, изъ чего она изошла.

Когда сестра Катрей въ третій разъ приходитъ къ духовнику, она требуетъ, чтобы онъ указалъ ей ближайшій путь къ вѣчному блаженству. И требуетъ настойчиво, не довольствуясь тѣмъ, что онъ говоритъ ей. «Онъ сказалъ: дочь моя, довольно съ тебя». Она сказала: не буду я довольна, пока не буду увѣрена въ моемъ вѣчномъ блаженствѣ. Онъ сказалъ: «дочь моя, ты увѣрена въ вѣчной жизни». Но она опять строго допрашиваетъ его, указалъ ли онъ ей ближайшій путь? На это отвѣчаетъ онъ ей удивительныя по глубинѣ и красотѣ слова: «Его указываютъ тебѣ всѣ твари. Всѣ онѣ говорятъ: иди дальше, къ лучшему; мы не Богъ. Дочь моя, довольно для тебя въ этомъ поученіи». Но ей и этого мало. Тогда онъ ссылается на слова Іисуса Христа: возьмите крестъ свой и слѣдуйте за Мной. Онъ не сказалъ: возьмите Мой крестъ и слѣдуйте за Мной. Духовникъ указываетъ ей этимъ на то, что каждый человѣкъ долженъ итти своимъ путемъ, ему одному свойственнымъ, который онъ лишь самъ можетъ избрать. «Если сдѣлаешь ты все, что можешь, то должна быть довольна и знай, что будетъ этимъ доволенъ и Богъ». Онъ какъ бы предлагаетъ ей итти самостоятельно, ибо тому, кто уже на пути, все въ жизни является живымъ указаніемъ; такой человѣкъ самъ научается понимать голосъ жизни своей, и всѣ вещи ведутъ его, говоря «мы не Богъ».

И здѣсь высказываетъ дочь, впервые свою волю. Она хочетъ покинуть все, что дается ей черезъ твореніе. Тогда говоритъ духовникъ: ты и меня хочешь по-

кинуть?— «Да, господинъ мой, если должно мнѣ покинуть всякое твореніе, то и васъ должна я оставить».

Здѣсь мы видимъ значительный моментъ въ жизни ученика, когда учитель становится на его пути какъ бы помѣхой, сфинксомъ, который долженъ быть побѣжденъ прежде чѣмъ откроется дорога дальше. Духовникъ становится препятствіемъ, онъ вопрошаетъ, сомнѣвается, возражаетъ, испытываетъ. Происходитъ нѣкая борьба. «Не затѣвай этого, не дано это женщинамъ». Она отвѣчаетъ: «я хорошо знаю, что ни одна женщина не можетъ достигъ неба, прежде чѣмъ она не станетъ мужчиной; она должна дѣлать дѣло мужа и имѣть мужественное сердце, полное силы, чтобы противустоять себѣ самой и всѣмъ грѣховнымъ вещамъ». «И ты считаешь себя настолько сильной? Дивлюсь тому, что ты хочешь страдать еще больше того, чѣмъ ты уже страдала». Она говоритъ о Христѣ. Она указываетъ на то, что во всѣхъ человѣческихъ страданіяхъ Христа, Божество, которое не страдало, не страдаетъ и страдать не можетъ, ни разу не пришло Ему на помощь. «Я знаю, говоритъ она, что Христосъ самый благородный человѣкъ, который когда-либо былъ рожденъ. Онъ происходилъ отъ семидесяти двухъ княжескихъ колѣнъ. Онъ былъ благороднѣйшей крови, которую когда-либо могло дать сердце Маріи... Чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ нѣжнѣе. Если бы я стала говорить обо всемъ, что сознаю о Его благородной жизни во времени, о Его добровольной нищетѣ, то знайте, сердце мое разорвалось бы». И она сознаетъ, что должна страдать больше, чѣмъ Онъ.

Она на той ступени, когда женственная сторона ея существа, поскольку эта женственность выражается въ

исканіи опоры въ другомъ, превзойдена. Она чувствуетъ въ себѣ мужественное сердце. Мужское начало, не планетарное, а солнечное, не берущее, а дающее; утверждающее себя самого, чтобы все покрыть своимъ избыткомъ. Начало свободной, добровольной жертвы, начало трагическое. На это трагическое начало указываетъ она, говоря о Христѣ, Которому не пришло на помощь Божество. Видитъ она всю красоту и всю полноту жертвы неискупленной. Ея сердце горитъ любовью, на ней горятъ Его раны. Добровольно жаждетъ она раздѣлить Его страданія. Уже ей не нужны указанія извнѣ. Ведетъ ее тотъ огонь, что горитъ въ ней самой, ведетъ ее одна воля отдать себя, ведетъ ее свобода. «Знайте, пока я жива, хочу я слѣдовать совѣту Духа Святого!» Духовникъ прекословитъ ей, напоминаетъ ей добродѣтель послушанія. Она говоритъ: «Я хочу быть послушной до смерти». «Кому?» «Христу, Отцу Небесному, которому Иоаннъ былъ послушенъ въ пустынѣ, и Марія Магдалина, и Марія Египетская, и Марія Саломея». Не случайно говоритъ она здѣсь о пустынѣ, сознавая свое одиночество. Онъ сказалъ: «Кажется мнѣ, что ты никогда не будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ». Она сказала: «Это правда, я отъ души жалѣю, что слѣдовала совѣту людей и противилась совѣту Духа Святого». Она жестоко упрекаетъ его въ томъ, что онъ былъ помѣхой на ея пути. «Это было внушено мнѣ Святымъ Духомъ, я не могъ совѣтовать тебѣ иначе». «Горько мнѣ, что ты обвиняешь меня въ томъ, что я помѣшалъ тебѣ». Она сказала: «Да, я обвиняю васъ и всѣ творенія». «Не права ты въ этомъ; никто не могъ помѣшать тебѣ, кромѣ тебя самой. Знай, кого коснется Богъ, тому противустоятъ никто не можетъ, а если бы приня-

лись за это всѣ святые въ раю и всѣ проповѣдники и босоногіе на землѣ, не могли бы они противустоять тому, кого коснулась истина». Онъ говоритъ дальше о томъ, что Христосъ, Который есть истина, словами и дѣлами проповѣдывалъ нищету. Она спрашиваетъ духовника, почему же онъ такъ отсовѣтываетъ ей это, и онъ продолжаетъ удерживать ее отъ ея рѣшенія, пугая терніями избраннаго ею пути и ея молодостью. И подѣ конецъ она кричитъ: «Замолчите, избавьте меня отъ всѣхъ вашихъ словъ. Вы мѣшали мнѣ, оттого что столько говорили». Она видитъ въ учителѣ своемъ врага и чувствуетъ себя въ пустынѣ. Онъ сказалъ: «Знай, если бы коснулась тебя истина, не стала бы ты ничего ни откладывать, ни дѣлать, ради меня. Вѣдь ты же знала, что я только твореніе. Тѣмъ-то и прекрасна истина, что она направляетъ человѣка къ наивысшему безъ помощи какого-либо творенія. Потому и не должна ты обвинять меня, ибо знай, учитель того, кого коснулась истина, есть Духъ Святой. Онъ ведетъ того, кто хочетъ слѣдовать за Нимъ въ наивысшую школу, какая только есть. Тамъ человѣкъ узнаетъ въ одно мгновенье больше, чѣмъ могутъ наговорить ему всѣ учителя». Она, сказала: «Вы говорите правду».

Духовникъ долженъ былъ итти противъ ея воли, чтобы на новый путь, на путь жертвы она вступила бы сама; онъ долженъ былъ испытать ея свободную волю, потому и говоритъ: «Это было внушено мнѣ Святымъ Духомъ, иначе совѣтовать я не могъ».

Такъ она отъ него уходитъ.

И когда приходитъ опять, мы видимъ ее неудовлетворенной, недовольной собой. Она говоритъ: «пусть не будетъ ни ада, ни рая, но я должна итти за Любя-

щимъ, въ той же истинной любви, въ которой Онъ предшествовалъ мнѣ, и должна слѣдовать за нимъ до послѣдняго предѣла, безъ всякаго «почему». Онъ сказалъ: «Чего хочешь ты еще? ты уже оставила почетъ и богатство, друзей, толпу и всякое утѣшеніе преходящее отъ творенія». Она сказала: «Господинъ мой, все это такъ на словахъ». Она хочетъ оставить главное, себя самое. «Повсюду, гдѣ нахожу я себя, должна я себя покинуть». Онъ удивляется, что будучи настолько нѣжной, она готова столько претерпѣвать, и просить ее, чтобы принимала она хоть необходимое, когда подають ей Христа ради; а необходимое для тѣла это хлѣбъ, вода и одежда. На вопросъ же ея, что необходимо для духа, онъ отвѣчаетъ: это быть самымъ отверженнымъ человѣкомъ во Христѣ, который Одинъ живъ. Она сказала: «Да наградитъ васъ Богъ; молитесь за меня, чтобы Богъ разрѣшилъ всѣмъ твореніямъ судить меня, какъ самое послѣднее твореніе, и всѣмъ людямъ истязать меня, какъ они хотятъ». На этотъ разъ ихъ бесѣда посвящена страданію. Оно, по ихъ разумнію, знакъ любви Бога къ человѣку, котораго Онъ зоветъ къ Себѣ. «Только тотъ достоинъ страданія, который всѣмъ сердцемъ желаетъ его». Жалѣя ее, онъ пытается умѣрить ея рвеніе пострадать, но подъ конецъ признаетъ ея правоту, и они расстаются. «Ну благослови васъ Богъ и поддержите меня въ моемъ служеніи Богу», говоритъ она. — «Навѣсти меня тамъ, гдѣ меня встрѣчалъ». — «Съ радостью».

Здѣсь Экхартъ посвящаетъ нѣсколько страницъ смерти, не тѣлесной смерти, а уничтоженію своего отдѣльнаго ограниченнаго «я» въ сліяніи съ «я» Божественнымъ; радостному умиранію въ любви, когда исче-

заютъ изъ сознанія челоѣка всѣ страданія и труды, что переносило его «я», забываетъ себя въ созерцаніи великаго «Я». «Знайте, кто это нашелъ, тотъ мертвъ до конца». Объ этой смерти говорятъ мисты всѣхъ временъ. Черезъ таинство рожденія, смерти и воскресенія проходитъ все живое: малое зерно, великій міръ и духъ челоѣческой. Рожденіе, смерть и воскресеніе Бога праздновали люди всѣхъ временъ. Древніе посвященные переживали это таинство въ духѣ, въ ритуалахъ мистерій народъ зналъ его въ отображеніи, во временахъ года и въ мифахъ. Настало время, когда то, что видѣли раньше въ духѣ лишь посвященные, свершилось на землѣ и плотскими глазами увидалъ каждый рожденіе, смерть и воскресеніе Слова, которое стало плотью. Каждому съ того времени открытъ путь на Голгоѣу, кто видѣлъ, кто слышалъ, кто возлюбилъ и пожелалъ. Лежитъ передъ каждымъ, открытъ свободный путь.

Этимъ путемъ идетъ сестра Катрей.

Она приходитъ опять къ своему духовнику, но онъ не узнаетъ ее, такъ она измѣнилась. «Откуда ты?»— «Изъ дальнихъ странъ». — «Изъ какихъ будешь странъ?» «Господинъ мой, развѣ вы не узнаете меня? По этому признаку вижу я, что не poznали вы еще самого себя». Какъ должны мы понимать эти таинственные слова? Они указываютъ на глубокую связь души духовника и сестры Катрей. Она уже узнала его; она ждетъ, чтобы онъ узналъ ее, какъ себя самого, нашелъ ее въ себѣ, какъ часть своей души. Онъ сказалъ: «да, я хорошо знаю, что если бы я наиблизайшимъ образомъ зналъ себя, какъ долженъ былъ бы знать, то зналъ бы всѣ творенія самымъ совершеннымъ образомъ». Челоѣкъ есть маленькій міръ, въ немъ есть все, что есть

въ большомъ мірѣ. По мѣрѣ познания себя самого, познаетъ онъ міръ; вырастаетъ въ мірѣ; находитъ въ себѣ первообразы всѣхъ вещей, всѣхъ сочетаній, всѣхъ душъ. И находитъ во внѣшнемъ мірѣ реальное воплощеніе всей полноты своего духовнаго міра. Требованіе всѣхъ мистовъ «познай самого себя». Этой степени еще не достигъ духовникъ; и когда сестра Катрей рассказываетъ ему свою жизнь, онъ смотритъ на нее, какъ на высшее начало, ибо говоритъ потомъ своимъ братьямъ: «я слышалъ человѣка, впрочемъ не знаю и сомнѣваюсь: человѣкъ ли онъ или ангелъ». «Эта душа знаетъ и любитъ больше, чѣмъ всѣ люди, которыхъ я когда-либо видалъ». А когда сестра открываетъ ему, что она тотъ бѣдный человѣкъ, котораго онъ привелъ къ Богу, онъ восклицаетъ: «ахъ, я несчастный! какъ долженъ я стыдиться передъ лицомъ Божьимъ, что, нося такъ давно духовное званіе, я такъ мало проникъ въ божественныя тайны». По его просьбѣ рассказываетъ она ему о своей жизни, и онъ восклицаетъ: «слава Богу, что онъ создалъ тебя человѣкомъ. Теперь ты должна быть вполне довольна. Я былъ доволенъ, если бы у моей души былъ тотъ же полетъ, что у твоей». Она сказала: «Полетъ души моей не знаетъ препятствія, но не знаетъ моя душа и постояннаго пребыванія въ вѣчности». Сестра Катрей стремится къ тому, чтобы жизнь, мысли и чувства запечатлѣлись навсегда въ жизненныхъ силахъ всего существа ея, чтобы все существо ея было воистину просвѣтлѣно и преображено ея очищеннымъ, совершеннымъ духомъ, чтобы духъ сталъ плотью и кровью. Путь очищенія она прошла, крещеніе водой, омовеніе, стремится къ крещенію огнемъ и духомъ. Но она не видитъ пути къ нему.

Духовникъ совѣтуетъ ей отрѣшиться даже отъ этого самаго стремленія, дабы погрузиться въ полную отрѣшенность. «Тогда вовлекаетъ ее Богъ въ божественный свѣтъ, и ей мнится, что она одно съ Богомъ. Но когда она возвращается опять къ жизни, то она чувствуетъ страданіе: «Плохо мнѣ, тѣсны мнѣ небо и земля». Это земное распятіе духа, которому трудно замкнуть себя въ форму. Онъ проситъ ее сказать ему что-нибудь.

Она говоритъ: «Я не знаю ничего достаточно яснаго, что могла бы высказать», но онъ настаиваетъ, и она говоритъ. Она вела такія глубокія рѣчи объ обрѣтенной ею чистой божественной правдѣ, что онъ сказалъ: «Этого не знаютъ люди, и не будь я такимъ начетчикомъ, и не прочти я это въ божественной премудрости, не было бы это извѣстно и мнѣ». Но ей хочется, чтобы онъ не изъ книгъ взялъ это, а пережилъ бы это самъ.

Когда она приходитъ къ нему въ слѣдующій разъ: «Порадуйтесь со мной», говоритъ она, «я стала Богомъ!»

По совѣту его она идетъ въ церковь въ отдаленный уголъ. «И случилось съ ней тутъ, что забыла она все, что когда-либо носило имя, и такъ далеко отошла отъ себя и отъ всякаго творенія, что должны были ее вынести изъ церкви, и лежала она до третьяго дня, и не сомнѣвались, что она умерла. И не будь духовника, ее похоронили бы».

И когда она приходитъ въ себя, и духовникъ проситъ сообщить ему, что она узнала, она отвѣчаетъ: «Что я нашла, того никто не выразить словами». «Все ли есть у тебя, чего ты желаешь?»—«Да, я была утверждена».

Она была посвящена въ высшія міровыя тайны, пока тѣло ея, покинутое духомъ, лежало какъ мертвое три дня. Черезъ эту трехдневную смерть проходили посвя-

щаемые всѣхъ мистерій. Не только сознание отходило отъ тѣла, но и всѣ жизненные силы покидали его. Онѣ возвращались къ нему послѣ трехъ дней преображенныя духомъ.

Здѣсь авторъ снова говоритъ объ этой мистической смерти, послѣ которой человѣкъ становится Богоносцемъ. Онъ говоритъ не только о жертвѣ всего преходящаго, вещественнаго, но о жертвѣ своего духовнаго «я». Когда духъ освобождается и получаетъ власть надъ веществомъ, великое искушеніе бываетъ ему. Онъ долженъ второй разъ умереть для себя въ духѣ съ Иисусомъ Христомъ, чтобы ожить въ жизни жизни. Люциферъ былъ чистымъ духомъ, какъ и Христокъ. Но душа Христа въ твари обратилась къ Творцу, т.-е. принесла себя въ жертву. Люциферъ жертвы не знаетъ, и въ то время, какъ всѣ творенія стремятся къ своему первоисточнику, указывая человѣку путь къ Богу, Люциферъ остается замкнутымъ въ себѣ духомъ, осужденнымъ тѣмъ самымъ на вѣчное отлученіе отъ Бога.

Человѣкъ же, «умершій до конца», становится чистѣйшимъ отраженіемъ Божества. Въ немъ заключены всѣ вещи, дѣла его пребываютъ въ вѣчности, тѣло его, исполненное жизни, становится источникомъ непрерывнаго блаженства. Черезъ него дѣйствуетъ міровая воля, преслѣдуя міровыя цѣли. Ничто приходящее извнѣ не радуетъ его, потому что онъ сама радость.

Послѣ этого рассказывается еще объ одномъ свиданіи духовника съ его дочерью. На этотъ разъ онъ находитъ ее въ чужой странѣ. По его просьбѣ рассказываетъ она ему о своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ подвижничествѣ, о своемъ пути. Ея душа достигла вершинъ чистаго созерцанія. «Все, что выражается словами и

предлагается людямъ въ образахъ—это только призывъ къ Богу. Знайте, что въ Богѣ только Богъ, знайте, что ни одна душа не сможетъ возвратиться къ Богу, пока не станетъ Богомъ, какъ была Богомъ раньше, до своего созданія».

Онъ спрашиваетъ ее объ адѣ, чистилищѣ и Царствіи Небесномъ. Адъ это состояніе души, жившей переходящимъ, въ духовномъ мірѣ она страдаетъ, отлученная отъ Бога; чистилище это надежда души на милость Бога, т.-е. путь къ духовному міру. На страшномъ судѣ каждый чловѣкъ будетъ судить себя самъ. «Люди, которые пребывали при жизни въ божественной сущности (т.-е. жили духовнымъ непреходящимъ), не измѣняются, ибо когда душа разстается съ тѣломъ, она остается въ божественной сущности, поскольку она познавала и любила Бога, а послѣ страшнаго суда, когда уничтожатся всѣ вещи, сущность души соединится съ сущностью тѣла въ сущности божественной». Все это сообщаетъ она ему, жалѣя о томъ, что онъ познаетъ это разсудкомъ, а не какъ внутреннее переживаніе. Потому она проситъ его совѣта, какъ ей теперь жить.

И здѣсь духовникъ второй разъ является искусителемъ, но уже теперь безсознательно.

Путемъ земныхъ лишеній и страданія чловѣкъ приходитъ къ духовному блаженству. Страданіе—это всегда задержка дѣятельности какой-либо силы. Она не находитъ исхода, скопляется и преобразуется въ иную высшую силу и дѣятельность. Всякая новая высшая форма жизни предполагаетъ жертву низшей. Блаженство—это чувство творчества, дѣятельности. Потому за жертвой слѣдуетъ блаженство. И это есть плодъ преодоленія перваго искушенія. Высочайшая жертва, это отказъ отъ достигну-

таго блаженства. Ради того, чтобы принять на себя страданіе другихъ, отказываются отъ блаженства высшіе духи, и избытокъ силы своей отдаютъ другимъ, приносятъ послѣднюю великую жертву ради меньшихъ братьевъ.

Восхищенный красотой и совершенствомъ сестры Катрей, духовникъ убѣждаетъ ее теперь жить для себя, ничего не лишаться, носить прекрасныя, изысканныя платья, заставлятъ служить себѣ всѣ творенія и тѣмъ самымъ возвращать ихъ Богу, «ибо то твореніе, которымъ насладишься ты, возвратишь ты къ его первоисточнику. Ты же знаешь, что все, чѣмъ насладишься ты, будетъ въ Богѣ, прославлять Бога». Она сказала: «я знаю это хорошо, вы говорите правду. Но знайте, что никогда не захочу я быть ни чѣмъ инымъ, какъ бѣднымъ человѣкомъ, и такъ до самой смерти». Онъ сказалъ: «ты неправа». Она сказала: «неправой хочу я остаться. Я хочу быть убогой и бѣдной, и этого никто отнять у меня не можетъ». Она имѣетъ право на все, и это знаетъ она. Но есть нѣчто больше закона: это, добрая свободная воля—милость. Правду милости утверждаетъ она надъ закономъ. Она избираетъ путь Христа. «Если тотъ путь не вѣренъ во времени и въ вѣчности, тотакъ и я хочу остаться во времени и въ вѣчности, знайте, не хочу я покинуть пути Господа нашего Іисуса Христа». Путь Христа есть свободный даръ, правда утвержденного въ себѣ человѣка, которая утверждаетъ себя, дарственную, милостивую, щедрую; которая ни въ чемъ не нуждается, во тьмѣ свѣтитъ, своимъ избыткомъ все заполняя. «Знайте, имѣть возможность лучше помогать людямъ, которые на пути къ своему вѣчному спасенію, но которые еще не утверждены—вотъ чего хотѣлось бы мнѣ».

И такъ она побѣждаетъ искушеніе, для себя она ничего больше не хочетъ, она проситъ, лишь для того, чтобы отдать другимъ; и просящему такъ—дается. Она достигаетъ той степени, когда черезъ ея вполне просвѣтленную, лишенную всякой самости душу струится, какъ черезъ чистую среду, божественныя силы на помощь другимъ. Ей дана власть вести другихъ и открывать имъ духовныя міры.

«Рѣчь ея была въ Богѣ, и столько говорила она о Богѣ, что духовникъ только повторялъ: милая дочь, говори еще». Онъ лишается чувствъ и когда приходитъ въ себя, призываетъ къ себѣ свою духовную дочь.

«Слава Богу, что онъ создалъ тебя человѣкомъ! Ты указала мнѣ путь къ моему вѣчному блаженству, я пришелъ къ созерцанію Бога и мнѣ даровалось дѣйствительное знаніе всего того, о чемъ я слышалъ сперва изъ твоихъ устъ. О, милая дочь, ради той любви, что имѣешь ты отъ Бога, я прошу тебя, помоги мнѣ словомъ и дѣломъ, чтобы утвердиться мнѣ тамъ, гдѣ я теперь». Она даетъ ему совѣтъ, предостерегаетъ: «Не заблуждайтесь, ищите развлеченія въ твореніяхъ, такъ чтобы не было вамъ отъ нихъ вреда или имъ чтобы отъ васъ также вреда не было. При этомъ укрѣпляйте ваши силы, чтобы не обезумѣть». Это должны вы дѣлать, пока не будутъ пробуждены всѣ силы вашей души, пока не достигнете вы того знанія, о которомъ мы говорили раньше.

И этотъ трактатъ основанъ на истинномъ переживаніи. Въ немъ отразился путь и ученіе Экхарта.

Все что Эккартъ зналъ разсудкомъ, стало для него жизнью отъ соприкосновенія съ душой сестры Катрей. Онъ даетъ форму, ученіе; она становится живой силой, наполняющей эту форму. Мы часто видимъ, что

въ духовномъ мірѣ женщина является для мужчины тѣмъ, чѣмъ онъ для нея въ мірѣ физическомъ. Она становится для него творческимъ импульсомъ, онъ принимаетъ ея живую силу въ свой духъ, даетъ этой силѣ вещество и форму, творитъ мысли и дѣла. Общеніе Мейстера Экхарта съ сестрой Катрей было такимъ духовнымъ взаимодействіемъ, такой высшей формой духовнаго брака, плодомъ котораго было для обоихъ рожденіе Слова. Они оба были воплощеніемъ одного духа. Каждый изъ нихъ принесъ другому то, чего тому недоставало, и, получивъ цѣльность, этотъ духъ прозрѣлъ. Въ сущности въ этихъ двухъ мы видимъ одного человѣка. Путь, который проходитъ Катрей, ступени христіанскаго посвященія, очищенія, страданія и смерти, становится и его достояніемъ, ибо въ духѣ они одно. Она была для него его премудростью, Софіей. Въ жизни какъ древнихъ мистовъ, такъ и христіанскихъ святыхъ, встрѣчаемъ мы часто такіе женскіе облики, воплощающіе ихъ высшее «я». Въ сказкахъ о нихъ говорится какъ о премудрыхъ царевнахъ, обручающихся жениху золотымъ кольцомъ — символомъ посвященія, завершеннаго круга вернувшагося къ своему первоисточнику творенія.

III.

Въ тотъ годъ, когда былъ написанъ трактатъ о сестрѣ Катрей, страсбургскій епископъ Іоаннъ фонъ-Оксенштейнъ начинаетъ преслѣдованіе еретическихъ бегардовъ и бегинокъ. Кающимся прикрѣпляется къ платью деревянный крестъ. Множество сгораетъ на кострахъ и погибаетъ въ водѣ. Другіе бѣгутъ въ сосѣднія области, но преслѣдованія распространяются и тамъ.

Большинство тѣхъ, что такъ погибали, исповѣдывали положенія, которыя открыто проповѣдовалъ съ кафедръ Мейстеръ Экхартъ.

Быть можетъ переходъ Экхарта въ 1320 году во Франкфуртъ связанъ именно съ этимъ преслѣдованіемъ.

Экхартъ не могъ бороться съ инквизиціонной властью епископа. Тѣхъ бегиннокъ и бегардовъ, которые были причислены къ какому-нибудь ордену и за которыхъ Экхартъ могъ бы заступиться, преслѣдованіе не касалось. Экхартъ продолжалъ громко и открыто проповѣдовать то, за что ежедневно казнили людей. «Въ такомъ объясненіи словъ Христа вы можете спокойно ссылаться на меня», говоритъ онъ въ одной проповѣди, «я отвѣчаю за это моею жизнью»; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «пусть душа моя будетъ тому залогомъ». Такія слова не были красными словами въ то время, когда всюду, гдѣ распространялось его ученіе, воздвигались костры.

Но его лично преслѣдованіе еще не касается. Орденъ за него и даетъ ему въ этихъ же годахъ почетное и вліятельнѣйшее мѣсто преподавателя догматики въ высшей школѣ въ Кельнѣ. Кельнъ издавна былъ духовнымъ центромъ Германіи. До Экхарта въ немъ жили и учили Альбертъ Великій, Тома Аквинскій, Дунсъ Скотъ. Теперь преслѣдуемые въ верхнихъ странахъ Рейна бегарды и бегинки стекаются туда но встрѣчаютъ въ лицѣ архіепископа Генриха сильнаго врага. Тогда же былъ сожженъ Вальтеръ, глава секты, и многіе гибли въ огнѣ и въ волнахъ Рейна. Тамъ прожилъ Экхартъ послѣдніе годы своей жизни.

Ученики, среди которыхъ были тогда Таулеръ и Сузо, называютъ его «святымъ учителемъ», «божественнымъ учителемъ». Нравственный обликъ Экхарта былъ

настолько чистъ, что всѣ старанія его враговъ собрать какія-нибудь улики противъ его личной жизни остались напрасными.

Въ 1325 году на соборѣ въ Венеціи поступаетъ жалоба на братьевъ нѣмецкой провинціи, «которые въ своихъ проповѣдяхъ преподаютъ народу нѣкоторыя вещи, могущія легко привести слушателей къ ересямъ». Этотъ доносъ относился къ Экхарту и молодымъ священникамъ, его послѣдователямъ. Первые попытки обвинить Экхарта оказались неудачными. Когда инквизиторами явились соперники Экхарта, теологи высшей Францисканской школы въ Кельнѣ, Доминиканскій Орденъ всталъ за Экхарта, и его правотѣ была восстановлена. Недовольный его оправданіемъ, архіепископъ неблаговидными способами самъ собираетъ противъ него улики, а когда и это не приводитъ къ желаннымъ результатамъ, онъ начинаетъ въ 1327 году 14 января противъ Экхарта формальный процессъ.

24-го января Экхартъ со свидѣтелями является передъ инквизиторами и возстаетъ противъ ихъ способа веденія дѣла. Онъ считаетъ, что недостойное поведение съ подслушиваніями, поклепами и каверзами есть полный произволъ, который наноситъ оскорбленіе всему Ордену. Онъ считаетъ ниже своего достоинства отвѣчать имъ на ихъ обвиненія и приглашаетъ ихъ 4-го мая съ собой въ Авиньонъ, гдѣ онъ, Экхартъ, передъ папой и всей церковью докажетъ чистоту своего ученія, которое было ими просто невѣрно понято.

13 февраля днемъ въ пятницу 1327 года въ доминиканской церкви въ Кельнѣ Экхартъ, окончивъ свою проповѣдь, попросилъ прочесть народу по-латыни рукопись, которую онъ держалъ въ рукѣ, и когда она была

прочтена, перевелъ ее самъ на нѣмецкій языкъ и объ-яснилъ. Затѣмъ онъ пригласилъ бывшаго здѣсь нота-ріуса составить объ этомъ протоколъ. Свидѣтелями подписались нѣсколько духовныхъ лицъ и два кельнскихъ гражданина. Заявленіе же это, которое потомъ ложно называли отреченіемъ, гласило:

«Я, Мейстеръ Экхартъ, докторъ святой теологіи, объявляю прежде всего, призывая во свидѣтели Бога, что каждое заблужденіе въ вѣрѣ и искаженіе ея избѣ-галъ я насколько могъ, ибо таковыя заблужденія были мнѣ всегда ненавистны и ненавистны до сихъ поръ, какъ доктору и члену Ордена. Если нашлось бы что-либо ошибочное въ этомъ отношеніи, что бы я напи-салъ, сказалъ или проповѣдывалъ, открыто или не-открыто, прямо или косвенно, съ дурнымъ умысломъ или ради духа сопротивленія,—отъ этого отрекаюсь я прямо и открыто всѣмъ и каждому, кто присутствуетъ здѣсь въ собраніи, ибо смотрю съ этого мгновенія на сіе, какъ на несказанное и ненаписанное, особенно по-тому, что слышу, что плохо меня поняли; будто я про-повѣдывалъ, что мой маленькій мизинецъ создалъ все; но я не думалъ и не говорилъ того, что гласятъ эти слова; а сказалъ я это о пальцахъ того маленькаго мальчика Іисуса». Затѣмъ, опровергнувъ еще одно иска-женіе своего ученія о душѣ и объяснивъ его, Экхартъ говоритъ: «Я исправляю все это и отказываюсь отъ всего этого, и буду исправлять, и буду отказываться въ общемъ и въ частности всегда, когда это понадоби-лось бы, отъ всего, въ чемъ было бы признано отсут-ствіе здраваго смысла».

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что можно было бы назвать отреченіемъ.

Экхартъ только готовъ отказаться отъ того, что было бы доказано, какъ идущее въ разрѣзъ съ вѣрнымъ ученіемъ и здравымъ смысломъ. Онъ утверждаетъ, что его не поняли, и вовсе не признаетъ себя виновнымъ.

Экхартъ хотѣлъ этимъ доказать, что совѣсть его чиста передъ церковью. И разъяснить это хотѣлъ онъ народу, чтобы тѣмъ самымъ снять обвиненіе и съ Ордена, который стоялъ за него.

Это не былъ отвѣтъ инквизиторамъ.

Рѣшенія своего дѣла Экхартъ не дождался. Онъ умеръ въ 1327 году. А черезъ два года (1329 г. 27 марта) появилась столь желанная кельнскимъ епископомъ папская булла, признающая 26 положеній ученія Экхарта еретическими и говорящая о вышеприведенномъ его заявленіи, какъ о собственномъ его отреченіи отъ этого ученія.

VI.

Экхартъ самъ считалъ, что его ученіе вполне согласно съ ученіемъ церкви. Онъ исповѣдовалъ тѣ же истины, что учитель его Тома Аквинскій, но подходилъ къ нимъ инымъ путемъ, давалъ имъ новый обликъ и новую жизнь.

Какъ мистика, такъ и схоластика, обѣ принимаютъ за основаніе непосредственное прозрѣніе Бога. Но схоластика принимаетъ это прозрѣніе или откровеніе, даннымъ извнѣ, она опирается на чужой опытъ, на авторитетъ Священнаго Писанія. На этомъ основаніи строитъ она систему понятій, которая дѣлаетъ догматъ приемлемымъ для разума. Разумомъ возвышаясь надъ природой, она объясняетъ ея законы. Но отвлеченная мысль

остаётся при этомъ замкнутой сама въ себѣ, разсудочной, разумѣющей вещи извнѣ.

Схоластъ мыслить о Богѣ, мистикъ мыслить Бога. Или еще точнѣе: онъ мыслить божественно.

Для мистика сущность человѣческой мысли и божественной—одна. Человѣческая мысль—отраженіе мысли божественной и слѣдуетъ ея движеніямъ, потому она дѣйствительна. Богъ мыслить Себя въ человѣкѣ. Мысль мистика—органическая жизнь его «я», раскрытіе этого «я», основа и сущность котораго божественна. «Здѣсь Божья глубина—моя глубина, и моя глубина—Божья глубина».

Живое откровеніе, горящая дѣйствительность, которую, какъ нѣчто безусловное, открываетъ въ ясности и радости погружившійся въ себя духъ—не нуждается во внѣшнемъ закрѣпленіи, въ символѣ, въ догматѣ.

Въ то время, какъ господствующая церковь утверждаетъ на преданіи и писаніи, на довѣрїи къ свидѣтельству о Словѣ жизни тѣхъ, «что слышали и видѣли собственными глазами, что сами были свидѣтелями, чьи руки осязали»... мистикъ познаетъ то же Слово въ душѣ своей, рождаемое Отцомъ въ ея основѣ и сущности.

Экхартъ говоритъ, поясняя слова Христа: «Это хорошо для васъ, что Я васъ покидаю, ибо если бы Я не ушелъ отъ васъ, то вы не могли бы причаститься Св. Духу». Какъ будто Онъ говоритъ: «До сей поры вы видѣли слишкомъ много радости въ Моемъ видимомъ присутствіи, поэтому не могли причаститься совершенной радости Св. Духа»...

Богъ рождаетъ Своего Сына въ вѣчности, и такъ же, какъ совершилось это рожденіе однажды во времени, совершается оно въ основѣ и сущности человѣческой души. «Богъ сталъ человѣкомъ, дабы я сталъ Бо-

гомъ». Великое «я есмь» міра, Слово, воплотилось въ человѣкѣ, дабы узналъ человѣкъ въ себѣ великое «я есмь» міра. Отрѣшаясь отъ своего временнаго лика, онъ познаетъ въ себѣ безсмертное «я есмь» и въ немъ становится причастникомъ міровой творческой воли; тамъ онъ въ средоточіи, изъ котораго исходятъ лучи ея, тамъ видитъ онъ себя «какъ того, кто создалъ вотъ этого человѣка». Въ этой глубинѣ, въ которой бьетъ жизнь сама изъ себя, безъ всякаго «почему» — необходимость и свобода становятся одно. Сливая свое «я» съ міровымъ, человѣкъ постигаетъ міровую волю, какъ свою. Понявъ всѣмъ существомъ своимъ законмѣрность, онъ перестаетъ чувствовать законъ, какъ внѣшнюю силу. Мало того, что, разумѣя, онъ исполняетъ законъ, онъ творитъ его.

Человѣкъ постигаетъ вещи не только внѣшними чувствами, но и внутреннимъ прозрѣніемъ. Свѣтъ этого внутренняго познанія называетъ Экхартъ «искоркой» души. Кто просвѣтленъ этой «искоркой», тотъ познаетъ міръ не только чувственно и разсудочно, онъ познаетъ вещи, сливаясь съ ихъ сущностью, познаетъ ихъ изнутри: перестаетъ быть въ мірѣ, какъ нѣчто обособленное, находитъ все въ себѣ и себя во всемъ.

Человѣкъ сталъ человѣкомъ благодаря своему самостоятельному «я». Но онъ становится человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, когда онъ черезъ самопознаніе возвышается надъ этимъ ограниченнымъ «я» до принятія въ себя мірового. «Гдѣ кончается тварь, тамъ начинается Богъ. И Богъ не желаетъ отъ тебя ничего большаго, какъ чтобы ты вышелъ изъ себя самого, поскольку ты тварь, и далъ бы Богу быть въ тебѣ Богомъ».

По Экхарту самая сущность Бога есть любовь. Богъ

долженъ любить человѣка. «Клянусь вѣчной правдой Господа, долженъ Богъ излиться всею силою Своею въ каждаго человѣка, дошедшаго до глубины. Излиться всецѣло, такъ чтобы ни въ жизни Своей, ни въ сущности Своей, ни въ естествѣ Своемъ, ни даже въ самой божественности Своей не сохранить ничего для Себя, но щедро и плодоносно излиться въ человѣка, отдавагося Богу». И такъ, внутреннее озареніе дается неизбѣжно тому, кто достигаетъ отрѣшенности, чья личная, обособленная воля молчитъ. «Духъ того человѣка не можетъ желать иного, чѣмъ желаетъ Богъ. И это не неволя его, это его собственная свобода. Ибо свобода — это наша несвязанность, ясность, цѣльность, чѣмъ мы были въ нашемъ первомъ происхожденіи и чѣмъ стали освобожденные въ Духѣ Святомъ».

Это освобожденіе въ Духѣ Святомъ есть возвратъ къ Божеству, сліяніе съ Божествомъ, но не прежнее бессознательное и безличное пребываніе въ лонѣ Божества, а новый союзъ съ Богомъ, черезъ Сыновство, въ свободѣ. Новый Заветъ. О возвратѣ къ Богу говоритъ Экхартъ: «и устье мое прекраснѣе моего истока, ибо вотъ я—единый возношу всѣ созданія изъ ихъ разума въ мой, дабы и они стали во мнѣ единствомъ». И въ другомъ мѣстѣ: «и я — единственный возвращаю всѣ созданія Богу».

«Праведный человѣкъ не служитъ ни творенію, ни Богу, ибо онъ свободенъ и чѣмъ ближе къ праведности, тѣмъ болѣе онъ самъ свобода». Такой человѣкъ становится въ мірѣ сознательнымъ строителемъ, сознательно исполняя міровыя цѣли. Апостоль Павелъ говоритъ: «Ибо тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божьихъ,—потому что тварь покорилась суетѣ не до-

бровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божьихъ, ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаеть и мучится».

Въ ученіи Экхарта нѣтъ того буддійскаго ухода отъ жизни, которое стремится лишь къ личному освобожденію. Восточное созерцаніе ведетъ человѣка обратнымъ путемъ, къ его источнику, къ слянію съ Божествомъ, въ этомъ пути человѣкъ какъ бы отрицаетъ эволюцію міра, приходитъ обратно съ пустыми руками. Экхартъ христіанинъ, «устье его выше источника». Созерцаніе его оплодотворяетъ творчество дѣйствительной жизни, и обратно творчество дѣйствительной жизни — созерцаніе. Послѣ того, какъ Слово стало плотью, духъ не убѣгаетъ отъ земли, но, возлюбя ее, принимаетъ ее въ себя; въ духѣ преображенная она возвращается къ Отцу.

Изъ этого взгляда вытекаетъ все нравственное ученіе Экхарта. Зло по Экхарту поступки обособленнаго, замкнутаго въ себѣ человѣка, который хочетъ лишь своего. «Для человѣка, пребывающаго въ Божьей волѣ, и въ Божьей любви, для него радость—дѣлать добрыя дѣла, которыя Богъ хочетъ, и оставлять злыя, которыя противъ Бога. И для него невозможно не выполнить дѣло, которое Богъ хочетъ, чтобы было исполнено».

Радостнымъ, творческимъ духомъ проникнуто его ученіе. Творческое начало видитъ онъ и въ страданіи. «Богъ не разрушитель природы, но строитель ея; онъ разрушаетъ только то, что можетъ замѣнить лучшимъ». Въ большомъ страданіи онъ видитъ сокращеніе пути того, кто Богомъ любимъ. «И радость Божья и радость праведника — одна».

Упрекають Экхарта, что Христось, рожденный въ душѣ, затмеваетъ въ его ученіи Христа, рожденнаго Маріей, и этимъ объясняютъ его толкованія Евангельскихъ событій. «Мы должны все одухотворять», говоритъ онъ. Пять мужей Самаритянки для него—пять чувствъ; вдова Наинская—разсудокъ, умершій мужъ—творческое начало души, сынъ—высшій разумъ. «Іосифъ и Марія потеряли Христа въ толпѣ, и должны были, чтобы найти его, вернуться туда, откуда ушли, въ храмъ. Такъ и мы должны вернуться туда, откуда изошли».

Упрекъ этотъ несправедливъ. Для Экхарта во Христѣ было воистину воплощено Слово, и все Палестинское дѣйство, всѣ событія и каждое лицо было воистину отображеніемъ духовнаго міра. Всѣ участники той великой мистеріи были одновременно и живыми людьми и чистымъ воплощеніемъ духовныхъ сущностей. Жизнью стало то, что въ прообразахъ, въ обрядахъ совершалось въ древнихъ мистеріяхъ. Тогда воистину все, что совершалось на землѣ, совершалось на небѣ, и всѣ событія на землѣ были въ то же время и полной реальностью духовной, т.-е. чистымъ символомъ. Постигая это таинство, Экхартъ могъ видѣть событія, происходящія въ душѣ, въ образахъ того дѣйства, и обратно, событія Палестины—какъ образъ и символъ міра душевнаго.

Другіе, наоборотъ, игнорируютъ въ ученіи Экхарта его вѣру въ Христа Богочеловѣка. Такъ одинъ изъ его переводчиковъ произвольно выбрасываетъ всѣ тѣ мѣста проповѣдей и трактатовъ, гдѣ Экхартъ касается христіанскихъ догматовъ. Онъ хочетъ очистить его ученія отъ всего несущественнаго. Другой спѣшитъ снять съ Экхарта подозрѣніе въ томъ, что онъ вѣритъ въ чорта

и ангеловъ. Подобныя вещи были для него лишь символами, объясняетъ онъ. Въ наше же время символы равны формальнымъ отвлеченнымъ понятіямъ. Для насъ микрокосмъ и макрокосмъ разъединенны. Человѣкъ думаетъ, что его духовный міръ оторванъ отъ окружающаго міра. Это крестъ и проклятіе нашего времени, и отсюда его матеріализмъ съ одной стороны и абстрактный идеализмъ—съ другой.

Для Экхарта символъ былъ той же реальностью, а понятія—живыми существами и живыми силами объективнаго духовнаго міра, въ которомъ онъ жилъ полной творческой жизнью. Напрасно современные люди, желая почитать Экхарта и сравнивать съ собой, переносятъ его въ бесплодную пустыню абстракцій. Зеленѣющей и цвѣтущей духъ Экхарта питается неизсякающими глубинными ключами міра. И какъ живъ этотъ духъ, и какъ онъ живетъ!

Экхартъ черпалъ свои мысли не только изъ книгъ Отцовъ Церкви, схоластовъ и античныхъ философовъ, въ которыхъ былъ глубоко начитанъ (неоплатоники: Плотинъ и Проклъ были ему въ особенности близки), онъ пережилъ эти мысли всѣмъ существомъ своимъ. Но на самыхъ высокихъ ступеняхъ мистическаго переживанія мысль его остается ясной и строгой, какъ кристаллъ. И законченность и граненость этой мысли ничего не ограничиваетъ и не сковываетъ. Сквозь ясность ея, какъ въ кристаллѣ, темнѣетъ глубина.

Его мысль проникнута Христомъ. Въ немъ сама солнечная мысль Христова, лучистая и творческая; всевидящее око, которое не только воспринимаетъ лучи данныхъ вещей, но излучаетъ свой свѣтъ, пронзая тучи, преображая ихъ въ красоту славы.

«Мы видимъ вещи таковыми, каковы онѣ суть; вещи же таковы, какими видитъ ихъ Богъ», говоритъ Августинъ. И такая въ себѣ самой находящая опору мысль и изъ себя самой излучающаяся есть творческая мысль Христова, созидающая міръ.

Христіанство первыхъ вѣковъ опиралось на внѣшнее свидѣтельство и традицію; постепенно, уже у Павла сущность познанія Христа перенесена на внутреннее откровеніе. Средневѣковые святые, какъ Францискъ Ассизскій, переживаютъ Христа въ непосредственномъ воспріятіи, въ чувствѣ. Въ схоластикѣ христіанство захватываетъ область разсудка; у Экхарта она какъ бы проникаетъ въ центръ сознанія. Бытіе Христа вытекаетъ изъ сознанія своего «я».

Послѣдователи Экхарта должны были осуществить его высокое ученіе въ жизни.

Глубоко воспринятая мысль не можетъ оставаться недѣйствительной; она заставляетъ не только иначе думать, но иначе жить. То, что учитель видѣлъ въ радостномъ духовномъ прозрѣніи, какъ возможность человѣческаго существа—для учениковъ стало жизненной цѣлью.

И та высокая правда, которую онъ открылъ имъ, обратилась, какъ мечъ, противъ нихъ.

Имъ былъ показанъ образъ божественнаго человѣка въ его первоначальной красотѣ, и обратясь, къ дѣйствительности, они увидали искаженное отраженіе его въ мірѣ испорченнымъ Люциферомъ. Пытаясь жить сообразно «строю Царствія Небеснаго», они поняли, что всѣ вещи и самъ человѣкъ подвластны инымъ законамъ; они столкнулись съ началомъ сопротивленія въ себѣ и

въ мірѣ, и имъ стало ясно, что познаніе вовлекло ихъ въ борьбу не на животъ, а на смерть.

«И взялъ я книгу изъ руки Ангела», говорится въ Апокалипсисѣ, «и съѣлъ ее, и она въ устахъ моихъ была сладка, какъ медъ; когда же я съѣлъ ее, то горько стало во чревѣ моемъ». Ибо радость откровенія духа обращаетъ жизнь въ этомъ тѣлѣ въ крестный путь.

Причащаясь божественному творчеству и становясь «другомъ Божимъ», человѣкъ причащается жертвѣ Его.

Этого не поймутъ тѣ люди, которые, прослушавъ проповѣдь Экхарта, скажутъ себѣ: я вернусь къ себѣ домой, сяду на мой стулъ, буду есть мой хлѣбъ и служить моему Богу; тѣ, которые ищутъ лишь своего благополучія и благосостоянія во всѣхъ областяхъ.

Они уже обратили искусство въ высшій комфортъ души своей и такъ же поступятъ съ мистикой. Мысль ихъ ни къ чему не обязываетъ. Слово остается словомъ, прекрасной игрой ума.

Не такими слушателями Экхарта были его ученики Іоаннъ Таулеръ и Генрихъ Сузо. Они, понявъ, что путь ко второму рожденію лежитъ черезъ смерть, вступаютъ на этотъ путь на трудный, на скорбный, и о немъ говорятъ.

Отсюда настроеніе, проникающее ихъ книги.

У Сузо всѣ переживанія переходятъ больше въ область душевную, есть что-то трогательное и дѣтское въ немъ въ его любви, въ его слезахъ.

Ближе къ своему учителю Іоаннъ Таулеръ.

Продолжая жить въ высокой области мысли Экхарта, онъ только ищетъ стать изъ созерцателя Духа живымъ въ Духѣ.

Оттого въ извѣстный моментъ его жизни къ нему

пріѣзжаетъ тотъ таинственный помощникъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «Друга Божьяго изъ Оберланда». Этотъ человѣкъ, который былъ больше, чѣмъ учитель въ обыденномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ ученіе было преобразено въ силы всего его существа, далъ Таулеру ключъ къ новой жизни, далъ ему власть не только поучать, но глаголомъ жечь сердца людей. И есть разсказъ, что отъ одной проповѣди Таулера 40 человѣкъ упали и были какъ мертвы.

Такими путями проникало въ жизнь духовное теченіе, начатое Экхартомъ. Впослѣдствіи, обогатившись всѣмъ, что могло дать глубокое и интуитивное познаніе природы, оно становилось все болѣе творческимъ, выразилось въ Парацельзѣ, въ Яковѣ Беме. Уступая мѣсто задачамъ иныхъ временъ, оно ушло въ подземныя русла. Безъ него невысказано творчество Новалиса и, наконецъ, Гете.

Почему важно, чтобы въ наши дни прозвучалъ намъ отрѣшенный и вмѣстѣ съ тѣмъ страстный голосъ Мейстера Экхарта?

Не стоимъ ли и мы, какъ онъ, на порогѣ новаго времени? Ибо души напряжены и ожидаютъ откровенія. Но гдѣ сильнѣе свѣтъ, темнѣе обозначатся и тѣни. Все, что въ инныя времена осталось бы грѣхомъ отдѣльныхъ; все, что не есть одна чистая отрѣшенность; все, что не есть одна любовь, которая сильнѣе смерти и убиваетъ все отъединенное,—въ такія времена гибельно для многихъ.

Надо раскрыть сердца духовному міру. Онъ приблизился...

Экхартъ не устаетъ освобождать душу къ новому все болѣе чистому бытію. Онъ требуетъ высочайшаго.

Его чистый и трезвый духъ создаетъ въ душѣ ту тишину, въ которой Богъ произноситъ Свое Слово.

*

Переводъ избранныхъ сочиненій мейстера Экхарта сдѣланъ съ средне-верхне-нѣмецкаго текста, изданнаго Пфейфферомъ (Franz Pfeiffer, Meister Eckhart, 1857, Göschen). Измѣненія и дополненія внесены по Бюттнеру (Meister Eckharts Schriften und Predigten aus dem Mittelhochdeutsch übersetzt und herausgegeben von Herrman Büttner, Diederichs, Leipzig, 1903), который пользовался для своего перевода новыми источниками.

Критическаго изданія Экхарта не существуетъ.

Его проповѣди, составляющія главную часть сочиненій, были записаны слушателями по памяти. Эти проповѣди и разсужденія, много разъ переписанныя, дошли до насъ въ очень измѣненномъ видѣ. Ибо люди переписывали эти сочиненія «для души», не заботясь о точности формы, измѣняя, пропуская то, что казалось имъ неяснымъ или лишнимъ.

Изреченія Св. Писанія Экхартъ приводитъ въ большинствѣ случаевъ своими словами, которыхъ я и держусь.

Стараясь насколько возможно передать самобытность его рѣчи, я не смягчала странности иныхъ оборотовъ и выражений, свойственныхъ тому времени.

ЭТО
МЕЙСТЕРЪ ЭКХАРТЪ,
ОТЪ КОТОРАГО
БОГЪ
НИКОГДА НИЧЕГО
НЕ СКРЫВАЛЪ.

о время оно былъ посланъ Господомъ Ангель Гавріиль. «Радуйся, Благодатная, Господь съ тобой». Когда меня спрашиваютъ, зачѣмъ мы молимся, или постимся, или дѣлаемъ добрыя дѣла, зачѣмъ мы крещены, а, главное, зачѣмъ Богъ сталъ человѣкомъ (что самое высокое), я отвѣчаю: «Зачѣмъ, чтобы Богъ родился въ нашей душѣ, а душа въ Богѣ».

Зачѣмъ написано всякое писаніе и Богъ создалъ весь міръ? Для того лишь, чтобы Богъ родился въ душѣ и душа въ Богѣ. Сокровеннѣйшая природа всякаго злака предполагаетъ пшеницу, всякой руды — золото, всякое рожденіе имѣетъ цѣлью человѣка. «Нѣтъ такого звѣря», говоритъ одинъ мудрецъ, «который не имѣлъ бы во времени чего-либо общаго съ человѣкомъ».

«Во время оно». Когда какое-нибудь слово воспринято моимъ разсудкомъ, оно такъ безплотно и чисто вначалѣ, что это поистинѣ слово, до тѣхъ поръ, пока, представляя его себѣ, я не превращу его въ нѣкій образъ, и только, въ-третьихъ, оно выговаривается ртомъ, и тогда — это лишь выявленіе сокровеннаго слова. Также и вѣчное Слово выговаривается внутренне въ сердцѣ души, въ ея сокровеннѣйшемъ и чистѣйшемъ. Въ головѣ же души, въ разумѣ ея — тамъ совершается это

рожденіе. Пусть тотъ, кто имѣетъ хотя бы надежду на то или предчувствіе того, узнаетъ, какъ осуществляется это рожденіе и что ему способствуетъ.

Святой Апостоль Павелъ говоритъ: «Въ свершеніи временъ Богъ послалъ Своего Сына». Святой Августинъ объясняетъ, что такое «свершеніе временъ».

Когда нѣтъ больше времени, это и есть свершеніе временъ. Когда дня больше нѣтъ, тогда свершенъ день. Поистинѣ, гдѣ должно совершиться это рожденіе, тамъ должно исчезнуть всякое время; ибо нѣтъ ничего, что бы такъ препятствовало этому, какъ время и твореніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что время, по существу своему, не касается Бога и души. Если бы оно могло коснуться души, душа не была бы душой. Если бы Богъ былъ прикосновенъ времени, то Богъ не былъ бы Богомъ. Если бы душа имѣла что-либо общаго со временемъ, никогда бы Богъ не могъ родиться въ ней. Для этого должно отпасть всякое время или душа должна освободиться отъ времени съ его желаніями и стремленіями.

Вотъ другое значеніе «свершенія времени».

Если бы кто-нибудь обладалъ искусствомъ и властью стянуть въ одно настоящее мгновеніе время и все, что когда-либо произошло за шесть тысячъ лѣтъ или еще произойдетъ до конца міра, это было бы свершеніемъ временъ. Вотъ настоящее мгновеніе вѣчности: когда душа познаетъ всѣ вещи въ Богѣ такими новыми и свѣжими и въ той же радости, какъ онѣ чувственно сейчасъ передо мной. Я прочелъ въ одной книжечкѣ, у одного человѣка, который могъ это доказать: Богъ создаетъ міръ теперь точно такъ же, какъ Онъ дѣлалъ это въ первый день сотворенія міра, въ этомъ-то, какъ разъ, и заключается Его богатство.

Душа, въ которой надлежитъ родиться Богу, должна отойти отъ времени, какъ и время отъ нея, она должна подняться и застыть въ этомъ богатствѣ Господа. Тамъ даль и ширь не далека и не широка! Тамъ познаетъ душа всѣ вещи и познаетъ ихъ въ ихъ совершенствѣ. Что бы ни писали мудрецы о высотѣ неба, малѣйшія силы моей души выше высокаго неба. Не говорю о разумѣ, онъ дальше всякой дали. Въ немъ я такъ же близокъ къ мѣсту, лежащему за тысячу миль по ту сторону моря, какъ къ тому, гдѣ я нахожусь сейчасъ. Въ этой дали, въ этомъ богатствѣ Господа душа познаетъ все; тамъ ничего не теряется для нея и ей больше нечего ожидать.

«Быль посланъ Ангелъ». Учителя говорятъ, что сонму ангеловъ нѣтъ числа, что ихъ число непостижимо. Но для того, кто можетъ различать безъ числа и множества, сто было бы, какъ одинъ. Будь въ Божествѣ сто лицъ, онъ все же постигъ бы, что Богъ одинъ.

И вотъ этому удивляются невѣрующіе люди, и многіе невѣжественные христіане, и даже многіе священники, которые такъ же мало знаютъ о томъ, какъ какой-нибудь камень. Они понимаютъ три лица, какъ три коровы или три камня! Но тотъ, кто можетъ постигнуть безъ числа и множества различія въ Богѣ, тотъ познаетъ, что три лица—одинъ Богъ.

И какъ высоко ни стоитъ ангелъ, лучшіе наши учителя учатъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою природу. Если бы былъ человѣкъ, который обладалъ бы всей мудростью, властью и всѣмъ, чѣмъ обладали, обладаютъ и будутъ обладать всѣ люди, онъ былъ бы чудомъ; и все же онъ былъ бы только человѣкомъ и стоялъ бы много ниже ангеловъ! И каждый ангелъ имѣ-

еть свою природу и отличается отъ другого, какъ одинъ звѣрь отъ другого иной породы. Въ этомъ множествѣ ангеловъ состоитъ богатство Божіе, и кто охватитъ ихъ всѣхъ сразу взоромъ, тотъ получитъ понятіе о томъ, какъ богатъ Господь. Они представляютъ Его власть, какъ представлена власть какого-нибудь господина множествомъ рыцарей. Поэтому мы зовемъ его Господомъ господствующихъ.

И всѣ эти безчисленные ангелы, какъ бы ни были высоки они, всѣ должны содѣйствовать и помогать, когда Богъ рождается въ душѣ. Это значить, что для нихъ въ томъ рожденіи радость, веселіе и блаженство—дѣлать имъ при этомъ нечего! Вообще, здѣсь нечего дѣлать созданнымъ существамъ. Богъ совершаетъ это рожденіе Одинъ. Только служебное дѣло предоставлено здѣсь ангелу. Все, что можетъ при этомъ быть совершено ангелами или твореніями, это «дѣло служенія».

«Ангель именовъ Гавріиль». Онъ поступилъ такъ, какъ именовался; въ сущности онъ такъ же мало назывался Гавріиломъ, какъ Конрадомъ. Никто не можетъ знать имени ангела; туда, гдѣ находится его имя, не проникалъ никогда ни одинъ мудрецъ, ни одинъ человѣческій помыслъ. Можетъ быть, онъ вообще не имѣетъ имени! Душа тоже не имѣетъ имени. Какъ Богу нельзя найти истиннаго имени, такъ же истиннаго имени нельзя найти и душѣ—хотя объ этомъ написаны толстыя книги! Но имя дается ей, поскольку она проявляется въ какомъ-либо дѣлѣ.

Плотникъ: вѣдь это не имя человѣка, но имя, данное ему по тому дѣлу, въ которомъ онъ мастеръ. Имя «Гавріиль» этотъ Ангель получилъ по тому дѣлу, вѣстникомъ котораго онъ былъ. Ибо Гавріиль значить

«Сила»: въ этомъ рожденіи дѣйствовали и дѣйствуютъ еще Богъ, какъ сила.

Что предполагаетъ каждая сила природы? Она хочетъ воспроизвести себя самое! Что предполагаетъ каждая природа, когда она занята зачатіемъ? Она хочетъ воспроизвести себя самое. Природа моего отца—(въ его человѣческой природѣ) — хотѣла воспроизвести отца. Такъ какъ она не была въ состояніи этого совершить, она захотѣла того, что наиболѣе похоже на отца, и зачала—самое похожее—сына! Когда же и на это не хватаетъ силы или это не удастся, то она производитъ человѣческое существо, еще менѣе подобное отцу.

У Бога же неограниченная сила! Поэтому въ этомъ рожденіи даетъ Онъ Свое подобіе: все, что въ Немъ есть силы, истины и мудрости—рождаетъ Онъ въ душѣ безъ остатка.

Св. Августинъ говоритъ: «Душа уподобляется тому, что она любитъ; любитъ ли она земныя вещи, она становится земной, любитъ ли Бога—тутъ можно спросить: становится ли она Богомъ? Если бы я такъ сказалъ, это прозвучало бы невѣроятнымъ для тѣхъ, чья мысль слишкомъ слаба и не можетъ понять этого. Я не говорю этого, но я указываю вамъ на Писаніе, которое говоритъ: «Я сказалъ, вы боги!»

Если кто-нибудь обращаетъ взоръ, надежду или довѣріе къ богатству, о которомъ я говорилъ, пусть узнаетъ, что никогда ничто не было такъ родственно, черезъ рожденіе, такъ подобно другому, такъ одно съ нимъ—какъ въ этомъ рожденіи душа и Богъ. Если же здѣсь встрѣчается препятствіе, и душа не во всѣхъ отношеніяхъ подобна Богу, то въ этомъ не Его вина!

Поскольку всякое несовершенство отпадаетъ отъ нея,

постольку дѣлаетъ Онъ ее Себѣ подобной. Если плотникъ не можетъ выстроить хорошаго дома изъ червиваго дерева, то это не его вина, но вина дерева. Такъ же точно дѣйствіе Бога въ душѣ. Если бы самый послѣдній ангелъ отразился или родился въ душѣ, то въ сравненіи съ этимъ весь міръ показался бы ничѣмъ; ибо отъ единственной искорки ангела зеленѣетъ и цвѣтетъ и свѣтится все, что есть на землѣ. А это рожденіе совершаетъ Самъ Богъ. Дѣло же ангела при этомъ лишь служебное.

«Ave» означаетъ «безъ боли». Кто не созданъ, для того нѣтъ боли и ада; и тварь, которая обладаетъ наименьшими свойствами твари, наименѣе знаетъ боль. Я говорю иногда: кто меньше всего имѣетъ отъ міра, тотъ самый богатый въ мірѣ. Никому не принадлежитъ міръ въ той мѣрѣ, какъ тому, кто отказался отъ всего міра. Знаете, отчего Богъ есть Богъ? Оттого что Онъ безъ твореній.

Онъ не назвалъ Своего имени во времени никогда. Во времени тварь, грѣхъ и смерть. Они всѣ сродни въ извѣстной мѣрѣ. И когда душа уходитъ отъ времени, въ ней не остается ни боли, ни адскаго страданія. Даже горе становится для нея тамъ радостью. Все, что только можно вообразить себѣ въ смыслѣ радости, веселья, блаженства и жара любви, перестаетъ даже быть радостью въ сравненіи съ тѣмъ блаженствомъ, которое испытываютъ въ этомъ рожденіи.

«Благодатная Марія, Господь съ тобой». Малѣйшее дѣйствіе Благодати выше по своей природѣ всѣхъ ангеловъ. Св. Августинъ говоритъ: дѣйствіе благодати, исходящее отъ Бога, когда, на примѣръ, Онъ обращаетъ грѣшника и дѣлаетъ его хорошимъ человѣкомъ, есть нѣчто большее, чѣмъ если бы Онъ создалъ новый міръ.

Ибо Богу такъ же легко перевернуть небо и землю, какъ мнѣ перевернуть въ рукѣ яблоко.

Если въ какой-нибудь душѣ есть Божья благодать, то какъ ясна эта душа, какъ подобна Богу, какъ сродни Ему! И все же она никакъ не дѣйствуетъ—такъ же, какъ въ рожденіи, о которомъ я только что говорилъ, нѣтъ дѣйствія. Св. Іоаннъ не совершилъ ни одного знаменія. — И все же дѣло, которое дано ангелу въ Богѣ, такъ высоко, что никогда никакой мудрецъ, или человѣческій помыселъ не былъ бы въ состояніи его понять. Взглядъ ангела,—отъ малѣйшаго дѣйствія котораго содрогается земля и небо и все, что есть на землѣ, цвѣтетъ и живетъ,—въ этомъ дѣлѣ лишь щепка, которая отлетаетъ, какъ отлетаетъ щепка отъ строящагося дома.

Я охотно употребляю слово: родникъ—какъ бы ни странно оно звучало, мы должны выражаться по своему! Одинъ родникъ это тотъ, въ которомъ Отецъ рождаетъ своего Единороднаго Сына. Изъ этого именно родника возникаетъ и изливается благодать. Другой родникъ, это тотъ, въ которомъ творенія вытекаютъ изъ Бога. Онъ такъ далекъ отъ того, изъ котораго возникаетъ благодать, какъ небо отъ земли.

Благодать не дѣйствуетъ.

Тамъ, гдѣ земной огонь является въ своей истинной природѣ, онъ не горитъ и не жжетъ. Жжетъ жаръ, который исходитъ отъ огня. Но тамъ, гдѣ жаръ еще заключенъ въ огнѣ, онъ не жжетъ и не вредитъ. И все же жаръ, даже когда онъ заключенъ въ огнѣ, такъ же далекъ отъ истинной природы огня, какъ небо отъ земли. Благодать не совершаетъ никакого дѣла, она слишкомъ благородна для этого: дѣйствіе такъ же далеко отъ нея, какъ небо отъ земли.

Бытіе въ Богѣ связь, единство съ Богомъ—вотъ благодать, и тогда «Богъ съ тобой», ибо за этимъ и слѣдуетъ «Господь съ тобой!» Тогда совершается рожденіе.

Никому не должно казаться невозможнымъ достигнуть этого. Какъ бы то ни было трудно, что мнѣ до того, если Онъ совершаетъ это? Мнѣ легко исполнить всѣ Его заповѣди. Пусть Онъ велитъ мнѣ, что хочетъ, я сочту это за ничто, для меня все это малость: если онъ даетъ мнѣ на то Свою благодать. Многіе говорятъ, что они не имѣютъ ея! И я отвѣчаю: мнѣ очень жаль. Но мнѣ еще болѣе жаль, если ты и не томишься по ней. Ужъ если вы не имѣете ея, то хотя бы томились о ней! Если же и томленія нѣтъ, то пусть томятся по томленію! Какъ говоритъ Давидъ: я томлюсь, Господи, по томленію о Твоемъ правосудіи.

Дай намъ Богъ такъ томиться по Господу, чтобы это заставило Его Самого родиться въ насъ! Аминь.

ы справляемъ здѣсь во времени праздникъ вѣчнаго рожденія, которое Богъ Отецъ непрестанно совершалъ и совершаетъ въ вѣчности, и празднуемъ это самое рожденіе, совершившееся во времени и въ человѣческой природѣ. Рожденіе это совершается всегда, говоритъ Августинъ. Но если оно происходитъ не во мнѣ, какая мнѣ отъ этого польза? Ибо все дѣло въ томъ, чтобы оно совершилось во мнѣ. Будемъ же говорить объ этомъ рожденіи, какъ оно совершается въ насъ или, лучше сказать, въ доброй душѣ.

Въ какой же области совершенной души произносить Отецъ свое Слово? Ибо все, что я говорю здѣсь, относится только къ совершенному человѣку, который шель и идетъ путями Божьими, но не къ первобытному и неприготовленному человѣку, потому что такому человѣку это рожденіе — неизвѣсто и совершенно чуждо.

Такъ гласитъ слово мудраго человѣка: «Когда всѣ вещи покоились въ глубокомъ молчаніи, низошло въ меня сверху съ королевскаго престола сокровенное Слово». Объ этомъ Словѣ будетъ эта проповѣдь.

«Среди молчанія было во мнѣ сказано сокровенное Слово». О Господи, гдѣ то молчаніе, и гдѣ то мѣсто, въ которомъ изрекается это Слово?

Оно въ самомъ чистомъ, въ самомъ нѣжномъ, что есть въ душѣ, въ самомъ благородномъ, въ основѣ и въ сущности души. Тамъ—глубокое молчаніе, ибо туда не проникаетъ ни одна тварь или образъ; ни одно дѣйствіе или познанье не достигаетъ тамъ души и никакого образа не вѣдаетъ она тамъ, и не знаетъ ни о себѣ, ни о другой твари.

Всякое дѣйствіе душа исполняетъ съ помощью силъ. Все, что она познаетъ, она познаетъ разумомъ. Когда думаетъ—пользуется памятью. Любитъ ли—любитъ волей. Такъ она дѣйствуетъ посредствомъ силъ, а не сущностью. Всякое внѣшнее дѣло ея всегда связано съ посредникомъ. Только посредствомъ глазъ осуществляетъ она силу зрѣнія, иначе силу зрѣнія она не можетъ создать или осуществить. И такъ во всѣхъ чувствахъ: она всегда пользуется какимъ-нибудь посредникомъ для своихъ внѣшнихъ дѣйствій.

Но въ самой сущности нѣтъ дѣйствія. Ибо хотя силы, посредствомъ которыхъ она дѣйствуетъ, вытекаютъ изъ основы души, въ самой основѣ—одно глубокое молчаніе. Только здѣсь покой и обитель для того рожденія, для того, чтобы Богъ Отецъ изрекъ здѣсь свое Слово, ибо эта обитель по природѣ своей доступна только божественной сущности безъ всякаго посредника. Здѣсь Богъ входитъ въ душу всецѣло, а не частью Своей. Здѣсь входитъ Онъ въ основу души. Никто кромѣ Бога не можетъ коснуться основы ея. Тварь не проникаетъ въ глубину души, она должна оставаться наружи, вмѣстѣ съ силами. Только здѣсь могла бы она созерцать свой образъ, съ помощью котораго она сюда вошла и нашла себѣ пріютъ.

Ибо когда силы души приходятъ въ соприкосновеніе съ тварью, онѣ берутъ и создаютъ ея образъ и по-

добіе, и вбирають это въ себя. Такъ познають онѣ тварь. Дальше этого тварь не можетъ войти въ душу; а душа приближается къ твари лишь тѣмъ, что она сперва всецѣло принимаетъ въ себя ея образъ. Только посредствомъ осуществленнаго въ воображеніи образа, она приближается къ твореніямъ, ибо образъ есть нѣчто, что душа создаетъ съ помощью силъ. Будь то камень, человѣкъ, роза или еще что другое, что она хочетъ познать, она всегда воспринимаетъ образъ, который она прежде получила отъ нихъ, и такимъ путемъ она можетъ съ ними соединиться.

Но всегда, когда человѣкъ такимъ способомъ воспринимаетъ образъ, этотъ послѣдній долженъ войти въ него извнѣ, черезъ внѣшнія чувства. Поэтому нѣтъ для души ничего болѣе невѣдомаго, чѣмъ она сама для себя. Одинъ мудрецъ говоритъ; душа не можетъ создать или получить своего образа, поэтому ей нечѣмъ познать себя самое. Ибо всякій образъ приходитъ черезъ внѣшнія чувства: оттого она не можетъ имѣть своего образа. Поэтому она знаетъ все, только не самое себя. Изъ-за отсутствія этого посредника ни о какой вещи не знаетъ она такъ мало, какъ о себѣ самой.

Ты долженъ знать: она свободна внутри отъ всякихъ посредниковъ и образовъ, въ этомъ и заключается причина, почему Богъ можетъ безъ образа и подобія свободно соединяться съ ней.

Ты не можешь не приписать Богу въ самой высокой степени тѣхъ способностей, которыя ты приписываешь мастеру. Чѣмъ мудрѣе и сильнѣе мастеръ, тѣмъ непосредственнѣе осуществляется его дѣло, и тѣмъ проще оно. Человѣкъ нуждается во многихъ средствахъ для своихъ внѣшнихъ дѣлъ. Многія приготовленія не-

обходимы, прежде чѣмъ онъ исполнить эти дѣла, такъ какъ онъ представилъ ихъ себѣ. Свѣтитъ—это искусство и дѣло луны и солнца—они исполняютъ это очень быстро. Какъ только прольютъ они свое сіяніе, въ то же мгновеніе міръ полонъ свѣта во всѣхъ концахъ. Но еще выше—Ангель. Онъ въ своемъ дѣлѣ нуждается еще въ меньшемъ количествѣ средствъ и пользуется еще меньшимъ числомъ образовъ. Верховный Серафимъ обладаетъ еще однимъ единственнымъ образомъ; все, что другіе стоящіе ниже его воспринимаютъ во множественности, онъ постигаетъ въ единомъ.

Но Богъ не нуждается вовсе въ образѣ и не имѣетъ его въ Себѣ. Богъ дѣйствуетъ въ душѣ безъ всякаго средства, образа и подобія. Онъ дѣйствуетъ въ основѣ, куда не достигалъ никогда ни одинъ образъ, кромѣ Него Самого, кромѣ Его собственнѣйшей сущности. Этого не можетъ ни одна тварь!

Ибо какъ рождаетъ Богъ Отецъ Своего Сына въ душѣ? Какъ рождаютъ и творенія—въ образѣ и подобіи? Поистинѣ нѣтъ! Но совсѣмъ такъ же, какъ Онъ рождаетъ Его въ вѣчности, и никакъ не иначе. Хорошо! Но какъ же рождаетъ Онъ Его тамъ? Видите ли: Богъ Отецъ обладаетъ совершеннымъ прозрѣніемъ Себя Самого и глубочайшимъ проникновеніемъ Себя Самого, только посредствомъ Себя Самого, безъ всякаго образа. И такъ рождаетъ Богъ Отецъ Своего сына въ истинномъ прозрѣніи Божественной природы. Такимъ и никакимъ инымъ образомъ рождаетъ Богъ Отецъ Своего Сына въ нѣдрахъ, въ основѣ и сущности души и такъ соединяется съ ней. Ибо, если бы здѣсь былъ образъ, то не было бы истиннаго единства, а въ истинномъ единствѣ заключается все ея блаженство.

Теперь вы могли бы сказать: «Вѣдь по природѣ души, въ ней одни только образы». Нѣтъ, это не такъ, иначе душа никогда не была бы блаженной. Ибо Богъ не можетъ создать творенія, которое дало бы тебѣ полное блаженство, иначе Онъ не былъ бы для тебя высшимъ блаженствомъ и послѣдней цѣлью.

Его же природа и воля быть началомъ и концомъ всякой вещи. Никогда тварь не можетъ быть блаженствомъ. Такъ же мало можетъ она здѣсь быть совершенствомъ, ибо изъ совершенства и добродѣтели вытекаетъ совершенная жизнь. Итакъ ты долженъ пребывать и жить въ своей сущности и въ своей основѣ, и тамъ долженъ коснуться тебя Господь Своей простой сущностью безъ посредства и образа. Каждый образъ предполагаетъ и предлагаетъ не себя. Онъ приводитъ къ тому, образомъ чего онъ является. Итакъ какъ мы имѣемъ образъ лишь для того, что снаружи и можетъ быть воспринято только внѣшними чувствами, т. е. для творенія, а образъ приводитъ къ тому, что онъ изображаетъ,—невозможно, чтобы ты смогъ стать блаженнымъ черезъ какой-либо образъ.

Что долженъ дѣлать для этого человекъ, чѣмъ ему достичь и заслужить, чтобы это рожденіе совершилось и осуществилось въ немъ? Лучше ли, чтобы онъ какъ-нибудь этому содѣйствовалъ съ своей стороны въ родѣ того, напримеръ, чтобы онъ думалъ о Богѣ и представлялъ Его себѣ, или чтобы онъ оставался въ тишинѣ, въ покоѣ, въ молчаніи, и тогда Богъ говорилъ бы и дѣйствовалъ въ немъ, а онъ лишь ждалъ бы Божьяго дѣла? При этомъ я повторяю: этотъ глаголь и дѣло Божіе дается только добрымъ и совершеннымъ людямъ, которые такъ вобрали и впитали въ себя сущность всякой добродѣтели, что

она излучается изъ всего существа ихъ безъ всякого ихъ къ тому содѣйствія; и прежде всего должна въ нихъ жить достойная жизнь и благородное учение Господа нашего Иисуса Христа!

Пусть они узнаютъ, что лучшее и благороднѣйшее, къ чему можно прийти въ этой жизни, это молчать и дать Богу говорить и дѣйствовать въ тебѣ. Когда всѣ силы отрѣшены отъ своихъ дѣлъ и образовъ, изрекается то Слово. Потому и говоритъ онъ: «Среди молчанія было сказано мнѣ тайное Слово». Чѣмъ болѣе ты способенъ отозвать всѣ силы и позабыть всѣ вещи и образы, которые ты когда либо воспринялъ, чѣмъ болѣе ты слѣдовательно позабудешь твореніе, тѣмъ ближе ты къ тому и тѣмъ воспріимчивѣе. О, если бы ты захотѣлъ стать вдругъ невѣдущимъ, даже захотѣлъ бы очутиться въ невѣдѣніе твоей собственной жизни, какъ это случилось со Святымъ Павломъ, когда онъ говорилъ: «Былъ ли я въ своемъ тѣлѣ или нѣтъ, этого я не знаю, это знаетъ Богъ»!—Тогда духъ вобралъ въ себя всѣ силы, такъ что тѣло перестало существовать для него, тогда не дѣйствовала ни память, ни разумокъ, ни внѣшнія чувства, ни силы, которымъ надлежитъ поддерживать и совершенствовать тѣло; жизненный огонь и жизненная теплота были удержаны, потому тѣло не потерпѣло ущерба, хотя онъ все же три дня не ѣлъ и не пилъ. Такъ же было съ Моисеемъ, когда онъ постился сорокъ дней на горѣ и все же отъ того не ослабѣлъ; въ послѣдній день онъ былъ совершенно такъ же силенъ, какъ въ первый. Такъ долженъ человѣкъ освободиться отъ внѣшнихъ чувствъ, обратиться внутрь и погрузиться въ забвеніе всѣхъ вещей и себя самого.

Объ этомъ говоритъ одинъ учитель обращаясь къ душѣ: бѣги суеты внѣшнихъ дѣлъ, бѣги и скройся отъ бурь внѣшнихъ дѣлъ, какъ скрывается мысль, ибо они создаютъ лишь несогласіе.

Итакъ, если надлежитъ Богу сказать въ душѣ Свое Слово, она должна пребывать въ мирѣ и покоѣ; тогда Онъ изрекаетъ въ душѣ Свое Слово и Себя Самого, не образъ, но Себя Самого! Діонисій говоритъ: Богъ не имѣетъ ни Своего образа, ни подобія, ибо Онъ по существу Своему все добро, вся истина, все сущее. Въ одно и то же мгновеніе Богъ творитъ всѣ Свой дѣла въ Себѣ и изъ Себя. Когда Богъ создавалъ небо и землю, не думай, что Онъ сегодня создалъ одно, а завтра другое. Правда, такъ пишетъ Моисей, хотя онъ конечно лучше всѣхъ зналъ объ этомъ, но онъ сдѣлалъ это ради людей, которые не смогли бы этого ни понять, ни охватить иначе. Только одно сдѣлалъ для этого Богъ: Онъ захотѣлъ, и они стали.

Богъ дѣйствуетъ безъ средствъ и безъ образовъ. Чѣмъ свободнѣе ты отъ образовъ, тѣмъ воспримчивѣе къ Его воздѣйствію; чѣмъ больше погруженъ въ себя, въ забвеніе, тѣмъ ближе ты къ тому. Къ этому призывалъ Діонисій своего ученика Тимофея и говорилъ: милый сынъ Тимофей, ты долженъ съ безмятежнымъ чувствомъ устремиться за предѣлы самого себя, душевныхъ силъ, за предѣлы образа и существа въ сокровенный тихій мракъ, дабы ты пришелъ къ познанію невѣдомаго сверхъ-божескаго Бога! Для этого необходимо освобожденіе отъ всѣхъ вещей: ибо противно Богу творчество въ образахъ.

Теперь ты спросишь: что же творитъ Богъ въ основѣ и сущности души? Этого знать я не въ состояніи, ибо душевные силы могутъ познавать только въ образахъ,

при чемъ воспринимаютъ онѣ и познаютъ каждую вещь въ ея особомъ образѣ: онѣ не могутъ познать птицу въ образѣ человѣка; и такъ какъ всѣ образы приходятъ извнѣ, то это остается для души сокрытымъ. И вотъ что для нея самое лучшее, это невѣдѣніе, которое приводитъ ее къ чудесному и заставляетъ ее искать его! Ибо она хорошо чувствуетъ, что нѣчто существуетъ, только не знаетъ: что и какъ.

Когда человѣкъ постигаетъ сотворенность вещей, сейчасъ же онѣ утомляютъ его, и онѣ обращаетъ свой взглядъ на что-нибудь новое; всегда есть у него стремленіе познавать эти вещи, и все же не можетъ онѣ остановиться на нихъ; только такое непознаваемое познаніе удерживаетъ душу и все же побуждаетъ ее къ исканію.

Потому одинъ мудрецъ сказалъ: «Среди ночи, когда молчали всѣ вещи, въ глубокой тишинѣ было сказано мнѣ сокровенное Слово. Оно пришло крадучись, какъ воръ». Какъ же разумѣетъ онѣ это: Слово, которое все же было сокрыто.—Вѣдь природа слова открывать то, что сокрыто?—Оно раскрылось и блестѣло, будто хотѣло мнѣ что-то открыть и подавало мнѣ вѣсть отъ Бога; поэтому оно называется Словомъ. Но отъ меня было сокрыто, оттого сказано: «въ тишинѣ пришло Оно, чтобы открыться мнѣ». Видите, потому и должно искать Его, что Оно сокрыто. Оно явилось и было все же сокрыто: Оно хочетъ, чтобы мы томились и вздыхали по Немъ!

Святой Павелъ говоритъ: за Нимъ должны мы гнаться, пока не почуемъ Его, и не останавливаться, пока не схватимъ Его! Когда онѣ былъ восхищенъ на третье небо, гдѣ онѣ услышалъ Бога и гдѣ видѣлъ всѣ вещи, и снова пришелъ въ себя, ничто изъ

того не было имъ позабыто, но было въ немъ такъ глубоко, сокровенно въ основѣ, что разумъ его не могъ достигъ того: это было закрыто отъ него. Поэтому онъ долженъ былъ искать и преслѣдовать это—внутри себя самого, не внѣ себя. Это совсѣмъ внутри, не снаружи; совсѣмъ внутри! И оттого что онъ это сознавалъ, сказалъ онъ: Я увѣренъ въ томъ, что ни смерть, ни какое страданіе не разлучатъ меня съ тѣмъ, что я нахожу въ себѣ.

Объ этомъ сказалъ одинъ языческій мудрецъ другому прекрасное слово: Я ощущаю, въ себѣ нѣчто, что сіяетъ въ моемъ разумѣ, я вполне ощущаю, что это есть нѣчто, а что это, я не могу постичь; но мнѣ кажется, что если бы я постигъ это, я узналъ бы всю истину! Тогда другой ему отвѣтилъ: Хорошо! держись этого, ибо если бы ты могъ постичь это, ты получилъ бы всю совокупность добра и вѣчную жизнь. Въ этомъ же смыслѣ выражается и святой Августинъ: Я сознаю нѣчто, что рѣветъ и свѣтится передъ моей душой; еслибы это достигло во мнѣ совершенства и постоянства, это была бы вѣчная жизнь! Оно таится и все же возвѣщаетъ о себѣ. Приходитъ же оно воровскимъ образомъ, чтобы отнять и украсть у души всѣ вещи. А все же немного открывается оно и показывается, чтобы очаровать душу и привлечь ее къ себѣ и похитить и отнять у нея ее самое.

По этому поводу говорилъ пророкъ: «Господи, отыми у нихъ ихъ духъ и дай имъ взамѣнъ Свой духъ». То же разумѣла и любящая душа, когда говорила: моя душа разстаяла и расплавилась, когда любовь изрекла свое слово; когда она вошла, я должна была исчезнуть. то же разумѣлъ Христосъ, когда говорилъ: «Кто оставляетъ что-либо ради Меня, тому воздастся во сто кратъ, кто хо-

четь обладать Мною, тотъ долженъ отказаться отъ себя и отъ всякой вещи, и кто хочетъ Мнѣ служить, долженъ за Мною слѣдовать; не долженъ онъ больше преслѣдовать своего».

Теперь ты скажешь: ахъ, сударь, вы хотите извратить естественную жизнь души! Такова ея природа, что она познаетъ внѣшними чувствами и въ образахъ, хотите ли вы нарушить этотъ порядокъ?—Но, что ты знаешь о томъ, какія возможности заложены Богомъ въ чело-вѣческой природѣ, которыя еще не до конца описаны, больше того—которыя сокрыты? Ибо тѣ, что писали о возможностяхъ души, не пошли дальше того, къ чему привелъ ихъ естественный разумъ: ни разу не дошли они до самой глубины. Оттого многое должно было быть сокрытымъ для нихъ и осталось имъ неизвѣстнымъ. Поэтому говоритъ пророкъ: я хочу сидѣть и молчать, и слушать хочу, что Богъ говоритъ во мнѣ. Оттого, что такъ сокровенно оно, оттого пришло это Слово въ ночи, во мракѣ.

Святой Иоаннъ говоритъ: «Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ; въ Свое пришелъ Онъ, и всѣ, которые, приняли Его, стали властію Сынами Божиими».—«Ибо была дана имъ власть стать Сынами Божиими».

Замѣтимъ же себѣ пользу и плоды этого тайнаго слова и этого мрака! Сынъ Небеснаго Отца не Одинъ рождается изъ этого мрака, который принадлежитъ Ему; но и ты рождаешься тамъ, какъ дитя того же Небеснаго Отца и никого иного; и тебѣ даетъ Онъ власть. Видите, какъ велика эта польза! Всякая истина, которой когда-либо учили и будутъ учить учителя вплоть до конца міра, истекаетъ изъ ихъ собственнаго разума; они же не постигли ни капли изъ того знанія, изъ той глубины. Пусть то

будетъ названо незнаніемъ, невѣдѣніемъ, въ немъ все же больше, чѣмъ во всякомъ внѣшнемъ знаніи и вѣдѣніи. Ибо это невѣдѣніе отвлекаетъ и уводитъ тебя прочь отъ всего познаннаго и прочь отъ тебя самаго.

Это разумѣлъ Христось, когда говорилъ: «Кто не откажется отъ себя, и не оставитъ отца и матери, и не будетъ внѣ всего этого, тотъ не достоинъ Меня». Какъ будто бы Онъ говорилъ: кто не отвергнетъ всего внѣшняго, твореній, тотъ не можетъ ни быть зачатымъ, ни рожденнымъ въ этомъ божественномъ рожденіи. Когда ты лишишься себя самаго и всего внѣшняго, тогда во истину ты это найдешь.

И воистину вѣрю я и увѣренъ въ томъ, что человѣкъ, который твердъ въ этомъ, никогда не можетъ быть разлученъ съ Богомъ.

Я утверждаю, что онъ не въ состояніи впасть въ смертный грѣхъ. Скорѣе претерпитъ онъ постыднѣйшую смерть, чѣмъ впадетъ въ какой-либо смертный грѣхъ; какъ и дѣлали святые. Даже простительнаго грѣха не могли они совершить, ни сознательно допустить его въ себѣ или въ другихъ, если они могли его отвратить. Такъ увлечены, очарованы они этимъ путемъ, такъ освоились съ нимъ, что и не захотѣли бы обратиться къ другому: всѣ чувства и силы ихъ обращены къ одному.

Въ этомъ рожденіи, да поможетъ намъ Богъ, сегодня вновь рожденный человѣкомъ, дабы мы, бѣдные дѣти земли, родились въ Немъ божественно; да поможетъ Онъ намъ въ этомъ во вѣки вѣковъ! Аминь.

динъ учитель говоритъ: Богъ сталъ человѣкомъ; оттого весь человѣческій родъ вознесенъ и прославленъ. Мы можемъ во-истину радоваться тому, что Христось, нашъ братъ, Своей собственной силой возвысился надъ всѣми сонмами ангеловъ и возсѣлъ одесную Отца. Этого учителя сказалъ хорошо. Но по правдѣ сказать, я не придаю этому такого значенія. Что мнѣ изъ того, что у меня богатый братъ, когда я самъ бѣденъ? Что мнѣ изъ того, что у меня мудрый братъ, когда я самъ глу-пецъ. Я говорю нѣчто другое и болѣе убѣдительное: Богъ не только сталъ человѣкомъ, Онъ принялъ на себя человѣческую природу.

Обыкновенно мудрецы говорятъ, что всѣ люди равны по своей человѣческой природѣ. А я утверждаю, что все доброе, чѣмъ обладали всѣ святые, и Марія, Матерь Божія, и Христось по Своему человѣчеству, — мое достоиніе въ этой природѣ.

Теперь вы можете спросить меня: если уже въ этой природѣ я обладаю всѣмъ тѣмъ, что Христось могъ бы мнѣ дать по Своему человѣчеству, отчего же мы такъ высоко ставимъ Христа и почитаемъ Его Господомъ и Богомъ? Оттого что Онъ былъ вѣстникомъ отъ Бога къ намъ и принесъ намъ наше блаженство; но блажен-

ство, которое Онъ принесъ намъ, было наше. Тамъ, гдѣ Отецъ рождаетъ въ сокровенной глубинѣ Своего Сына, бьетъ ключемъ эта природа. Природа же эта проста и едина. И если съ ней и связано нѣчто, что проглядываетъ черезъ нее, то это «ничто».

Далѣе я говорю о другомъ и болѣе трудномъ. Кто пребываетъ въ наготѣ и чистотѣ этой природы, тотъ долженъ преодолѣть личное настолько, чтобы дѣлать то же добро тому человѣку, который находится по ту сторону моря и котораго онъ никогда не видалъ въ лицо, какъ и тому, кто теперь съ нимъ, и кто его завѣтный другъ. Пока ты желаешь добра для себя болѣе, чѣмъ для человѣка, котораго ты никогда не видалъ, ты поистинѣ неправъ и ты ни на одинъ маленькій мигъ не заглянулъ въ эту простую глубину. Быть можетъ, ты и видѣлъ истину въ блѣдномъ мысленномъ отображеніи ея, какъ бы въ подобіи, но ты никогда не обладалъ наилучшимъ.

Для этого ты долженъ быть чистъ сердцемъ. А лишь то сердце чисто, которое все созданное превратило въ «ничто». И ты долженъ, наконецъ, освободиться отъ «ничто».

Спорятъ о томъ, что такъ горитъ въ аду? Всѣ учителя говорятъ обыкновенно, что это своеволие. Но я утверждаю: въ аду горитъ «ничто». Сравненіе: возьми горящій уголь и положи его на мою руку. Если бы я сказалъ: уголь жжетъ мою руку, то я былъ бы несправедливъ къ нему. Если я долженъ опредѣлить, что собственно меня жжетъ, то это дѣлаетъ «ничто». Ибо въ углѣ есть нѣчто, чего нѣтъ въ моей рукѣ. Если бы рука обладала всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обладаетъ и что даетъ уголь, она была бы вполне огненной природы. И бросили бы тогда на мою руку весь огонь, который когда-либо го-

рѣлъ, онъ не причинилъ бы мнѣ боли. Поэтому я утверждаю, что Богъ и всѣ тѣ, что пребываютъ въ блаженномъ созерцаніи Его, имѣютъ нѣчто, чего не имѣютъ отлученные отъ Бога. И единственно это «ничто» мучитъ пребывающія въ аду души больше, чѣмъ своеволие или какой-либо огонь. Я говорю правду: поскольку ты захваченъ этимъ «ничто», постольку ты несовершенъ. Поэтому, если вы хотите быть совершенны, вы должны освободиться отъ всякаго «ничто».

«Богъ послалъ въ міръ своего Единороднаго Сына». Вы не должны понимать это по отношенію къ внѣшнему міру, поскольку Онъ съ нами ѣлъ и пилъ,—вы должны понимать это по отношенію къ внутреннему міру.

Какъ истинно, что Отецъ въ Своей простой божественной природѣ рождаетъ Сына, такъ истинно и то, что Онъ рождаетъ Его въ сокровеннѣйшемъ духа. И это внутренній міръ. Здѣсь Божья глубина—моя глубина. И моя глубина—Божья глубина. Здѣсь я пребываю внѣ моего, какъ и Богъ пребываетъ внѣ Своего.

Для того, кто хоть на мгновенье заглянулъ въ эту глубину, тысяча фунтовъ червоннаго золота—не больше поддѣльнаго гроша. Изъ этой сокровеннѣйшей глубины долженъ ты творить все, что творишь безъ всякаго «зачѣмъ».

Я рѣшительно утверждаю, что пока ты дѣлаешь что-нибудь ради царствія небеснаго, ради Бога, или ради твоего вѣчнаго блаженства, то-есть ради чего-нибудь извнѣ, ты воистину совсѣмъ неправъ. Конечно, и это можно тебѣ предоставить, но это не самое лучшее. Ибо воистину, если ты думаешь, что скорѣе достигнешь Бога черезъ углубленіе, благоговѣніе, расплывчатые чувства

и особое приноровленіе, чѣмъ въ полѣ у костра или въ хлѣву, ты не дѣлаешь ничего иного, какъ если бы ты взялъ Бога, обернулъ вокругъ Его головы плащъ и сунулъ бы Его подъ лавку.

Ибо тотъ, кто какимъ-либо образомъ ищетъ Бога, схватываетъ образъ, но Богъ, сокрытый за этимъ образомъ, отъ него ускользаетъ. Лишь тотъ, который не ищетъ Бога въ образѣ, обладаетъ Имъ, такимъ, каковъ Онъ есть Самъ въ Себѣ, и Онъ сама жизнь.

Если бы кто-нибудь тысячу лѣтъ вопрошалъ жизнь: зачѣмъ ты живешь?—и она бы ему вообще отвѣчала, она не сказала бы ничего иного, какъ: я живу затѣмъ, чтобы жить. И это оттого, что жизнь живетъ своей собственной глубиной, бьетъ изъ себя самой. Поэтому она живетъ безъ всякаго «почему» и живетъ себя самое. И если бы кто-нибудь спросилъ правдиваго человѣка, такого, который дѣйствуетъ изъ своей собственной глубины: зачѣмъ ты дѣлаешь свое дѣло? если бы онъ вѣрно отвѣчалъ, онъ не сказалъ бы ничего иного кромѣ того, что: я дѣлаю, потому что дѣлаю.

Гдѣ кончается тварь, тамъ начинается Богъ. И Богъ не желаетъ отъ тебя ничего большаго, какъ чтобы ты вышелъ изъ себя самого, поскольку ты тварь, и далъ бы Богу быть въ тебѣ Богомъ. Малѣйшій образъ твари, который ты создаешь въ себѣ, такъ же великъ, какъ Богъ. Почему? Потому что онъ отнимаетъ у тебя цѣлаго Бога. Ибо въ то мгновеніе, когда этотъ образъ входитъ въ тебя, Богъ со всѣмъ божествомъ Своимъ долженъ удалиться. Но когда этотъ образъ уходитъ, входитъ Богъ. Богъ такъ сильно желаетъ, чтобы ты вышелъ изъ себя самого (поскольку ты тварь), словно все Его блаженство зависитъ отъ этого. Ахъ, милый

человѣкъ, какая тебѣ въ томъ бѣда, если ты предоста-
вишь Богу быть въ тебѣ Богомъ?

Выйди же ради Бога изъ самого себя, чтобы ради тебя
Богъ сдѣлалъ то же. Когда выйдутъ оба—то, что оста-
нется, будетъ нѣчто единое и простое. Въ этомъ единомъ
Отецъ рождаетъ Сына въ глубочайшемъ источникѣ. Тамъ
расцвѣтаетъ Святой Духъ и тамъ возникаетъ въ Богѣ
воля, которая принадлежитъ душѣ. До тѣхъ поръ, пока
эта воля пребываетъ неприкосновенной для твари и всего
созданнаго,—она свободна. Христосъ говоритъ: никто
не восходитъ на небеса, кромѣ Сшедшаго съ небесъ.

Всѣ вещи созданы изъ «ничто». Поэтому настоящій
источникъ ихъ—«ничто».

Поскольку эта благородная воля обращается къ твари,
постольку она истекаетъ съ ней въ «ничто».

И вотъ вопросъ: такъ ли истекаетъ эта воля, что она
никогда не сможетъ больше возвратиться? Мудрецы го-
ворятъ обыкновенно, что она никогда не возвращается,
поскольку она истекла со временемъ.

Но я говорю: если воля эта, на одинъ мигъ хотя бы,
покинувъ себя и все созданное, обратится къ своему
первоисточнику, она возстанетъ въ истинной свободѣ, и
будетъ свободной; и въ это одно мгновеніе все потерян-
ное время возвратится вновь.

Люди говорятъ мнѣ часто: «помолись за меня», и я
думаю: зачѣмъ вы выходите? зачѣмъ не останетесь въ
самихъ себѣ и не черпаете изъ своего собственнаго со-
кровища? Въ васъ самихъ заключена по существу вся
правда.

Дай Богъ, чтобы мы поистинѣ оставались внутри, въ
сущности, и владѣли бы правдой безъ различія и посред-
никовъ въ истинномъ блаженствѣ! Аминь.

е бойтесь тѣхъ, что хотятъ умертвить ваше тѣло, ибо души не могутъ они убить. И оттого не могутъ, что не можетъ убить духъ духа; духъ духу можетъ дать лишь жизнь. Тѣ, что хотятъ васъ убить,—это лишь кровь и плоть, и только такъ умираетъ человѣкъ отъ другого.

Благороднѣйшее, что есть въ человѣкѣ, это кровь, когда она желаетъ добра. Но и горчайшее, что есть въ человѣкѣ,—это кровь, когда въ ней воля ко злу.

Если кровь побѣждаетъ плоть, человѣкъ терпѣливъ, кротокъ и цѣломудренъ, и въ немъ всѣ добродѣтели. Если же побѣждаетъ плоть, человѣкъ высокомеренъ, золь, нечистъ и въ немъ всѣ пороки.

Теперь слушайте: вотъ я хочу сказать нѣчто, чего еще никогда не говорилъ. Когда Богъ создалъ небо, землю и всякую тварь, Онъ никакъ не дѣйствовалъ. Ему не съ чѣмъ было дѣйствовать; и въ Немъ не было дѣйствія. Тогда Онъ сказалъ: «Мы сотворимъ Наме подобіе». Не мудрено создавать. Это дѣлается когда и гдѣ угодно. Когда я что-нибудь дѣлаю, то дѣлаю это самъ въ себѣ и изъ себя самого и отпечатлѣваю тамъ свой собственный образъ.

«Мы сотворимъ подобіе»: не Ты, Отецъ, и не Ты, Сынъ, и не Ты, Духъ Святой, но Мы въ совѣтѣ Святой Троицы, Мы сотворимъ подобіе».

Итакъ, когда Богъ дѣлалъ человѣка, Онъ творилъ Свое творческое, Свое вѣчносущее, присущее Ему дѣло. Оно было велико. Это была душа.

Душа была дѣломъ Божьимъ. Природа Бога, Его сущность и Его божество состоитъ въ томъ, что онъ долженъ дѣйствовать въ душѣ. И благословенъ, благословенъ будь Онъ за это! Оттого, что Самъ Онъ дѣйствуетъ въ душѣ, любитъ Богъ это Свое дѣло. Его дѣло наша любовь. И эта любовь — Богъ. Въ ней Богъ любитъ Себя Самого и Свою природу и сущность Свою и Свое божество. Любовью же, которой Богъ любитъ Себя, любитъ Онъ всѣ созданія. Не какъ созданія любитъ Онъ ихъ, но какъ Бога. Любовью, которой Богъ любитъ Себя, любитъ Онъ весь міръ.

Теперь я хочу сказать то, чего еще никогда не говорилъ. Богъ наслаждается Самимъ Собою въ этомъ дѣлѣ, какъ наслаждается Онъ всѣми созданіями; не какъ созданіями, но какъ Богомъ. Съ отрадой, съ которой Онъ наслаждается Самимъ Собою, наслаждается Онъ всѣмъ міромъ. «Богъ наслаждается Собою въ вещахъ». — И солнце изливаетъ свое свѣтлое сіяніе на всѣ созданія, и то, на что падаютъ его лучи, втягиваетъ оно въ себя, и все же не теряетъ отъ этого своего свѣта! Я беру сосудъ съ водою, и кладу въ него зеркало, и подставляю его подъ солнечные лучи. Тогда солнце излучается не только изъ своего диска, но и со дна сосуда: и все же не убываетъ отъ этого. Отраженіе въ зеркалѣ принадлежитъ солнцу, оно само солнце. И все же оно есть только то, что оно есть. И совершенно такъ же Богъ.

Своей природой, сущностью и божествомъ Онъ въ душѣ, и все же Онъ не душа. Отраженіе души принадле-

жить Богу и Богъ: она же оттого не перестаетъ бытъ тѣмъ, что она есть.

Всѣ творенія стремятся къ своему высшему совершенству. Всѣ они стремятся отъ жизни къ сущности; всѣ переносятся въ мой разумъ, дабы стать разумными. И я—единный, возвращаю всѣ созданія Богу. Пусть же каждый думаетъ о томъ, что онъ дѣлаетъ.

Внемлите, прошу васъ, ради вѣчной правды и моей души. Я хочу сказать не сказанное никогда доселѣ. Богъ и божество не схожи, какъ небо и земля. Но прежде всего: внутренній и внѣшній человѣкъ различны такъ, какъ небо и земля. Правда, Богъ на тысячу миль выше, но и Богъ становится и переходитъ.

Но вотъ я снова возвращаюсь къ внутреннему и внѣшнему человѣку. Я вижу лиліи въ полѣ, и ихъ свѣтлое сіяніе, и ихъ цвѣтъ, и ихъ листья. Но ихъ запаха я не вижу. Почему? Потому что запахъ ихъ во мнѣ. Какъ и то, что я говорю, во мнѣ, и я выговариваю это изъ себя наружу. Мой внѣшній человѣкъ воспринимаетъ созданія, какъ созданія. Но мой внутренній человѣкъ воспринимаетъ ихъ не какъ созданія, а какъ дары Божіи. Внутреннѣйшій же мой человѣкъ принимаетъ ихъ даже не какъ дары Божіи, но какъ извѣчно свое! Ибо даже Богъ становится и переходитъ.

Становится Богъ тамъ, гдѣ всѣ созданія высказываютъ Его. Когда я былъ еще въ основаніи, въ глубинѣ божества, въ теченіи и въ источникѣ его, никто не спрашивалъ меня, куда я стремлюсь или что я дѣлаю: тамъ не было никого, кто бы могъ меня спросить.

Лишь когда я изошелъ, всѣ созданія возвѣстили мнѣ Бога. Если бы меня спросили: братъ Экхартъ, когда вы вышли изъ дому? Я былъ сію минуту въ немъ. О Бо-

гѣ говорятъ всѣ созданія. А почему они не говорятъ о божествѣ?

Все, что въ божествѣ,—едино, и о томъ говорить нельзя. Богъ дѣйствуетъ такъ или иначе. Божество не дѣйствуетъ. Нѣтъ для него дѣйствія, и никогда не оглянулось оно на это. Богъ и божество различествуютъ, какъ дѣло и недѣланіе. Когда я возвращаюсь въ Бога, я ничего не образую изъ себя; и устье мое прекраснѣе моего истока. Ибо вотъ я—единный, возношу всѣ созданія изъ ихъ разума въ мой, дабы и они стали во мнѣ единствомъ.

И когда я возвращаюсь въ глубину и основаніе божества, въ теченіе и въ источникъ его, никто не спрашиваетъ меня, откуда я и гдѣ я былъ. Никто не ощутилъ моего отсутствія. И это значитъ: Богъ переходитъ.

Благо тому, кто понялъ эту проповѣдь! Если бы здѣсь не было ни одного человѣка, я долженъ былъ бы сказать ее этой церковной кружкѣ.

Найдутся жалкіе люди, которые вернутся домой и скажутъ: я сяду на свое мѣсто, буду ѣсть свой хлѣбъ и служить Богу. Я говорю воистину, эти люди должны оставаться въ заблужденіи, и они никогда не смогутъ достичь того, что дается другимъ, которые слѣдуютъ за Богомъ въ его нищетѣ и обнаженности! Аминь.

динъ учитель говоритъ: «О, щедрый Богъ, какъ хорошо мнѣ будетъ, если моя любовь принесетъ тебѣ плоды!»

Господь говоритъ каждой любящей душѣ: Я былъ ради васъ человѣкомъ, если вы не станете ради Меня богами, то будете ко мнѣ несправедливы. Моей божественной природой обиталъ Я въ вашей человѣческой природѣ, такъ что никто не зналъ Моей божественной власти и Меня видѣли странствующимъ, какъ всякаго другого человѣка. Такъ и вы должны скрыть вашу человѣческую природу въ Моей божественной природѣ, дабы никто не узналъ въ васъ вашей человѣческой слабости, и ваша жизнь стала божественной, такъ что не признавали бы въ васъ ничего кромѣ Бога.

А это не произойдетъ оттого, что мы станемъ говорить сладкія слова и дѣлать духовныя ужимки и пребудемъ въ духѣ святости; если слава о насъ далеко разнесется и мы будемъ любимы, какъ друзья Божьи, или если мы будемъ такъ избалованы Богомъ и изнѣжены, что намъ покажется, будто Богъ забылъ всѣ созданья, кромѣ насъ однихъ, и мы вообразимъ себѣ, что все, чего мы ни пожелаемъ, сейчасъ же случится. Нѣтъ, это не такъ! Не этого требуетъ отъ насъ Богъ; нѣтъ, не такъ это!

Онъ хочетъ, чтобы мы оставались свободными; чтобы насъ не трогало, если о насъ говорятъ, будто мы лживые и неправдивые люди, и тому подобное, чтобы лишить насъ добраго имени; и не только, если о насъ дурно говорятъ, но и дурно противъ насъ поступаютъ и отнимаютъ у насъ поддержку, въ которой мы нуждаемся для нашихъ жизненныхъ потребностей, и вредятъ намъ не только въ вещахъ божественныхъ, но вредятъ и нашему тѣлу, такъ что мы заболѣваемъ или подвергаемся тяжелому тѣлесному страданію. И когда мы желаемъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ лучшаго, что мы только можемъ придумать, люди обращаютъ это въ самое дурное, что только они могутъ придумать; и если мы терпимъ это не только отъ людей, но и отъ Бога, когда Онъ отнимаетъ у насъ утѣшеніе Своего присутствія и какъ бы воздвигаетъ стѣну между Собой и нами, и когда мы прибѣгаемъ къ Нему въ нашихъ скорбяхъ за утѣшеніемъ и помощью, Онъ какъ-будто закрываетъ глаза и не желаетъ ни видѣть, ни слышать насъ и оставляетъ насъ однихъ въ нуждѣ и борьбѣ, какъ былъ оставленъ однажды Своимъ Отцомъ Христосъ: вотъ видите, тогда должны бы мы были укрыться въ Его божественной природѣ, и въ нашей неутѣшности стоять непоколебимо на томъ, чтобы не помогать себѣ ничѣмъ другимъ, кромѣ словъ: «Отче, да будетъ воля Твоя надо мной».

Богъ, это существо, которое можно познать лучше всего черезъ «ничто». — Какъ такъ черезъ «ничто»? — Отказываясь отъ всякихъ средствъ, и не только отказываясь отъ міра и приобрѣтая добродѣтель, но добродѣтель долженъ я оставить, если хочу познать непосредственно Бога; не то, чтобы я долженъ былъ отказаться отъ добро-

дѣтели, нѣтъ, но добродѣтель должна по существу обитать во мнѣ, а я долженъ стать выше добродѣтели. Когда такимъ образомъ человѣческая мысль не касается больше никакой вещи, она впервые касается Бога.

Одинъ языческій мудрецъ говоритъ, что природа не имѣетъ власти надъ природой. Поэтому Богъ не можетъ быть познанъ никакой тварью. Если же Онъ долженъ быть познанъ, то только въ свѣтѣ, который выше природы.

Мудрецы спрашиваютъ: отчего происходитъ то, что Богъ, поднимая душу превыше ея самой и превыше всякой твари, и возвращая ее къ Себѣ, не поднимаетъ на высшую степень и тѣла, чтобы оно не нуждалось въ земномъ?

На это отвѣчаетъ одинъ учитель, кажется, св. Августинъ, и говоритъ: Когда душа достигаетъ соединенія съ Богомъ, тогда только впервые достигаетъ тѣло того совершенства, при которомъ оно можетъ наслаждаться всѣми веществами во славу Божью. Ибо ради человѣка проистекли всѣ созданія, и то, чѣмъ разумно можетъ наслаждаться тѣло, не есть для души паденіе, но возвышеніе ея достоинства. Ибо тварь не можетъ найти болѣе благороднаго пути, чтобы вернуться къ своему источнику, чѣмъ вѣрнаго человѣка, который позволяетъ своей душѣ на мигъ поднять его до воссоединенія съ Богомъ.

Ибо нѣтъ тогда препятствія между Богомъ и душою; и поскольку душа слѣдуетъ за Богомъ въ пустыню божества, постольку тѣло слѣдуетъ за возлюбленнымъ Христомъ въ пустыню добровольной бѣдности; и какъ душа соединена съ божествомъ, такъ соединено тѣло съ дѣйствіемъ истинной добродѣтели во Христѣ. И Отецъ небесный можетъ сказать: «это Сынъ Мой возлюбленный,

въ которомъ къ Себѣ Мое благоволеніе», ибо Богъ не только въ душѣ родиль Своего Единороднаго Сына, но и душу самую родиль Своему Единородному Сыну.

Воистину, изъ самой глубины сердца! Человѣкъ, какое страданіе можетъ быть для тебя слишкомъ горькимъ и жестокимъ, если ты видишь, что Тотъ, который былъ въ образѣ Бога, въ свѣтѣ Своей вѣчности, въ сіяніи святыхъ, и который былъ рожденъ прежде луча и всякаго естества Божьяго, что Онъ приходитъ въ тюрьму и въ тиски твоей загрязненной природы, которая настолько нечиста, что всѣ вещи, какими бы чистыми онѣ не приближались къ ней, становятся въ ней нечистыми и зловонными, и Онъ все же захотѣлъ ради тебя погрузиться въ нее?

Существуетъ ли что-нибудь, что бы не сладко было тебѣ выстрадать, если ты перечтешь всѣ горести твоего Господа и Бога, и когда ты вспомнишь все горе и позоръ, упавшіе на Него?

Какой позоръ и поруганіе терпѣлъ Онъ отъ князей, и рыцарей, и злыхъ рабовъ, и отъ тѣхъ, что проходили взадъ и впередъ по дорогѣ передъ крестомъ?

Поистинѣ, какое великое, невинное милосердіе и подлинная любовь, которая нигдѣ не являлась мнѣ съ такой совершенной подлинностью, какъ здѣсь, гдѣ сила любви вырвалась изъ Его сердца.

Поэтому сдѣлай себѣ узелъ изъ всякихъ страданій твоего Господа и Бога, и пусть онъ пребудетъ всегда между грудей твоихъ. Взгляни на Его добродѣтели и размотри ихъ. Какъ усердно думалъ Онъ о твоёмъ спасеніи во всѣхъ Своихъ дѣлахъ!

Смотри, чтобы той же платой заплатить Ему за Его постыдную, позорную смерть и страдальческую природу,

которой Онъ мучился безъ вины за твою вину, какъ-будто бы то была Его собственная вина, какъ Онъ Самъ и говоритъ въ пророкахъ о Своемъ страданіи. «Смотрите, это претерпѣваю Я ради Моей вины». О плодѣ же своихъ дѣлъ говоритъ Онъ такъ: «Смотрите, этимъ богатствомъ должны вы обладать въ награду за дѣла ваши»; и называетъ наши грѣхи Своими грѣхами, а Свои дѣла нашими дѣлами, ибо Онъ исправилъ наши грѣхи, какъ будто бы Онъ Самъ ихъ сдѣлалъ, и мы имѣемъ награду за Его дѣла, какъ будто бы мы ихъ сдѣлали.

И это должно дѣлать ничтожной нашу тяготу, ибо добрый рыцарь не жалуется на свои раны, когда онъ созерцаетъ короля, который раненъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ предлагаетъ намъ напитокъ, который сперва испилъ Самъ.

Онъ не посылаетъ намъ ничего такого, чего бы сперва Самъ не сдѣлалъ или не выстрадалъ. Поэтому мы должны питать большую любовь къ страданію, ибо Богъ ничего иного и не дѣлалъ, пока былъ на землѣ. Дай Богъ, чтобы мы преобразили и потеряли нашу человѣческую природу и всѣ наши слабости въ божественной природѣ, такъ, чтобы въ насъ нельзя было найти ничего, кромѣ чистаго Бога! Аминь.

О ЕДИНСТВѢ ВЕЩЕЙ.

одобныя вещи любятъ другъ друга и соединяются, несхожія бѣгутъ и ненавидятъ другъ друга.

Нѣтъ ничего болѣе несхожаго, говорить одинъ учитель, чѣмъ небо и земля. Почувствовала земля въ глубинѣ естества своего, что чужда она небу и несхожа съ нимъ. Потому бѣжала отъ неба въ мѣста глубинныя и лежитъ тамъ неподвижно и тихо, чтобъ не приблизиться къ небу. И узнало небо въ глубочайшемъ естествѣ своемъ, что земля удалилась отъ него и заняла глубинныя мѣста. Поэтому неудержимо изливается оно плодородіемъ своимъ въ земное царство, и мудрецы хотятъ, чтобы широкое и далекое небо не оставляло для себя ничего, ни даже кусочка, равнаго острию иглы. И возрождаетъ всецѣло себя небо, пробуждая плодородіе въ царствѣ земли.

То же скажу я о человѣкѣ, который сталъ передъ собой, передъ Богомъ и передъ всѣми твореніями «ничѣмъ»; онъ занялъ глубочайшія мѣста и долженъ излиться въ него Богъ всецѣло, или Богъ не Богъ!

Клянусь вѣчной правдой Господа: долженъ Богъ излиться всею силою Своей въ каждого человѣка, дошедшаго до глубины. Излиться всецѣло, такъ чтобы ни въ жизни Своей, ни въ сущности Своей, ни въ естествѣ Своемъ, ни даже въ самой божественности Своей не

сохранить ничего для Себя; но щедрый плод принося, всецѣло излиться въ человѣка, отдавагося Богу и избравшаго глубочайшія мѣста.

Когда я сегодня шелъ сюда, то думалъ, какъ бы мнѣ сдѣлать понятной для васъ мою проповѣдь, и придумалъ примѣръ: если кто сможетъ понять его, то пойметъ подлинный смыслъ и сущность всего моего ученія.

Примѣръ этотъ касается моего глаза и дерева. Открытъ ли или закрытъ мой глазъ, онъ все тотъ же глазъ. И у дерева ничего не отнимается и ничто не прибавляется ему черезъ узрѣніе его. Слушайте: предположимъ, что мой глазъ покоится въ себѣ, какъ нѣчто единое, само въ себѣ заключенное, и только при зрѣніи открывается и устремляется на дерево. И дерево и глазъ остаются тѣмъ, чѣмъ они были, а все же въ дѣйствии зрѣнія они становятся настолько одно, что можно было бы сказать: глазъ есть дерево, а дерево — глазъ. Если бы дерево было вовсе лишено вещества, и представляло бы собою нѣчто чисто духовное, какъ зрѣніе моего глаза, можно было бы утверждать съ полнымъ правомъ, что въ дѣйствии зрѣнія дерево и мой глазъ — одно существо.

И если такъ это въ мірѣ вещественномъ, то насколько же больше въ мірѣ духовномъ. Такъ же должны вы принять во вниманіе, что между моимъ глазомъ и глазомъ барана, находящагося по ту сторону моря, и котораго я никогда не видалъ, гораздо больше общаго, чѣмъ между моимъ глазомъ и моимъ ухомъ, хотя эти послѣдніе принадлежатъ одному существу. Происходитъ это оттого, что глазъ барана и мой глазъ имѣютъ одно и то же назначеніе. Почему и приписываю я имъ больше единства, а именно единство дѣйствія, чѣмъ моему глазу

и уху, которые въ своемъ дѣйствии не имѣютъ ничего общаго.

Я также говорилъ не разъ о свѣтѣ души, несотворенномъ и несотворимомъ. Этого свѣта стараюсь я всегда коснуться въ проповѣди. И этотъ свѣтъ воспринимаетъ Бога непосредственно, безъ всякихъ покрововъ, такимъ, каковъ Онъ Самъ въ Себѣ. Этотъ свѣтъ воспринимаетъ Его въ дѣйствии внутренняго богорожденія!

И тутъ могу я поистинѣ утверждать, что этотъ свѣтъ имѣетъ больше единства съ Богомъ, чѣмъ съ какой-либо изъ силъ души, съ которыми онъ все же—по своей принадлежности къ одному существу—одно. Ибо несомнѣнно, что въ нѣдрахъ моей души, взятой въ одномъ существѣ, свѣтъ этотъ не занимаетъ болѣе высокаго мѣста, чѣмъ всякая другая чувственная способность ея, слухъ или зрѣнiе, или иная сила, способная страдать отъ голода, жажды, холода и зноя. И это происходитъ оттого, что существо есть нѣчто простое, цѣльное.

Поэтому, если брать силы души въ одномъ существѣ, онѣ равны и всѣ стоятъ одинаково высоко; если же разсматривать ихъ въ ихъ дѣйствии, то одна гораздо благороднѣе и выше другой. Вотъ почему я и говорю: пусть человѣкъ отвратится отъ себя самого и отъ всего сотвореннаго. Поскольку ты такъ поступишь, постольку достигнешь ты единства и блаженства въ той искрѣ души, которой никогда не коснулось ни время, ни пространство. Эта искра сопротивляется всѣмъ творенiямъ и хочетъ только Бога, чистаго, каковъ Онъ есть Самъ въ Себѣ. Она не удовлетворится ни Отцомъ, ни Сыномъ, ни Святымъ Духомъ, ни всѣми Тремя Лицами, покуда каждое пребываетъ въ Своемъ существѣ. Да! я

утверждаю: мало этому свѣту и того, чтобы божественная природа, творческая и плодородная, рождалась въ немъ.

И вотъ, что кажется еще болѣе удивительнымъ: я утверждаю, что свѣтъ этотъ не довольствуется и простой, въ покоѣ пребывающей божественной сущностью, которая не даетъ и не принимаетъ: онъ хочетъ знать, откуда эта сущность, онъ хочетъ въ самую глубину, единую, въ тихую пустыню, куда никогда не проникало ничего обособленнаго, ни Отецъ, ни Сынъ, ни Духъ Святой; въ глубинѣ глубинъ, гдѣ всякъ чужой, лишь тамъ доволенъ этотъ свѣтъ и тамъ онъ больше у себя, чѣмъ въ себѣ самомъ.

Ибо глубина эта—одна безраздѣльная тишина, которая неподвижно покоится въ себѣ самой.

И этимъ неподвижнымъ подвижны всѣ вещи.

Отъ нея получаютъ свою жизнь всѣ живущіе, живые разумомъ, погруженные въ себя. Дабы жили мы въ этомъ смыслѣ разумно, да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

О ДѢВСТВЕННОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Intravit Iesus in quoddam castellum et mulier quaedam excepit illum.

произнесъ сейчасъ по-латыни слово, оно написано въ Евангеліи и значить по-нѣмецки: Иисусъ пришелъ въ одно селеніе и былъ принятъ женщиной, дѣвой, которая была женщина. Обратите вниманіе на это слово: «былъ принятъ женщиной». Поистинѣ она должна была быть дѣвой, та, что приняла Христа. Подъ дѣвственностью разумѣемъ мы то состояніе, когда человѣкъ свободенъ отъ всякаго чуждаго образа, такъ свободенъ, какъ онъ былъ, когда его не было.

Естественно, что здѣсь сейчасъ же напрашивается возраженіе: какъ человѣкъ, который родился и достигъ разумной жизни, можетъ быть настолько свободнымъ отъ всякихъ впечатлѣній, какъ тогда, когда его еще вовсе не было? Вѣдь онъ же такъ много знаетъ уже, а это все отображеніе вещей? И какъ же можетъ онъ въ то же время быть свободнымъ отъ нихъ? Я укажу вамъ, въ чемъ здѣсь дѣло!

Если бы мой разумъ былъ настолько всеобъемлющъ, что всѣ образы, которые когда-либо воспринимали люди и даже тѣ образы, которые существуютъ только въ самомъ Богѣ, находились бы въ моемъ сознаніи, но безъ того

однако, чтобы я считалъ ихъ своей собственностью, такъ чтобы я въ дѣйствии и покоѣ не прилѣплялся ни къ одному изъ нихъ, ни къ его «до», ни къ его «послѣ», но теперь въ это настоящее мгновенье быть свободенъ, готовый отдаться волѣ Бога и исполнить неудержимо все то, чего Онъ больше всего желаетъ,—тогда воистину все множество образовъ было бы для меня не больше, чѣмъ тогда, когда меня не было, и моя душа была бы дѣвственной.

И я утверждаю, что дѣвственность эта не отняла бы у человѣка ничего изъ тѣхъ поступковъ, что были совершены имъ раньше. Но вотъ, не обремененный ими, стоитъ онъ свободный въ своей дѣвственной чистотѣ. И только такъ впервые являетъ онъ полное осуществленіе самого себя. Какъ Иисусъ свободный въ неприкосновенной чистотѣ.

И, какъ говорятъ учителя, что лишь подобное можетъ слиться воедино, такъ та душа, которая хочетъ вмѣстить цѣломудреннаго Христа, должна хранить дѣвственное цѣломудріе.

Но посмотрите и замѣьте себѣ теперь хорошенько! Вѣдь если бы кто-нибудь остался навсегда дѣвою, то никогда не было бы отъ него плода; если же долженъ онъ родить, должно стать ему «женщиной».

«Женщина» вотъ самое благородное имя, которое можно дать душѣ, гораздо благороднѣе чѣмъ «дѣва». Хорошо, когда человѣкъ принимаетъ въ себя Бога; въ этомъ принятіи является его дѣвственность. Но еще лучше, когда Богъ становится въ немъ плодотворнымъ. Ибо принести плодъ значитъ воистину отблагодарить за даръ; и когда душа въ отвѣтной благодарности рождаетъ въ Отчемъ сердцѣ Бога Иисуса—это дѣло женщины.

Много добрыхъ даровъ принимаетъ дѣвственное лоно, но не возрождаются они вновь плодородіемъ женщины, не становятся истинной благодарностью Богу. Дары погибаютъ всѣ и уничтожаются, и человѣкъ не становится отъ этого ни блаженнѣе, ни богаче. Ибо ни къ чему душѣ ея дѣвственность, если при этомъ она не женщина, со всею женскою плодovitостью. Вотъ въ чемъ вредъ. Поэтому я и говорю: Иисусъ былъ принятъ дѣвою, которая была женщиной.

Рѣдко бракъ приноситъ людямъ въ годъ болѣе одного плода. Но я имѣю здѣсь въ виду людей по иному женатыхъ,—тѣхъ, что связали себя молитвой, постомъ, бдѣніемъ и другимъ послушаніемъ и самобичеваніемъ. Всякую привязанность къ какому-нибудь дѣлу,—(если она отнимаетъ у тебя свободу ожидать Бога и слѣдовать только за Нимъ каждое мгновеніе, быть Имъ просвѣщеннымъ въ томъ, что тебѣ дѣлать и чего не дѣлать,—новымъ и свободнымъ каждую минуту, какъ будто бы ты и не имѣлъ, не желалъ и не зналъ ничего другого),—всякую связь и поставленную себѣ задачу, которая отнимаетъ у тебя свободу,—называю я сейчасъ «годомъ брака». Ибо душа твоя не принесетъ плода, прежде чѣмъ не совершишь ты дѣла, которому съ трепетомъ отдаешься, и не найдешь ты спокойствія ни въ Богѣ, ни въ себѣ, пока не осуществишь въ мірѣ этого дѣла. Иначе нѣтъ тебѣ мира; и не принесешь ты плода цѣлый годъ. Но и тогда этотъ плодъ будетъ не довольно значительнымъ, ибо рожденъ изъ души связанной, прикованной къ дѣлу,—не изъ свободы!

Такъ бываетъ съ тѣми, кого я называю «женатыми людьми», съ тѣми, что связали себя по своему собственному произволу. Напротивъ, «дѣва, которая при томъ женщина», свободная, никакимъ произволомъ не связан-

ная душа, такъ близка ежечасно Богу, какъ себѣ самой, и приноситъ много плодовъ, и плодовъ значительныхъ: она рождаетъ не болѣе и не менѣе, какъ Самого Бога.

Черезъ этотъ плодъ и рожденіе его становится дѣвственная женщина родительницей! Сто, тысячу разъ на дню, и даже безъ числа разъ рождаетъ она и приноситъ плодъ изъ благороднѣйшихъ глубинъ! И чтобы сказать еще точнѣе: изъ той самой глубины, изъ которой Отецъ рождаетъ Свое вѣчное Слово, тамъ же и она становится плодоносной сородительницей.

Ибо Иисусъ свѣтъ и явленіе Отчаго сердца (и мощно просвѣтляетъ Онъ Отчее сердце!) — сей Иисусъ сталъ съ ней единымъ, и она съ Нимъ: она сіяетъ и свѣтитъ съ Нимъ, какъ лучистое, ясное сіяніе въ божественномъ сердцѣ Отца.

Я уже сказалъ: въ душѣ есть сила, которая не касается плоти и времени; она истекаетъ изъ духа, въ духѣ пребываетъ и вся духъ. Въ ней зеленѣетъ и цвѣтетъ Богъ въ полной славѣ и радости, которую вкушаетъ Самъ въ Себѣ. Тамъ радость такъ сердечна, радость такъ велика, что она не можетъ быть постигнута умомъ, не можетъ быть выражена словами.

Ибо въ этой силѣ вѣчный Отецъ непрерывно рождаетъ Своего вѣчнаго Сына, и душа сорождаетъ Сына Отцу, и себя самое рождаетъ, какъ этого Сына, въ нераздѣльной силѣ Отца.

Если бы нѣкто обладалъ цѣлымъ королевствомъ или всѣми сокровищами на землѣ и все это оставилъ бы съ легкимъ сердцемъ ради Бога, и сталъ бы бѣднѣйшимъ изъ людей, которые когда-либо жили на землѣ, и Богъ далъ бы ему столько выстрадать, сколько не давалъ никогда никому, и онъ терпѣливо переносилъ бы это до

самой смерти: а Богъ хоть на одно мгновенье открылся бы ему, такимъ, каковъ Онъ въ той силѣ,—то радость человѣка того была бы такъ безмѣрна, что все страданіе его и лишенія показались бы ему слишкомъ ничтожными. Даже если бы затѣмъ Богъ не далъ ему больше ни капельки Царствія Небеснаго, съ него было бы довольно этой радости!

Ибо Богъ въ этой силѣ, какъ въ вѣчномъ мгновеніи. И человѣкъ не могъ бы старѣть, если бы духъ его былъ всегда соединенъ съ Богомъ въ этой силѣ. Ибо мгновенье, въ которое Богъ создалъ первыхъ людей, и мгновенье, въ которое исчезнетъ послѣдній человѣкъ, и мгновенье, въ которое я сейчасъ здѣсь говорю, въ Богѣ равны Человѣкъ, что живетъ въ одномъ свѣтѣ съ Богомъ, не знаетъ ни страданія, ни начала, ни продолженія, но одну ровную вѣчность. У него, заключеннаго въ самой правдѣ, многое отнято, но сущность всѣхъ вещей пребываетъ въ немъ. Никакой случай, ничто въ будущемъ не можетъ дать ему ничего новаго; непрерывно и вѣчно вновь зеленѣющій, живетъ онъ въ одномъ мгновеньѣ. Такова божественная власть этой силы.

Есть еще одна сила, которая безплотна. Она истекаетъ изъ духа, въ духѣ пребываетъ и вся—духъ. Въ этой силѣ Богъ безпрестанно горитъ и пламенѣетъ во всемъ Своемъ избыткѣ, во всей Своей сладости и отрадѣ. И отрада эта такъ велика, что никто не можетъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствовать и говорить о томъ по истинѣ. Я только говорю: найдись одинъ единственный человѣкъ, которому было бы дано бросить туда на одно мгновенье взглядъ, разумный, дѣйствительный взглядъ въ эту радость, въ эту отраду, то все, что дано было бы ему выстрадать, и все страданіе, которое потребовалъ

бы отъ него Богъ,—все это было бы для него пустякомъ, ничтожествомъ, и даже скажу болѣе того: это было бы для него радостью и благодѣяніемъ.

Если ты хочешь узнать о страданіи: твое ли оно, или Божье, вотъ какъ ты можешь отличить это. Если ты страдаешь за себя, это страданіе причиняетъ тебѣ всегда боль и его трудно выносить. Если же ты страдаешь только ради Бога и за Бога, такое страданіе не причиняетъ тебѣ боли и не тяжело. Ибо тяжесть его несетъ Богъ. И если бы на такого свалилось сразу все страданіе, какое когда-либо выстрадали всѣ люди, какое несетъ цѣлый міръ, это не причинило бы ему боли и не было бы ему тяжело. То, что терпитъ человѣкъ ради Бога, легко и сладко ему.

Я однажды сказалъ, что есть сила въ духѣ, и она одна свободна. Порой я говорилъ, что есть въ душѣ крѣпость; иногда—что это свѣтъ, и иногда еще называлъ я это искоркой. Теперь говорю я, что это не «то» и не «это», и вообще не «что-либо». Это такъ же далеко отъ «того» и «этого», какъ небо отъ земли. Поэтому я опредѣлю это еще болѣе благороднымъ образомъ, чѣмъ раньше.— И вотъ оно уже смѣется и надъ «благороднымъ», и надъ «образомъ» и превзошло далеко все это! Оно свободно отъ всѣхъ именъ и ликовъ, свободно и чисто, какъ свободенъ и чистъ одинъ Богъ. И чисто въ самомъ себѣ. Оно цѣльно и замкнуто въ себѣ самомъ, какъ цѣленъ и замкнутъ въ Себѣ Самомъ одинъ лишь Богъ. Такъ что выявить этого никакимъ образомъ нельзя.

Та первая сила, о которой я говорилъ: въ ней зеленеетъ и цвѣтетъ Богъ во всемъ Своемъ божествѣ, и въ Богѣ—Духъ. Въ ней рождаетъ Отецъ Своего Единороднаго Сына изъ Себя Самого и какъ Себя Самого. Ибо въ этой силѣ Его истинная жизнь. Духъ рождаетъ вмѣстѣ

съ Отцомъ этого же Сына, и Самъ Онъ въ свѣтѣ этой силы Сынъ и Истина.

Если бы вы могли прислушаться вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, вы поняли бы, что я говорю, ибо это правда и сама правда говоритъ это! Смотрите и примѣчайте! Такъ цѣльна и замкнута эта возносящаяся надъ всѣмъ крѣпость души, о которой я говорю сейчасъ, что благородная сила души, о которой я только что говорилъ, недостойна бросить туда ни единого взгляда, а также и та вторая сила, гдѣ непрестанно горитъ и пламенѣтъ Богъ. Настолько выше всякаго опредѣленія, всякихъ силъ, то Одно—Единое, что ни одна душевная сила, и вообще ничто, имѣющее какую-либо опредѣленность, не можетъ бросить туда взгляда. Ни даже Самъ Богъ!

Воистину и какъ Богъ святъ: Богъ никогда не бросилъ туда ни малѣйшаго взгляда, поскольку Онъ лицо!

Это ясно. И потому, если бы надлежало Богу заглянуть туда, то это стоило бы Ему всѣхъ Его божественныхъ именъ, и свойства быть лицомъ; все это долженъ Онъ оставить. Но поскольку Онъ Единое безъ дальнѣйшаго опредѣленія: не Отецъ, не Сынъ, не Духъ Святой, но нѣчто свободное отъ всякаго «то» и «это»—постолюкь проникаетъ Онъ въ то Единое, которое я называю крѣпостью души. Иначе не можетъ Онъ войти туда. Но такъ войдетъ Онъ туда, и такъ—Онъ уже тамъ. Въ этой части душа подобна Богу; и не иначе!

То, что я сказалъ вамъ, правда: призываю правду во свидѣтели передъ вами и даю душу мою залогомъ.

Чтобы были мы такими крѣпостями, къ которымъ восходилъ бы Иисусъ, и былъ бы нами принятъ, и остался бы въ насъ навѣкъ, какъ я объ этомъ сказалъ, да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

ЦАРСТВО БОЖІЕ БЛИЗКО.

найте, что близко Царствіе Божіе!» говоритъ Господь. Оно въ насъ! И святой Павелъ говоритъ также: «Спасеніе наше ближе, нежели мы думаемъ».

Знайте же, какъ близко отъ насъ Царствіе Божіе! Мы должны со всею точностью уяснить себѣ смыслъ этихъ словъ! Еслибъ я былъ царь, а самъ того не зналъ—то, будучи царемъ, я не былъ бы царемъ. Но если я твердо убѣжденъ, что я царь, и всѣ люди вмѣстѣ со мной того же мнѣнія, и я навѣрно знаю, что такъ думаютъ всѣ люди, тогда—я царь, и всѣ сокровища царства—мои. Но если не хватаетъ хоть одного изъ этихъ трехъ условій, тогда я не могу быть царемъ. Также и наше блаженство зависитъ отъ того, что мы познаемъ и сознаемъ высшее благо—Самого Бога!

Въ моей душѣ есть сила, воспринимающая Бога. Ничто не близко мнѣ такъ, какъ Богъ. Въ этомъ я настолько же увѣренъ, какъ въ томъ, что живъ. Богъ мнѣ ближе, чѣмъ я самъ себѣ. Мое существованіе зависитъ отъ того, что Богъ тутъ, что Онъ близокъ!

Онъ присутствуетъ въ камнѣ и въ кускѣ дерева, но они этого не знаютъ. Если бы знало дерево о Богѣ и сознавало близость Его, какъ сознаетъ это верхов-

ный Ангелъ, то и дерево обладало бы тѣмъ же блаженствомъ, что и верховный Ангелъ! Потому человѣкъ и блаженнѣе куска дерева, что онъ познаетъ Бога и знаетъ, какъ близокъ ему Богъ. И чѣмъ болѣе сознаетъ онъ это, тѣмъ блаженнѣй, а чѣмъ менѣе сознаетъ, тѣмъ менѣе блаженъ.

Не потому онъ блаженъ, что Богъ въ немъ и такъ близокъ ему, не потому, что имѣетъ онъ Бога, но только потому, что сознаетъ Бога, сознаетъ какъ близокъ ему Богъ, какъ любовь ему и какъ присутствіе.

«Человѣкъ долженъ сознавать, что близко Царствіе Божіе». Когда я размышляю о Царствіи Божьемъ, то имѣю передъ неизмѣримостью его. Ибо Царствіе Божіе—это Самъ Богъ со всею изобиліемъ Своимъ. Царствіе Божіе не бездѣлица. Если представить себѣ все міры, которые могъ бы создать Богъ, все это еще не есть Царствіе Его. Душу, въ которой всегда восходитъ Царствіе Божіе, нечего поучать, ибо этимъ самымъ научена она и твердо убѣждена въ жизни вѣчной. Кто знаетъ и постигаетъ, какъ близко къ нему Царствіе Божіе, тотъ можетъ сказать съ Яковомъ: «Вѣмъ съ этимъ Богъ, а я не зналъ этого!»

Богъ равно близокъ намъ во всехъ твореніяхъ. Мудрый человѣкъ говоритъ: На все созданія раскинулъ Господь тенета и сѣти Свои, такъ что, кто хочетъ видѣть Его, можетъ найти Его и узнать въ каждомъ твореніи. Только тотъ воистину познаетъ Бога, говоритъ одинъ учитель, кто видитъ Его во всемъ.

Служить Богу въ страхѣ—хорошо; служить Ему въ любви—лучше; но тотъ, кто умѣетъ связать воедино страхъ и любовь, дѣлаетъ наилучшее. Тихая и покойная жизнь, проведенная въ Богѣ—хороша; жизнь, пол-

ная боли, прожитая съ терпѣніемъ—лучше; но найти покой въ жизни, полной боли, есть наилучшее. Творить ли кто молитву, идучи полемъ, и почувствуетъ Бога, или почувствуетъ Его въ церкви, если онъ сильнѣе чувствуетъ Бога въ покойномъ мѣстѣ, то это происходитъ отъ его несовершенства, а не отъ Бога. Ибо Богъ тотъ же во всѣхъ вещахъ и во всѣхъ мѣстахъ, и всегда равно готовъ отдать Себя, поскольку это отъ Него зависитъ; и лишь тотъ дѣйствительно нашель Бога, кто находитъ Его повсюду въ одинаковой мѣрѣ.

Святой Бернардъ говоритъ: почему глазъ мой познаетъ небо, а не ноги? Потому, что глазъ мой больше похожъ на небо, нежели ноги мои. Если надлежитъ душѣ моей познавать Бога, она должна быть подобна небу.

Благодаря чему душа сознаетъ въ себѣ Бога и постигаетъ, какъ Онъ близокъ ей?

Небо не терпитъ чуждаго воздѣйствія: ни боль, ни нужда, ничто, что могло бы заставить его выйти изъ себя, не можетъ проникнуть въ него. Также крѣпка и тверда должна быть душа, если хочетъ постигнуть Бога. Надо чтобы ничто не могло проникнуть въ нее, ни надежда, ни страхъ, ни радость, ни скорбь, ни любовь, ни страданье и ничто, что могло бы вывести ее изъ себя.

Небо всюду одинаково далеко отъ земли. И душа должна быть одинаково далека отъ всѣхъ земныхъ вещей,—такъ чтобы не была она ближе къ одной вещи, чѣмъ къ другой. Она должна оставаться неизмѣнной въ любви и страданіи, въ обладаніи и въ лишеніи, во что бы то ни стало, и должна она совершенно умереть для этого, отрѣшенная, вознестись надъ этимъ.

Небо чисто, ясности его ничто не омрачаетъ; его не касается ни время, ни пространство. Нѣтъ въ немъ ничего вещественнаго, и оно не заключено во-времени: круговращеніе его совершается съ невѣроятной быстротой; самый бѣгъ его внѣ времени, но отъ его движенія возникаетъ время.

Ничто такъ не мѣшаетъ душѣ познавать Бога, какъ время и пространство! Пространство и время всегда лишь части, а Богъ единъ. Итакъ, если надлежитъ душѣ познать Бога, она должна познавать Его внѣ времени и пространства. Ибо Богъ не «то» и не «это», какъ множество вещей: Богъ есть одно! Если надлежитъ душѣ видѣть Бога, она не должна одновременно устремлять взоры на вещи, принадлежащія времени. Ибо куда время и пространство или какіе-либо другіе подобные образы заполняютъ ея сознаніе, невозможно ей увидѣть Бога. Хочетъ ли глазъ увидѣть цвѣтъ, онъ долженъ раньше самъ освободиться отъ всякаго цвѣта. Хочетъ ли душа видѣть Бога, не должна она имѣть ничего общаго съ «ничто». Кто видитъ Бога, тотъ также познаетъ, что всѣ творенія «ничто». Если сравнивать одно твореніе съ другимъ—оно кажется прекраснымъ и представляетъ собою нѣчто; по сравненію же съ Богомъ, оно—«ничто».

Я говорю далѣе: хочетъ ли душа видѣть Бога, она должна также забыть и потерять себя. Ибо куда она видитъ и знаетъ себя, до тѣхъ поръ не видитъ и не знаетъ она Бога. Если же ради Бога отдастъ она свое «Я» и откажется отъ всѣхъ вещей, то вновь найдетъ себя въ Богѣ. Познавая Бога, познаетъ она въ Богѣ совершеннѣе и самое себя, и всѣ вещи, съ которыми разлучилась. Если я хочу воистину познать высшее благо,

если хочу познать вѣчную благодѣть, то долженъ познать ее тамъ, гдѣ она въ себѣ самой—въ Богѣ, а не тамъ, гдѣ ея осколки. Долженъ ли я познать истинное бытіе, я долженъ познать его тамъ, гдѣ оно въ себѣ самомъ—въ Богѣ, а не въ твореніяхъ, гдѣ оно разбито.

Лишь въ Богѣ одномъ цѣльно Божественное бытіе. Въ одномъ человѣкѣ не все человѣчество, ибо одинъ человѣкъ—не всѣ люди. Но въ Богѣ душа познаетъ также и всѣ вещи въ высшемъ смыслѣ, ибо познаетъ ихъ тамъ въ ихъ сущности. Кто самъ живетъ въ прекрасно-описанномъ домѣ, тотъ несомнѣнно знаетъ о немъ больше, чѣмъ тотъ, кто никогда въ него не входилъ, а все же многое хотѣлъ бы про него рассказать.

Я убѣжденъ въ этомъ такъ же твердо, какъ въ собственной жизни и жизни Бога: если должна душа постигнуть Бога, она постигнетъ Его выше времени и пространства. Лишь такая душа знаетъ Бога и знаетъ, какъ близко Царствіе Божіе, то-есть самъ Богъ, со всѣмъ изобиліемъ Его.

Учителя въ школахъ много разсуждаютъ о томъ, какъ возможно, чтобъ душа познала Бога. Не отъ строгости Господа происходитъ то, что онъ многое требуетъ отъ человѣка, а отъ Его великой кротости: ибо хочетъ Онъ, чтобъ расширялась душа, чтобы воистину много могла вмѣстить, чтобы воистину могъ Онъ дать ей много.

Никто не долженъ думать, что достигъ этого трудно, хоть это и кажется труднымъ; хоть это и дѣйствительно трудно вначалѣ при разставаніи со всѣми вещами и умирانی для нихъ. Но когда ты уже достигнешь этого, нѣтъ жизни легче, радостнѣй, желаннѣй. Ибо такъ ревностенъ Богъ, что всегда Онъ пребываетъ съ человѣкомъ и ука-

зываетъ ему путь къ Себѣ, если только хочетъ чело-
вѣкъ слѣдовать за Нимъ.

Никогда ни о чемъ не томился такъ сильно чело-
вѣкъ, какъ томится Богъ о томъ, чтобы привести че-
ловѣка къ познанію Его.

Богъ готовъ ежечасно, но мы очень не готовы; Богъ
къ намъ близокъ, но мы далеки. Богъ внутри, но мы
снаружи; Богъ въ насъ дома, но мы чужіе!

Пророкъ говоритъ: «Богъ ведетъ праведныхъ узкой
тропой къ широкой дорогѣ, чтобы достигли они шири
и дали»—это значитъ—къ истинной свободѣ духа, став-
шаго единымъ Духомъ съ Богомъ. Чтобы мы всѣ по-
слѣдовали за Нимъ и чтобы Онъ взялъ насъ въ Себя.
Въ томъ да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

прочелъ многія писанія, и языческихъ учителей, и пророковъ, и Старога и Новаго Завѣта, и со всяческой строгостью и усердіемъ искалъ лучшую и высшую добродѣтель, съ помощью которой человѣкъ могъ бы наиболѣе уподобиться Богу, стать вновь насколько возможно болѣе похожимъ на тотъ прообразъ, какимъ онъ былъ въ Богѣ, когда между нимъ и Богомъ не было различія, пока Богъ не создалъ твари.

И когда я углубляюсь во все то, что объ этомъ написано, докуда можетъ доходить мой разумъ съ его свидѣтельствомъ и сужденіемъ, то я не нахожу ничего иного, чѣмъ чистую отъ всего созданнаго свободную отрѣшенность.

Многіе учителя славятъ любовь, какъ высшее, подобно апостолу Павлу, который говоритъ: «какое бы послушаніе я ни взялъ на себя, если я не имѣю любви, я ничто». Но я ставлю отрѣшенность выше любви.

Во-первыхъ, отъ того, что любовь заставляетъ меня любить Бога. Но гораздо цѣннѣе, чтобы я привелъ къ себѣ Бога, чѣмъ пришелъ бы къ Богу, ибо мое вѣчное блаженство заключается въ томъ, чтобы Богъ и я стали одно; потому что Богъ можетъ лучше войти въ меня и соединиться со мной, нежели я съ Нимъ. А то, что

отрѣшенность приводитъ ко мнѣ Бога, доказываю я такъ: каждое существо пребываетъ охотнѣе всего на своемъ естественномъ мѣстѣ. Естественнѣйшее и собственнѣйшее мѣсто Бога это цѣльность и чистота.⁷ Онѣ же основываются на отрѣшенности. Поэтому Богъ не можетъ не отдаться отрѣшенному сердцу.

Вторая причина, почему я ставлю отрѣшенность выше любви, слѣдующая: если любовь приводитъ меня къ тому, чтобы все претерпѣвать ради Бога, то отрѣшенность дѣлаетъ меня воспримчивымъ къ одному только Богу. Это же самое высокое. Ибо въ страданіи человѣкъ обращаетъ еще взоръ на созданіе, изъ-за котораго онъ страдаетъ, отрѣшенность же, напротивъ того, свободна отъ всякаго созданія.

А то, что отрѣшенность воспринимаетъ только Бога, доказываю я такъ: что должно быть воспринято, должно быть чѣмъ-нибудь воспринято. Отрѣшенность же настолько близка къ «ничто», что нѣтъ ничего достаточно тонкаго, чтобы найти въ немъ мѣсто для себя, кромѣ Бога. Онъ такъ простъ и такъ тонокъ, что находитъ Себѣ мѣсто только въ отрѣшенномъ сердцѣ. Воспринято и постигнуто можетъ быть воспринимаемое только особымъ способомъ воспріемлющаго, такъ же, какъ все познаваемое постигается и понимается въ зависимости отъ состоянія того, кто это познаетъ, а не такимъ, каково оно, взятое само по себѣ.

Такъ же и смиреніе цѣнятъ иные мудрецы болѣе многихъ иныхъ добродѣтелей. Я же ставлю отрѣшенность выше всякаго смиренія. И вотъ почему именно: смиреніе можетъ существовать безъ отрѣшенности, но совершенной отрѣшенности не можетъ быть безъ совершеннаго смиренія. Ибо послѣдняя доходитъ до само-

уничтоженія. Отрѣшенность же такъ близко соприкасается съ «ничто», что между ней и «ничто» не остается больше никакой разницы.

Поэтому не можетъ быть совершенной отрѣшенности безъ смиренія, а двѣ добродѣтели всегда лучше одной.

Мое второе основаніе вотъ какое: совершенное смиреніе всегда склоняется передъ всѣми твореніями—благодаря чему человѣкъ исходитъ изъ себя къ твари; отрѣшенность же пребываетъ сама въ себѣ. Пусть такое исхожденіе прекрасно, пребываніе внутри себя все же есть самое высокое. Поэтому пророкъ говоритъ: «царская дочь черпаетъ все свое великолѣпіе изъ сокровеннаго своего».

Совершенная отрѣшенность не вѣдаетъ твари, ни склоненія передъ ней, ни самовозвеличиванія, она не хочетъ быть ни выше, ни ниже ея, она хочетъ лишь покоиться въ себѣ самой, ни ради чьей-либо любви или чьего-либо страданія. Она не стремится ни къ подобію, ни къ различію съ какимъ-либо другимъ существомъ, она не хочетъ ни «того», ни «этого», она не хочетъ ничего другого, какъ быть одно съ самой собой.

Но быть «тѣмъ» или «этимъ», этого она не хочетъ, потому что тотъ, кто хочетъ быть «тѣмъ», тотъ хочетъ чѣмъ-нибудь быть, а она хочетъ быть «ничѣмъ»! Поэтому она не обременяетъ ни одной вещи.

Можно возразить: а вѣдь Владычица наша обладала всѣми добродѣтелями, слѣдовательно, и отрѣшенностью обладала Она въ высочайшей степени; и если послѣдняя выше смиренія, то почему Она хвалилась Своимъ смиреніемъ, когда говорила: «на смиреніе рабы своей взглянулъ»?

На это я отвѣчаю: въ Богѣ равноцѣнны отрѣшенность и смиреніе, поскольку вообще возможно говорить

о добродѣтеляхъ у Бога. Исполненное любви смиреніе привело Бога къ тому, что Онъ низошелъ въ человѣческую природу, и все же Онъ остался, будучи человекомъ, неизмѣненъ въ Самомъ Себѣ, какъ тогда, когда создавалъ небо и землю, какъ я разовью это потомъ. Итакъ, потому что Господь, когда захотѣлъ стать человекомъ, остался въ Своей отрѣшенности, Владычица наша знала, что Онъ ожидаетъ отъ Нея того же, хотя Онъ и склонилъ взоръ Свой не на отрѣшенность, а не смиреніе Ея. И Она оставалась въ неизмѣнной отрѣшенности, хотя хвалилась смиреніемъ, а не отрѣшенностью. Потому что если бы Она хотя единымъ словомъ коснулась послѣдней, хотя бы сказала. Онъ взглянулъ на мою отрѣшенность, то тѣмъ самымъ отрѣшенность была бы уже помрачена, такъ какъ вышла бы изъ самой себя.

Ибо какъ ни мало такое исхожденіе изъ самого себя оно все же помрачаетъ отрѣшенность. Поэтому пророкъ говоритъ: «Я хочу молчать и слушать, что Господь и Богъ мой во мнѣ говоритъ». Какъ будто бы онъ говорилъ: «если Богъ хочетъ говорить со мной, пусть войдетъ внутрь, я не хочу выйти наружу». И Бозцій говоритъ: «люди, зачѣмъ вы ищите во внѣ того, что внутри васъ, блаженства?»

Такъ же ставлю я отрѣшенность выше состраданія; ибо состраданіе есть не что иное, какъ то, что чело-вѣкъ выходитъ изъ себя самого ради страданій свѣихъ ближнихъ и оттого омрачается его сердце. Отрѣшенность же свободна отъ этого, и остается въ себѣ самой и не даетъ ничему омрачить себя.

Однимъ словомъ, когда я разсматриваю всѣ добродѣтели, я не нахожу ни одной, которая настолько была

бы лишена всякихъ недостатковъ и настолько уподобляла бы насъ Богу, какъ отрѣшенность.

Одинъ учитель, Авиценна по имени, говоритъ: духъ, который пребываетъ отрѣшеннымъ, настолько высокъ, что все, что онъ видитъ — правда, и все, что онъ желаетъ, дается ему, и когда онъ повелѣваетъ, тогда надо ему быть послушнымъ.

Поистинѣ, знайте это, пребывающій въ своей отрѣшенности духъ привлекаетъ къ себѣ Бога; и если бы онъ могъ лишиться облика и состоянія, то онъ вырвалъ бы для себя самую сущность Бога. Но этого Богъ никому не можетъ дать, кромѣ какъ Себѣ Самому; поэтому Богъ не можетъ сдѣлать для отрѣшеннаго духа ничего другого, какъ только дать ему Самого Себя.

Человѣкъ, который вполнѣ отрѣшенъ, настолько восхищенъ въ вѣчность, что ничто преходящее не можетъ уже заставить его почувствовать плотскаго волненія; тогда онъ мертвъ для земли, потому что ничто земное ничего не говоритъ ему. Это разумѣлъ Св. Павелъ, когда говорилъ: «Я живъ и все же не живъ, Христосъ живъ во мнѣ».

Теперь ты спросишь: «что же такое эта отрѣшенность, что въ ней такая власть?»

Истинная отрѣшенность не что иное, какъ духъ, который остается неподвижнымъ во всѣхъ обстоятельствахъ, будь то радость или горе, честь или позоръ, какъ недвижима остается широкая гора въ легкомъ вѣтрѣ.

Эта неподвижная отрѣшенность болѣе всего уподобляетъ человѣка Богу. Ибо то, что Богъ—Богъ, заключается въ Его неподвижной отрѣшенности и оттого Его чистота, Его простота, и Его неизмѣнность. Поэтому

если человекъ хочетъ уподобиться Богу (поскольку тварь можетъ имѣть подобіе Бога), онъ долженъ стать отрѣшеннымъ.

Отрѣшенность приводитъ его къ чистотѣ, а эта къ простотѣ, послѣдняя же къ неизмѣняемости. Эти качества осуществляютъ подобіе человека съ Богомъ. Благодатью можетъ осуществиться это подобіе. Только она подымаетъ человека надъ всѣмъ временнымъ и очищаетъ его отъ всего преходящаго.

Да будетъ тебѣ извѣстно: быть лишеннымъ всего созданнаго, — значить быть исполненнымъ Бога, и быть полнымъ созданнымъ — значить быть лишеннымъ Бога.

Знай: до міра пребывалъ Богъ въ этой неподвижной отрѣшенности и пребываетъ; и знай: когда Богъ создавалъ небо и землю и всѣ творенія, это такъ мало касалось Его отрѣшенности, какъ если бы Онъ никогда ничего не создавалъ.

Да, я утверждаю: всѣ молитвы и всѣ добрыя дѣла, которыя человекъ совершаетъ во времени, трогаютъ такъ мало Божью отрѣшенность, какъ будто бы ничего подобнаго не совершалось, и Богъ оттого нисколько не благосклоннѣе къ человеку, чѣмъ если бы тотъ не совершалъ ни молитвы, ни добраго дѣла. Я скажу болѣе того: когда Сынъ въ Божествѣ захотѣлъ стать человекомъ и стать, и терпѣлъ мученіе, это такъ же мало коснулось неподвижной отрѣшенности Бога, какъ если бы Онъ никогда и не былъ человекомъ.

Но тутъ ты могъ бы сказать: «вотъ я слышу, что всѣ молитвы и добрыя дѣла напрасны, что они не касаются Бога, и что Его нельзя ими тронуть, и все же говорятъ, что прежде всего Богъ желаетъ, чтобы Ему молились!»

Тутъ ты долженъ быть очень внимательнымъ и вѣрно понять меня (если ты это можешь). Первымъ вѣчнымъ взоромъ — (если мы здѣсь можемъ сказать «первый» взоръ) — Богъ увидѣлъ всѣ вещи, какъ онѣ должны были совершиться, и увидѣлъ тѣмъ же взоромъ, какъ и когда Онъ создастъ твореніе; Онъ увидѣлъ такъ же малѣйшую молитву и доброе дѣло, которыя кто-либо совершитъ, и увидѣлъ, какой молитвѣ и какому благоговѣнію Онъ вонметъ; Онъ видѣлъ, что ты завтра будешь взывать къ Нему и усердно просить Его; и этотъ призывъ и эту молитву Богъ не услышитъ лишь завтра, Онъ слышалъ это въ Своей вѣчности, прежде нежели ты сталъ человѣкомъ. Если же молитва твоя не честна и не подлинна, то Богъ не теперь откажетъ тебѣ: Онъ отказалъ тебѣ уже въ Своей вѣчности. Такъ Богъ Своимъ первымъ вѣчнымъ взоромъ увидѣлъ всѣ вещи, и Онъ дѣйствуетъ не по какой-либо причинѣ, но все уже предопредѣлено, содѣлано впредь — совершенное дѣло.

И такъ пребываетъ Богъ всегда въ Своей неподвижной отрѣшенности, въ то время какъ поэтому не напрасны молитвы и добрыя дѣла людей, ибо кто хорошо поступаетъ — хорошо вознагражденъ. Филиппъ говоритъ: Творецъ содержитъ вещи въ порядкѣ и строѣ, который Онъ далъ имъ вначалѣ Самъ.

Ибо для Него нѣтъ ничего прошедшаго и ничего будущаго: Онъ предвѣчно любилъ всѣхъ святыхъ, какъ Онъ предвидѣлъ ихъ, пока еще міръ не сталъ! И когда совершается во времени то, что Онъ предвидѣлъ въ вѣчности, люди воображаютъ себѣ, что Богъ постигъ новую любовь. Но когда Онъ гнѣвается или когда творитъ добро — это мы измѣняемся: Онъ пребываетъ не-

измѣннымъ, какъ солнечный свѣтъ приноситъ вредъ больнымъ глазамъ и пользу здоровымъ, и все же остается тѣмъ же неизмѣннымъ.

Богъ не смотритъ во время, и поэтому для Него не происходитъ ничего новаго.

Въ томъ же смыслѣ говоритъ Исидоръ въ своей книгѣ о высшей добродѣтели: многіе спрашиваютъ, что дѣлалъ Богъ, пока Онъ не создалъ небо и землю, или откуда явилась у Него новая воля создать творенія? И отвѣтилъ слѣдующее: никогда у Бога не возникало новой воли, и если созданіе и не существовало само по себѣ, какъ сейчасъ, то все же оно извѣчно было въ Богѣ и въ Его разумѣ.

Богъ не такъ создалъ небо и землю, какъ мы говоримъ объ этомъ по человѣчеству языкомъ преходящаго, но всѣ созданія извѣчно высказаны въ первомъ словѣ.

Моисей обратился къ Господу: «Господи, если Фараонъ спроситъ меня, кто Ты, какъ долженъ я отвѣчать ему?» «Такъ скажи: «Сущій, Онъ послалъ меня», это значитъ Тотъ, Кто неизмѣненъ въ Самомъ Себѣ, послалъ меня».

Далѣе кто-нибудь могъ бы спросить: «обладалъ ли Иисусъ Христосъ такъ же неподвижной отрѣшенностью, когда говорилъ: «Моя душа скорбитъ смертельно»? А Марія, когда Она стояла у креста? И вѣдь много говорятъ о Ея жалобѣ. Какъ же это все совмѣстимо съ неподвижной отрѣшенностью?

Вотъ! Ты долженъ здѣсь узнать, что говорятъ учителя, что въ каждомъ человѣкѣ два человѣка. Во-первыхъ, внѣшній человѣкъ, чувственный; этому человѣку служатъ пять чувствъ, но они получаютъ силу свою отъ души; во-вторыхъ—внутренній человѣкъ, это сокро-

венное человѣка. Знай, что человѣкъ, который любить Бога, употребляетъ не болѣе душевныхъ силъ на внѣшняго человѣка, чѣмъ того требуютъ пять чувствъ: внутреннй человѣкъ обращается ко внѣшнему только, поскольку онъ руководитель и наставникъ, который не дастъ имъ примѣнять свои силы по скотскому, какъ дѣлаютъ это многіе люди, живущіе ради плотской похоти, подобно неразумнымъ скотамъ; эти люди на самомъ дѣлѣ болѣе достойны названія скотовъ, нежели людей.

Но избытокъ своихъ силъ душа отдаетъ всецѣло внутреннему человѣку; и даже, если ему представляется болѣе высокая и благородная цѣль, душа стягиваетъ къ себѣ такъ же и тѣ силы, которыя отдавала она пяти чувствамъ, и тогда такой человѣкъ восхищенъ и безъ сознанія, ибо цѣль его безумный и все же имѣющій смыслъ образъ, или нѣчто разумное безъ образа.

Знай же, что Богъ ожидаетъ отъ cadaго духовнаго человѣка, чтобы онъ любилъ Его всѣми силами души; поэтому Онъ говоритъ: «возлюби Господа твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ». Но есть люди, расточающіе свои силы всецѣло на внѣшняго человѣка. Это тѣ люди, которые всѣ свои помыслы и стремленія обращаютъ на преходящее благо. Они ничего не знаютъ о внутреннемъ человѣкѣ!

Какъ хорошій человѣкъ отнимаетъ у внѣшняго человѣка силы души, когда она поглощена высокой задачей, такъ эти люди похищаютъ у внутренняго человѣка всѣ силы души и обращаютъ ихъ на внѣшняго. Знай: внѣшнй человѣкъ можетъ быть погруженъ въ дѣятельность, въ то время какъ внутреннй человѣкъ остается свободнымъ и неподвижнымъ.

Такъ же во Христѣ былъ внѣшній и внутренній человѣкъ, и въ Богородицѣ, и все, что они выражали по отношенію ко внѣшнимъ вещамъ, дѣлали они отъ лица внѣшняго человѣка, а внутренній человѣкъ пребывалъ въ то время въ неподвижной отрѣшенности. Въ этомъ смыслѣ и говорилъ Христосъ: «Моя душа скорбитъ смертельно». И какъ ни стнала и ни жаловалась наша Владычица, Ея внутренній человѣкъ былъ при этомъ все время въ неподвижной отрѣшенности. Вотъ тебѣ сравненіе: дверь движется на крюкѣ; дверную створку я сравниваю съ внѣшнимъ человѣкомъ, а крюкъ съ внутреннимъ. Когда дверь открывается и закрывается, движется створка, а крюкъ остается неподвижнымъ на своемъ мѣстѣ, и нисколько не измѣняется отъ движенія. Такъ и здѣсь.

Теперь я спрашиваю: что составляетъ цѣль чистой отрѣшенности? На это я отвѣчаю: ни «то», и ни «это» составляетъ ея цѣль, она покоится на чистомъ «ничто», ибо она покоится на высшемъ состояніи, въ которомъ Богъ совершенно по Своей волѣ можетъ дѣйствовать въ насъ, Богъ не можетъ дѣйствовать въ каждомъ сердцѣ по своей волѣ.

Ибо хотя Богъ всемогущъ, Онъ все же можетъ дѣйствовать лишь тамъ, гдѣ находитъ или Самъ создаетъ готовность. «Или создаетъ», это говорю я изъ-за Св. Павла, ибо въ немъ Богъ не нашель готовности, Онъ приготовилъ его сперва изліяніемъ Своей Благодати.

Богъ дѣйствуетъ по мѣрѣ той готовности, которую Онъ находитъ. Его дѣйствіе въ человѣкѣ иное, чѣмъ въ камнѣ. Мы находимъ для этого сравненіе въ природѣ: когда топятъ печь и сажаютъ въ нее овсяное тѣсто, гречневое, ржаное и пшеничное, то жаръ въ печи одинъ,

но дѣйствуетъ онъ не одинаково въ каждомъ тѣс-тѣ,—изъ одного хлѣбъ выйдетъ хорошій, изъ другого грубѣе, изъ третьяго еще грубѣе. Жаръ здѣсь не при чемъ, дѣло въ веществѣ, которое было не одинаково. Такъ же Богъ не одинаково дѣйствуетъ въ каждомъ сердцѣ, но по мѣрѣ готовности, которую Онъ въ немъ находитъ.

Въ сердцѣ, въ которомъ есть и «то» и «это», можетъ найтись и нѣчто, что мѣшаетъ полному дѣйствию въ немъ Бога. Для полной готовности сердце должно покоиться на чистомъ «ничто», въ этомъ заключено величайшее, что оно можетъ дать. Возьми примѣръ изъ жизни: если я хочу писать на бѣлой доскѣ, какъ бы ни было хорошо то, что уже написано на ней, это спутаетъ меня, все же. Если я хочу хорошо писать, я долженъ стереть то, что на ней уже написано, и лучше всего, когда на ней ничего не написано.

И это такъ, если Богу надлежитъ совершеннѣйшимъ образомъ писать въ моемъ сердцѣ. Тогда должно быть изгнано изъ сердца все, что называется «то» или «другое», какъ это бываетъ съ отрѣшеннымъ сердцемъ. Тогда Господь можетъ въ совершенствѣ привести въ исполненіе Свою высокую волю.

Итакъ цѣль отрѣшеннаго сердца ни «то» и ни «это».

Теперь я спрашиваю, какова молитва отрѣшеннаго сердца? На это отвѣчаю я слѣдующее: отрѣшенность и чистота вообще не можетъ молиться, ибо кто молится, тотъ хочетъ чего-либо отъ Бога, что было бы дано ему или отнято у него. Но отрѣшенное сердце не хочетъ ничего, и не имѣетъ ничего, отчего хотѣло бы освободиться. Поэтому оно пребываетъ свободное отъ молитвы, и

молитва его состоитъ лишь въ одномъ: чтобы уподобиться Богу.

Въ этомъ смыслѣ мы можемъ принять то, что сказалъ Діонисій по поводу словъ Св. Павла: «Васъ много, что ищутъ вѣнца, и все же онъ будетъ данъ лишь одному». Всѣ силы души стремятся къ вѣнцу, но онъ будетъ данъ лишь единой сущности. На это и говоритъ Діонисій: исканіе вѣнца означаетъ отрѣшеніе отъ всего созданнаго и сліяніе съ несозданнымъ. Когда душа достигаетъ этого, она теряетъ свое имя: она вбираетъ въ себя Бога, такъ что сама становится ничѣмъ, какъ солнце поглощаетъ зарю, такъ что она исчезаетъ.

Къ этому приводитъ людей только чистая отрѣшенность. По этому поводу можно такъ же привести слова Св. Августина: «Душа имѣетъ тайный входъ въ божественную природу, гдѣ всѣ вещи для нея становятся ничѣмъ».

Этотъ входъ на землѣ—одна чистая отрѣшенность. И когда послѣдняя достигаетъ совершенства, душа становится отъ познанія незнающей, отъ любви безчувственной, отъ свѣта темной.

Такъ мы можемъ понять то, что говоритъ одинъ учитель: блаженны нищіе духомъ, которые оставили Богу всѣ вещи такими, какими онѣ были, когда насъ не было. Только отрѣшенное сердце способно на это.

Что Богу лучше въ отрѣшенномъ сердцѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ, замѣчаемъ мы вотъ почему: если ты меня спросишь, чего ищетъ Богъ во всякой вещи, я отвѣчу тебѣ изъ книги мудрости, гдѣ Онъ говоритъ: «Покоя ищу Я во всякой вещи». Но нигдѣ нѣтъ полного покоя, кромѣ какъ въ отрѣшенномъ сердцѣ.

Чѣмъ ближе человѣкъ къ тому, чтобы стать воспримчивымъ ко вліянію Бога, тѣмъ блаженнѣе онъ; кто наи-

болѣе готовъ для того, тотъ наиболѣе блаженъ. Но сдѣлать себя воспримчивымъ къ тому можно только уподобленіемъ Богу, ибо поскольку человѣкъ уподобляется Богу, постольку онъ воспринимаетъ Его. Это уподобленіе достигается тѣмъ, что человѣкъ подчиняется Богу. Поскольку онъ подчиняется твари, постольку онъ не подобенъ Богу.

Отрѣшенное сердце свободно отъ всякой твари, вполне подчинено Богу и въ высшей мѣрѣ уподобляется Ему: поэтому оно наиболѣе воспримчиво для вліянія Бога. Это разумѣлъ Апостоль Павелъ, когда говорилъ: «Облекайтесь въ Иисуса Христа», онъ разумѣлъ подъ этимъ уподобленіемъ Христу.

Ты долженъ знать: когда Христосъ сталъ человѣкомъ, Онъ не принялъ на Себя опредѣленнаго человѣка, Онъ принялъ на себя человѣческую природу. Если ты все покинешь, то останется только то, что взять на Себя Христосъ, и такъ ты облечешься во Христа.

Кто хочетъ вполне узнать пользу и цѣну совершенной отрѣшенности, пусть замѣтитъ себѣ слова Христа, которыя Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ, о Своемъ человѣческомъ явленіи: «Это хорошо для васъ, что Я васъ покидаю, ибо если бы Я не ушелъ отъ васъ, то вы не смогли бы причаститься Святому Духу». Какъ будто бы Онъ говорилъ: «До сей поры вы видѣли слишкомъ много радости въ Моемъ видимомъ присутствіи, поэтому не могли причаститься совершенной радости Святаго Духа. Итакъ отвергните все образное и соединитесь съ сущностью, не имѣющей лика и образа».

Ибо духовное утѣшеніе Бога нѣжно, и дается только тому, кто отказывается отъ утѣшенія чувственнаго, осязаемаго. Слушайте же вы, разумные люди: нѣтъ

никого радостнѣе того человѣка, что пребываетъ въ величайшей отрѣшенности. Всякая тѣлесная и плотская радость приноситъ духовный вредъ, ибо плоть жаждетъ вновь духа, и духъ жаждетъ вновь плоти, поэтому, кто посѣтетъ во плоти неправедную любовь, тотъ воззоветъ смерть, а кто посѣтетъ въ духѣ истинную любовь, тотъ пожнетъ вѣчную жизнь.

Чѣмъ больше человѣкъ бѣжитъ твари, тѣмъ скорѣе настагаетъ его Творецъ. Такъ вотъ: если радость, которую мы имѣли отъ тѣлеснаго присутствія Христа, мѣшала намъ въ принятіи Святаго Духа, насколько же болѣе чрезвычайная радость, которую мы находимъ въ преходящихъ вещахъ, должна быть для насъ препятствіемъ на пути къ Богу.

Поэтому отрѣшенность самое лучшее, ибо она очищаетъ душу, проясняетъ совѣсть, зажигаетъ сердце и пробуждаетъ духъ, даетъ желаніямъ быстроту; она превосходитъ всѣ добродѣтели: ибо даетъ намъ познаніе Бога; отдѣляетъ отъ твари и соединяетъ душу съ Богомъ. Ибо отдѣленная отъ Бога любовь, какъ вода въ огнѣ, а единая любовь, какъ сотъ, полный меда.

Замѣтьте себѣ, вдумчивыя души! Быстрѣйшій конь, который донесетъ васъ къ совершенству—это страданіе. Никто не испытываетъ большаго блаженства, чѣмъ тѣ, что со Христомъ пребываютъ въ величайшей горести. Страданіе горько, какъ желчь, нѣтъ ничего горше страданія; и нѣтъ ничего слаще, чѣмъ пройденное страданіе. Пройденное страданіе слаще меда. Вѣрнѣйшее основаніе, на которомъ можетъ покоиться это совершенство—смиреніе. Ибо духъ того, чья природа здѣсь влачится въ униженіи, возносится къ высочайшимъ вершинамъ Божества. Ибо радость приноситъ страданіе, а страданіе—радость.

Разнообразны пути человѣческіе. Одинъ живетъ такъ, другой иначе. Пусть тотъ, кто хочетъ достичь высочайшей жизни здѣсь во времени, приметъ изъ всего этого писанія въ краткихъ словахъ краткое ученіе.

Оставайся отрѣшеннымъ отъ всѣхъ людей, пусть никакое воспринятое впечатлѣніе не волнуетъ тебя, освободись отъ всего, что можетъ имѣть чуждое воздѣйствіе на твое существо, что можетъ привязать тебя къ земному и принести тебѣ горе, и обращай непрестанно твою душу на цѣлительное созерцаніе, въ которомъ ты несешь Бога въ сердцѣ своемъ, какъ вѣчную цѣль, отъ которой твои глаза не отвращаются никогда! А другія упражненія, которыя бываютъ: постъ, бдѣніе и молитва, всѣ направь къ той же цѣли, и пользуйся ими только посколькѣ они помогаютъ тебѣ въ этомъ; такъ достигнешь ты вершины совершенства.

Теперь кто-нибудь можетъ спросить: кто могъ бы выносить неизмѣнное созерцаніе Божественнаго образа? Я отвѣчаю на это: никто, кто живетъ здѣсь во времени. Но это должно быть сказано только затѣмъ, чтобы ты зналъ, что есть высшее, къ чему ты долженъ направлять твои желанія и стремленія. Если же это созерцаніе отнято у тебя, а ты хорошій человѣкъ, то ты долженъ чувствовать себя такъ, какъ будто отнято у тебя твое высшее блаженство, и ты долженъ скорѣе вернуться къ нему, чтобы оно было тебѣ дано вновь. Наблюдай себя непрестанно, чтобы твоя цѣль и убѣжище были насколько возможно тамъ!

Господи Боже, благословенъ будь во вѣки! Аминь.

дѣ родившійся царь Іудейскій?
(отъ Матоея 2, 2).

Замѣтите себѣ сперва, гдѣ совершается это рожденіе? Я утверждаю, какъ я часто уже утверждалъ, что это вѣчное рожденіе совершается въ душѣ точно такъ же, какъ въ вѣчности, и никакъ не иначе; ибо это одно и то же рожденіе. И совершается оно въ основѣ и сущности души.

Тутъ возникаетъ много вопросовъ: Если Богъ, какъ бытіе заключается во всѣхъ вещахъ и ближе имъ, чѣмъ онѣ сами себѣ, а гдѣ есть Богъ, тамъ долженъ Онъ дѣйствовать, и Самъ Себя познавать,—то есть — изрекать Свое Слово, то какое преимущество имѣетъ въ этомъ божественномъ дѣлѣ душа передъ другими чувствующими созданьями, въ которыхъ вѣдь такъ же есть Богъ? Объ этомъ отличительномъ свойствѣ скажу я слѣдующее:

Во всѣхъ остальныхъ существахъ есть Богъ, поскольку Онъ дѣйствіе и чувство, но только въ душѣ Онъ рождаетъ Себя. Всѣ другія творенія—подножіе Бога, а душа по своей природѣ Божіе подобіе: подобіе, которое въ этомъ рожденіи должно украситься, стать совершеннымъ. Для этого дѣла, для этого рожденія не воспріимчива ни одна тварь кромѣ души.

Все, что должна получить душа въ смыслѣ совершенства, будь то божественное озареніе, благодать или блаженство, получаетъ она черезъ это рожденіе: иного пути нѣтъ. Ожидай только этого рожденія въ себѣ, и будетъ тебѣ всякое благо, всякое утѣшеніе, всякая сущность и всякая истина! Если же ты будешь лишень этого «единого», ты будешь лишень всякаго блага и всякаго блаженства! Что придетъ къ тебѣ съ нимъ, то принесетъ тебѣ чистую сущность и постоянство, то же, что найдешь и возьмешь ты внѣ этого, пройдетъ, какъ бы ты ни удерживалъ его. Только это дастъ тебѣ сущность, все остальное погибнетъ. Но въ этомъ рожденіи, напротивъ, ты становишься причастнымъ всѣмъ дарамъ Божиимъ и Его воздѣйствію.

Не причастны тому твари, не имѣющія въ себѣ образа Божія: прообразъ души принадлежитъ этому вѣчному рожденію; поэтому оно есть ея преимущество; оно совершается Отцомъ въ глубинѣ, въ нѣдрахъ души, куда не излучался никогда ни одинъ образъ, куда не заглянула ни одна сила.

Другой вопросъ: «если дѣло этого рожденія совершается въ основѣ и сущности души, то оно такъ же хорошо можетъ совершаться въ грѣшникѣ, какъ и въ хорошемъ человѣкѣ; какая же будетъ мнѣ отъ того польза или милость? Вѣдь сущность природы обоихъ одна и та же, въ самомъ аду пребудетъ во вѣки благородство природы. Для упраздненія этого возраженія да будетъ сказано слѣдующее.

Особенность этого рожденія та, что оно совершается всегда, какъ нѣкое новое озареніе, всегда приноситъ въ душу могучій свѣтъ. Ибо такова особенность добра, что оно должно изливаться, гдѣ бы оно ни было. Въ

этомъ рожденіи Богъ изливается въ душу такимъ избыткомъ свѣта, и свѣтъ этотъ становится въ основѣ и сущности души столь великимъ, что онъ прорывается и проливается въ силы и во внѣшняго человѣка. Такъ случилось съ Павломъ, когда на пути Богъ коснулся его Своимъ свѣтомъ и заговорилъ съ нимъ. Отблескъ свѣта былъ виденъ и наружно, такъ что спутники его видѣли его, и онъ окружалъ Павла, какъ святого.

Избытокъ свѣта, который бьетъ изъ глубины души, переливается въ тѣло, и оно отъ того просвѣтляется. Грѣшникъ не можетъ воспринять этотъ свѣтъ, да и не заслуживаетъ того, ибо онъ исполненъ грѣха и злобы, что названо «тьмой». Поэтому сказано: «тьма не приняла и не объяла свѣта». Это происходитъ отъ того, что пути, по которымъ вошелъ бы этотъ свѣтъ, загромождены и закрыты ложью и тьмой. Ибо свѣтъ и тьма такъ же несомѣстимы, какъ Богъ и тварь: куда долженъ войти Богъ, оттуда надлежитъ выйти творенью.

Человѣкъ хорошо постигаетъ этотъ свѣтъ, когда обращается къ Богу: сейчасъ же проблеснетъ и просіяетъ въ немъ этотъ свѣтъ и дастъ ему знать, что онъ долженъ сдѣлать и что оставить, и много другихъ добрыхъ указаній, которыхъ онъ раньше не зналъ и не понималъ.

— Но какъ узнаешь ты это?—Видишь, иногда сердце твое чувствуетъ себя странно тронутымъ и отверженнымъ отъ міра: какъ могло бы это случиться иначе, чѣмъ отъ излученія этого свѣта? Это такъ нѣжно и сладостно, что все, что не Богъ и не Божье, досаждаетъ тебя: Оно влечетъ тебя къ Богу; ты слышишь добрые призывы, и все же не знаешь, откуда они приходятъ къ тебѣ.

Это внутреннее устремление не вызвано творениями, ибо то, что дѣлаетъ тварь, приходитъ всегда снаружи. Но глубина бываетъ тронута лишь тѣмъ воздѣйствіемъ. И поэтому чѣмъ ты свободнѣе, тѣмъ больше озаренія, правды и разумнія будетъ тебѣ удѣломъ! Потому никогда человѣкъ не падалъ благодаря какой-нибудь вещи, но лишь благодаря тому, что онъ сперва вышелъ изъ глубины и слишкомъ отдался внѣшнему.

Святой Августинъ говоритъ: много ихъ было, искавшихъ свѣта и правды, но совершенно во-внѣ, гдѣ ея не было. И подъ конецъ уклонялись они такъ далеко, что не возвращались къ себѣ и никогда уже больше не входили внутрь. А правды при этомъ не находили они все-таки, ибо она лишь внутри, въ нѣдрахъ, въ глубинѣ, не во-внѣ!

Кто только хочетъ найти озареніе и различеніе всякой правды, тотъ пусть ожидаетъ этого рожденія въ себѣ, въ глубинѣ: и такъ же будутъ просвѣтлены всѣ его силы и его внѣшній человѣкъ. Ибо какъ только коснется Богъ сокровенно правдой Своей глубины, бросается тотъ свѣтъ и въ силы, и человѣкъ постигаетъ тогда въ одинъ мигъ больше, чѣмъ могъ его научить кто либо. Такъ говоритъ Пророкъ: я узналъ больше, чѣмъ всѣ, кто меня когда-либо учили. — Видите: оттого, что свѣтъ этотъ никогда не можетъ явиться и просіять въ грѣшникѣ, невозможно, чтобы это рожденіе могло въ немъ совершиться: оно не совмѣщается съ мракомъ грѣховъ, хотя происходитъ оно не въ силахъ, но въ основѣ и сущности души.

Поднимается слѣдующій вопросъ: Если Богъ-Отецъ рождаетъ исключительно въ основѣ и сущности души, а не въ силахъ, то при чемъ же тутъ силы? Къ чему

здѣсь ихъ услуга; къ чему должны онѣ освобождаться и праздновать? Къ чему все это, если не въ нихъ это совершается? Вопросъ этотъ вполне справедливъ. И вотъ отвѣтъ:

Каждое твореніе дѣлаетъ свое дѣло ради какой-нибудь цѣли. Цѣль всегда первое въ мысли и послѣднее въ дѣлѣ. И Богъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ предполагаетъ весьма благую цѣль — Себя Самого, и хочетъ привести душу со всѣми ея силами къ этой цѣли: къ Себѣ Самому.

Для этого творить Богъ всѣ Свои дѣла; для этого рождаетъ Отецъ въ душѣ Своего Сына, дабы всѣ силы души достигли этой цѣли. Онъ посягаетъ на все, что есть въ душѣ, и это все приглашаетъ Онъ на празднество ко двору.

Теперь душа разбилась и разсѣялась своими силами во внѣшнемъ, каждая ушла въ свое дѣло. Сила зрѣнія — въ глазъ, сила слуха — въ ухо, сила вкуса — въ языкъ. И тѣмъ менѣе способны онѣ творить внутреннее дѣло. Ибо всякая раздѣленная сила несовершенна. Поэтому, если хочетъ она развернуть внутреннюю дѣятельность, она должна вновь отозвать назадъ всѣ свои силы и собрать ихъ отъ отдѣльныхъ вещей къ единому внутреннему дѣлу.

Святой Августинъ говоритъ: душа находится въ большей мѣрѣ тамъ, гдѣ она любитъ, нежели тамъ, гдѣ она даетъ жизнь тѣлу. Примѣръ: Былъ языческій мудрецъ, который посвятилъ себя нѣкому искусству, искусству считать. Онъ сидѣлъ передъ золотой, писалъ числа и предавался своему искусству. Вотъ приходитъ нѣкто съ обнаженнымъ мечомъ (онъ не зналъ, что это былъ мудрецъ) и говоритъ: «скорѣе говори, какъ тебя звать, или я убью тебя!» Мудрецъ

былъ такъ погруженъ въ себя, что не видѣлъ и не слышалъ врага и не понималъ, чего тотъ хочетъ отъ него; и послѣ того какъ врагъ долго кричалъ ему, а онъ не отвѣчалъ, отрубилъ врагъ ему голову. И все это только изъ-за того, чтобы пріобрѣсти естественное искусство: насколько же больше должны мы освободиться отъ всѣхъ вещей и собрать всѣ наши силы, чтобы узрѣть и познать единую, безмѣрную, несозданную, вѣчную правду! Собери для этого весь твой разумъ и все твое помышленіе и обрати это въ глубину, гдѣ хранится въ тайнѣ это сокровище. Знай, если надлежитъ этому совершиться, ты долженъ отрѣшиться отъ всего другого. Въ невѣдѣніе долженъ ты погрузиться, если хочешь найти это!

И снова поднимается вопросъ: «Не лучше ли было бы, если бы каждая сила держалась своего особаго дѣла, и чтобы онѣ не мѣшали при этомъ ни другъ другу, ни Богу въ Его дѣятельности? Правда, во мнѣ не можетъ быть никакого вида знанія, который не былъ бы помѣхой: но Богъ вѣдь знаетъ всѣ вещи, и онѣ не мѣшаютъ Ему; а такъ же и святые!» И вотъ отвѣтъ.

Святые видятъ въ Богѣ одинъ единый образъ и въ немъ познаютъ всѣ вещи. Самъ Богъ такъ же глядитъ въ Себя и въ Себѣ познаетъ всѣ вещи: Ему не нужно обращаться отъ одного предмета къ другому, какъ намъ.

Представимъ себѣ, что каждый изъ насъ имѣлъ бы передъ собой въ этой жизни зеркало, въ которомъ видѣлъ бы въ одно мгновеніе всѣ вещи, и въ одномъ образѣ и познавалъ бы ихъ; тогда дѣятельность и познаніе не были бы помѣхой.

Ибо теперь мы должны отвращаться отъ одного для другого, и поэтому не можетъ быть такъ, чтобы одно не мѣшало въ насъ другому.

Душа такъ тѣсно связана съ силами, что должна устремляться туда, куда устремляются онѣ. Ибо во всемъ, что онѣ дѣлаютъ, должна присутствовать и она со вниманіемъ, такъ какъ иначе не могли бы онѣ выполнить никакого дѣла.

Если же устремляется она своимъ вниманіемъ во внѣшнія дѣла, то неизбѣжно должна внутренно ослабѣвать для своего сокровеннаго дѣла, потому что для этого рожденія нужна Богу свободная, неомраченная, беззаботная душа, въ которой никого нѣтъ, кромѣ Него одного, которая не ждетъ никого, кромѣ Него одного.

Это разумѣлъ Христосъ, когда говорилъ: кто любитъ что-либо иное, кромѣ Меня, и кто привязанъ къ отцу, къ матери или какимъ-либо другимъ вещамъ, тотъ не достоинъ меня. Я пришелъ не для того, чтобы принести на землю миръ, но мечъ, ибо я отсѣкаю отъ тебя всѣ вещи, ибо разлучаю тебя съ братомъ, ребенкомъ, матерью, другомъ, которые воистину твои враги». Потому что твой врагъ то, что мило тебѣ. Если твой глазъ хочетъ видѣть всѣ вещи, а ухо слышать всѣ вещи, и сердце твое помнить всѣ вещи, то поистинѣ между всѣми этими вещами должна разрываться твоя душа!

Поэтому одинъ учитель говоритъ: когда человѣку надлежитъ совершить внутреннее дѣло, онъ долженъ стянуть всѣ свои силы въ одну точку души своей, и сокрыться отъ всѣхъ образовъ и ликовъ, и тогда можетъ онъ тамъ дѣйствовать. Въ забвеніе и невѣдѣніе долженъ онъ тамъ погрузиться. Тишина и молчаніе да будутъ тамъ, гдѣ должно быть воспринято то слово. Къ нему же придти нельзя лучше, чѣмъ черезъ тишину и молчаніе; только тамъ можно слышать его, только тамъ его постигаешь: въ невѣдѣніи!

Когда больше ничего не знаешь, тогда узнаешь его и оно открывается.

Теперь вы спросите: сударь, въ невѣдѣніи полагаете вы все наше спасеніе. Но это звучитъ, какъ нѣчто отрицательное. Для познанія создалъ Богъ человѣка; какъ говоритъ пророкъ: «Господи содѣлай ихъ знающими!» Тамъ, гдѣ невѣдѣніе, тамъ отрицаніе и пустота. Человѣкъ поистинѣ скотъ, обезьяна, безумецъ, пока онъ кониѣтъ въ невѣжествѣ!

Здѣсь нужно подняться къ высшему виду знанія, и это невѣдѣніе не должно происходить отъ невѣжества, но отъ познанія должно придти къ невѣдѣнію.

Тамъ станемъ мы вѣщими божественнымъ невѣдѣніемъ, тамъ будетъ облагорожено и украшено наше невѣдѣніе сверхъестественнымъ знаніемъ. И тамъ, гдѣ мы пребываемъ въ недѣланіи, мы совершеннѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ мы дѣйствуемъ.

Поэтому одинъ учитель говорилъ, что слухъ выше зрѣнія, ибо большей мудрости обучаешься черезъ слухъ, чѣмъ черезъ зрѣніе.

Разсказываютъ про одного языческаго учителя, что когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, ученики говорили при немъ о высокомъ искусствѣ; и онъ, уже умирающій, приподнялъ голову свою, прислушался, и сказалъ: «ахъ, дайте мнѣ научиться этому высокому искусству, дабы я могъ радоваться ему въ вѣчности!» Слухъ больше вноситъ внутрь, зрѣніе же открываетъ внѣшнее—уже самое дѣйствіе зрѣнія! Поэтому въ вѣчной жизни будемъ мы гораздо блаженнѣе въ слухѣ, чѣмъ въ зрѣніи! Ибо дѣло вниманія вѣчному слову—во мнѣ; дѣло зрѣнія, напротивъ того, устремляется отъ меня; въ слухѣ пребываю я страдательнымъ, воспринимающимъ, въ зрѣніи я дѣятельный.

Блаженство же наше заключается не въ нашихъ дѣлахъ, а въ нашемъ страдательномъ пріятіи Бога. Ибо насколько Богъ благороднѣе твари, настолько дѣла Его благороднѣе моихъ.

Да! По неизмѣримой любви положилъ Богъ наше блаженство въ недѣланіи, такъ какъ мы болѣе страдательны, чѣмъ дѣятельны, несравненно больше принимаемъ, чѣмъ можемъ за это воздать.

И каждый даръ создаетъ воспріимчивость для новаго, для болѣе щедраго дара: каждый даръ Бога расширяетъ нашу способность принимать и нашу жажду высшаго пріятія!

Въ этомъ,—такъ говорятъ нѣкоторые учителя,—душа равняется Богу. Ибо какъ безграниченъ въ дарахъ Своихъ Богъ, такъ безгранична душа въ возможности брать и принимать. И какъ Богъ всемогущъ въ дѣйствіи, такъ бездонна душа въ пріятіи. Такъ преображается она Богомъ въ Бога. Богу—дѣйствовать, душѣ—принимать: Онъ долженъ познавать и любить въ ней Себя Самого, она должна познавать Его познаніемъ и любить Его любовью. Поэтому она гораздо блаженнѣе въ томъ, что Его, нежели въ томъ, что ея; ибо ея блаженство зависитъ гораздо болѣе отъ Его дѣятельности, чѣмъ отъ ея.

Ученики Святого Діонисія спросили его, отчего Тимоѳеѣй превосходитъ ихъ всѣхъ въ совершенствѣ? И Діонисій отвѣтилъ имъ: «Тимоѳеѣй — богоносецъ; кто силенъ въ этомъ, тотъ превосходитъ всѣхъ людей». Итакъ твое невѣдѣніе не недостатокъ, но высочайшее твое совершенство, и твое недѣланіе высочайшее твое дѣло!

Такъ долженъ ты отказаться отъ твоихъ дѣлъ и привести къ молчанію всѣ силы, если дѣйствительно хо-

чешь пережить въ себѣ это рожденіе. Если хочешь найти новорожденнаго Царя, ты долженъ пройти мимо всего, что нашелъ бы кромѣ Него, и покинуть это.

Что бы оставили мы и отвергли все, что неудобно новорожденному Царю, да поможетъ намъ Богъ, ставшій Сыномъ человѣческимъ, дабы мы сынами Божьими стали! Аминь.

нѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему! (отъ Луки 2, 49). Это слово пришло намъ очень кстати, ибо рѣчь идетъ о вѣчномъ рожденіи, которое совершилось во времени, и также совершается ежедневно въ нѣдрахъ души, въ ея глубинѣ, вдали отъ всего извнѣ приходящаго. Кто хочетъ пережить въ себѣ это рожденіе, тотъ долженъ быть прежде всего «въ томъ, что принадлежитъ Отцу его». Что собственно принадлежитъ Отцу? По сравненію съ другими двумя Лицами приписывается Ему сила, мощь.

Итакъ никакой человѣкъ не можетъ пережить этого рожденія или приблизиться къ нему, если не будетъ при этомъ большого усилія. Ибо не можетъ человѣкъ достигъ этого рожденія, не оторвавшись всѣми своими чувствами отъ вещей; и только благодаря большому усилію можетъ это произойти, когда всѣ силы души отозваны назадъ и освобождены отъ своей дѣятельности. Надъ ними должно быть совершенно насиліе. Иначе нельзя! Поэтому сказалъ Христосъ: Царство Божіе берется усиліемъ, и сильные захватятъ его себѣ! Тутъ поднимается вопросъ: совершается ли это рожденіе непрерывно, или иногда, когда человѣкъ готовъ къ нему и употребляетъ всѣ свои силы, чтобы забыть вещи, а

сознавать себя только въ этомъ? Я отвѣчаю слѣдующее:

Человѣкъ обладаетъ дѣйствительнымъ, страдательнымъ и возможнымъ разумомъ. Первый всегда готовъ какъ нибудь дѣйствовать въ Богѣ или въ твореніи, въ честь и славу Бога; это его область и называется онъ дѣйствительнымъ.— Тамъ же, гдѣ напротивъ того дѣйствующимъ является Богъ, долженъ пребывать духъ въ страдательномъ состояніи.

— «Возможный» же разумъ обращенъ и на то и на другое, такъ что дѣйствіе Бога и страдательность духа являются здѣсь возможными. Въ одномъ духъ является, какъ дѣйствующій: когда его дѣйствіе обращено на него самого; въ другомъ—страдательнымъ: когда дѣйствіе принадлежитъ Богу. Ибо тутъ долженъ духъ затихнуть и предоставить дѣйствіе Богу. И прежде чѣмъ это будетъ предпринято духомъ и исполнено Богомъ, провидитъ и познаетъ духъ, что возможно этому совершиться; и это называется «возможнымъ» разумомъ. Хотя часто это и не удается и не созрѣваетъ! Когда же усердствуетъ духъ въ истинной вѣрности, тогда заботится Богъ о немъ и о дѣлахъ его, и видитъ тогда духъ Бога, пріемлетъ Его страдательно.

Но такъ какъ страдательность въ Богѣ и долгое созерцаніе Его становится духу невыносимо, особенно въ этомъ тѣлѣ, то ускользаетъ иногда Богъ отъ духа. Это разумѣетъ Онъ говоря: «еще немного вы увидите Меня, и еще немного вы не увидите Меня».

Когда взялъ Господь съ собой трехъ учениковъ на гору и далъ имъ узрѣть преображеніе тѣла Своего, преображеніе, которое Онъ позналъ черезъ соединеніе Свое съ блаженствомъ и которое познаемъ мы въ первоосно-

въ тѣла,—когда узрѣлъ это Св. Петръ, онъ захотѣлъ остаться тамъ навсегда. Ибо воистину неохотно покидаетъ человѣкъ то, въ чемъ онъ находитъ добро, поскольку самъ онъ добръ.

Любовь, и память, и вся душа должна слѣдовать за тѣмъ, что разумъ нашелъ добромъ. И оттого, что Господь хорошо это знаетъ, долженъ Онъ по временамъ скрываться. Ибо душа есть обликъ тѣла; куда обращается она, туда должна обращаться всецѣло.

Итакъ если бы то благо, которое есть Богъ, являлось совсѣмъ безпрепятственно и непрерывно, то не могла бы она оторваться отъ Него никогда, и перестала бы вѣдать тѣло. Такъ было съ Павломъ: если бы оставался онъ сто лѣтъ тамъ, гдѣ позналъ въ сокровенномъ вѣчное Благо, не возвращался бы онъ тѣмъ временемъ къ тѣлу и совсѣмъ забылъ бы его! Оттого что не совмѣстимо это съ земной жизнью, и не годится для нее, скрываетъ это Богъ, и когда хочетъ, снова открываетъ, какъ хорошій врачъ, который знаетъ, что полезнѣе и лучше всего для тебя.—Это исчезновение не зависитъ отъ тебя, а отъ Того, Кому принадлежитъ дѣло; въ Его власти явить тебѣ это благо или отнять его, когда Онъ знаетъ, что тебѣ это вредно. Ибо Богъ не разрушитель природы, Онъ ведетъ ее къ совершенству! И дѣлаетъ Онъ это въ той мѣрѣ въ какой ты тому поддаешься.

Теперь ты могъ бы спросить: «Ахъ, сударь, если необходима для этого душа, свободная отъ всякихъ образовъ и дѣлъ,—которые все же заложены въ ней отъ природы,—какъ же быть съ внѣшними дѣлами, съ необходимыми дѣлами любви, ученія, утѣшенія, которыя надо же иногда совершать; неужели и они мѣшаютъ?»

если даже ученики Господни такъ часто оставляли праздность, если Павелъ несъ такую заботу о людяхъ, какъ будто онъ былъ имъ всѣмъ родной отецъ?»

Я отвѣчаю слѣдующее: одно — очень высоко; другое — очень благословенно. Если Марія получила похвалу за то, что избрала она лучшее, то и жизнь Марѳы была полна благословенія, ибо она служила Христу и Его ученикамъ. Святой Ѳома говоритъ, будто бы лучше созерцательной жизни — дѣятельная, когда то, что приобрѣтено въ созерцаніи, изливается въ любви и поступкахъ. Только такъ достигается впервые истинная цѣль созерцанія. Дѣланіе въ Богѣ одно лишь состояніе созерцанія. Одно находитъ въ другомъ свой покой и завершеніе. Созерцаніе должно стать плодотворнымъ въ дѣланіи, дѣланіе — въ созерцаніи.

Въ созерцаніи ты служишь только себѣ самому, въ дѣланіи служишь многимъ. Къ этому призываетъ насъ Христосъ Своей жизнью и жизнью всѣхъ Своихъ святыхъ, которыхъ посылалъ учить многихъ. Святой Павелъ сказалъ Тимоою: «Милый другъ, ты долженъ проповѣдовать Слово!» Разумѣлъ ли онъ внѣшнее слово, которое сотрясаетъ воздухъ? Нѣтъ, конечно нѣтъ! Онъ разумѣлъ внутри рожденное и все же тайное Слово, которое сокрыто въ душѣ; Его велѣлъ онъ ему проповѣдовать, дабы просвѣщало Оно душевныя силы и было имъ пищей; и дабы чело-вѣкъ отдавался этой внѣшней жизни такъ, чтобы всегда могли найти его готовымъ и по возможности испытаннымъ тамъ, гдѣ онъ нуженъ своему ближнему. Оно должно быть въ тебѣ: въ твоей мысли, въ твоёмъ разумѣ, въ твоей волѣ — а излучаться должно онъ въ твоихъ дѣлахъ. «Свѣтъ вашъ долженъ свѣтить людямъ!» ска-

залъ Христось. Это говоритъ Онъ людямъ, которые всецѣло обращены на созерцаніе, а не на дѣятельность среди людей, и когорые утверждаютъ, что имъ не нужно этого, что они уже выше этого!

Не ихъ разумѣлъ Христось, когда говорилъ: «Зерно упало на добрую почву и принесло стократный плодъ»; но ихъ разумѣлъ, когда говорилъ: «дерево, не приносящее плода, должно быть срублено».

Теперь ты скажешь: «Ахъ, сударь, какъ же быть съ молчаніемъ, о которомъ вы такъ много съ нами говорили? Невозможно обойтись безъ внутреннихъ образовъ: каждое дѣйствіе должно быть исполнено по особому образу, будь то внутреннее или внѣшнее дѣло: утѣшаю ли я этого, поучаю ли того, или исполняю то или другое; какъ же могу я при этомъ хранить молчаніе? Ибо если разумъ что-либо познаетъ и представляетъ себѣ, и воля волить, и память помнить, развѣ не суть все это образы?»

Поймите! Раньше мы говорили о дѣйствительномъ и страдательномъ разумѣ. Дѣйствительный разумъ освобождаетъ, такъ сказать, образы отъ внѣшнихъ вещей, совлекаетъ съ нихъ вещество и все случайное, и такими приноситъ ихъ въ страдательный разумъ: онъ рождаетъ въ послѣднемъ одухотворенные образы. И когда страдательный разумъ становится беременнымъ отъ дѣйствительнаго, познаетъ онъ въ себѣ вещи. Но постоянно сознать эти вещи въ себѣ можетъ онъ только, если дѣйствительный разумъ вновь и вновь излучаетъ ихъ ему.

Видите! Все, что даетъ дѣйствительный разумъ первобытному человѣку, все это и гораздо болѣе того даетъ Господь отрѣшенному человѣку. Онъ изгоняетъ

дѣйствительный разумъ, и Самъ становится на его мѣсто, и Самъ исполняетъ все, что дѣлалъ этотъ послѣдній. Поистинѣ, если человѣкъ добровольно становится всецѣло празднымъ и принуждаетъ къ молчанію свой дѣйствительный разумъ, Богъ беретъ на себя исполненіе дѣла, Онъ долженъ стать здѣсь мастеромъ Самъ, и родить Себя Самого въ страдательномъ разумѣ.

Разсудите сами, такъ ли это!

Дѣйствительный разумъ не можетъ дать того, чего онъ не имѣетъ; не можетъ онъ также имѣть два образа сразу, но всегда лишь одинъ за другимъ. Когда же на его мѣстѣ Богъ, то Богъ рождаетъ въ страдательномъ разумѣ одновременно все многообразіе ликовъ сразу въ одно мгновеніе. Если Богъ побуждаетъ тебя къ хорошему дѣлу, тотчасъ же готовы ко всѣмъ добрымъ дѣламъ всѣ душевныя силы твои; твоя душа направлена сейчасъ же на все доброе. Все добро, на какое ты способенъ, является готовымъ въ сознаниі твоёмъ въ одно мгновеніе и сразу. Изъ этого же явствуетъ, что не разума это дѣло, ибо вовсе не обладаетъ разумъ ни этимъ даромъ, ни этой властью; но это дѣло и порожденіе Того, Кто заключаетъ въ Себѣ всѣ образы. «Я владѣю всѣми вещами въ Томъ, Кто дѣлаетъ меня сильнымъ; и въ Немъ я нераздѣльное!»—говоритъ св. Павелъ.

Знай одно: что всѣ эти образы для всѣхъ этихъ дѣлъ не твои, они принадлежатъ великому Мастеру твоей природы, который погружаетъ въ нее дѣло и образъ свойственный ему. Не бери его себѣ, ибо онъ Его, не твой. И если примешь ты его, какъ нѣчто временное, все же будетъ онъ данъ и рожденъ Богомъ внѣ времени въ вѣчности, по ту сторону всякаго образа.

Ты могъ бы спросить теперь: если мой естественный разумъ лишень своей природной дѣятельности и не имѣетъ больше ни своихъ образовъ, ни своего дѣйствія, на что же онъ опирается? Ибо вѣдь въ чемъ-нибудь долженъ имѣть онъ опору; силы души: память, разумъ или воля всегда хотятъ на что-нибудь опереться и въ этомъ дѣйствовать! Вотъ какъ разрѣшается это затрудненіе.

Предметомъ и содержаніемъ разума бываетъ сущность, а не что-либо случайное, но чистая сущность! Только, когда разумъ дѣйствительно постигаетъ сущность, онъ погружается въ нее, и находитъ покой, и можетъ имѣть сужденіе о томъ предметѣ, которымъ занять. До тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствительно не найдетъ и не достигнетъ основы, такъ что сможетъ сказать: «это такъ и не иначе», до тѣхъ поръ весь онъ въ исканіи и въ ожиданіи, и не останавливается и не успокаивается ни на чемъ.

Въ продолженіе всего этого времени нѣтъ у него точки опоры; онъ и не судитъ о вещахъ, пока не найдетъ ихъ основы и сущности въ истинномъ познаніи. Поэтому никогда въ этой жизни разумъ не находилъ покоя; никогда въ этой жизни не открывается Богъ настолько, чтобы это не было «ничто» по сравненію съ тѣмъ, что Онъ есть въ дѣйствительности. Только въ основѣ заключена истина, для разума же она закрыта и сокровенна. И не находитъ онъ, на что ему опереться, какъ на непреложное, на чемъ могъ бы успокоиться; нѣтъ, не успокаивается онъ! Но ждетъ и готовится къ чему-то, что должно еще быть познано, но что еще сокрыто.

Итакъ не можетъ вообще человѣкъ познать, что есть Богъ. Одно знаетъ онъ хорошо: что не есть

Богъ; и тогда разумный человѣкъ это отбрасываетъ. И все время не останавливается разумъ ни на одномъ предметѣ. Онъ ждетъ, какъ вещество ждетъ лика. Какъ не успокаивается вещество, пока не исполнится всѣхъ образовъ, такъ не успокаивается разумъ ни въ чемъ, кромѣ сущей истины, которая включаетъ въ себѣ всѣ вещи. Только сущность удовлетворяетъ его; а ее отдаляетъ отъ него Богъ шагъ за шагомъ, чтобы сохранялъ разумъ свое рвеніе, и чтобы былъ увлеченъ далѣе въ стремленіи обладать безконечнымъ благомъ; чтобы не успокоился онъ на какой-либо вещи, но ощущалъ все глубже томленіе о высшемъ и послѣднемъ Благѣ!

Теперь ты скажешь: «Ахъ сударь! вы такъ часто говорили намъ, что всѣ силы должны молчать, а теперь изъ этого молчанія выходитъ одно томленіе и жажда! Это былъ бы сильный крикъ и сумятица, стремленіе къ тому, чего не имѣешь; это нарушило бы ту тишину и тотъ покой; это было бы желаніемъ или жаждой, хвалой или благодарностью, смотря по представленіямъ, которыя при этомъ возникаютъ, но только не было бы это просвѣтленнымъ покоемъ и полной тишиной». Послушайте мое возраженіе!

Когда ты вполнѣ и во всякомъ отношеніи отрѣшишься отъ себя самого, отъ всякой вещи и отъ всего собственнаго и съ полнымъ довѣріемъ и цѣльной любовью предашь себя Богу и соединишься съ Нимъ, то что бы ни встрѣтилось тебѣ или ни родилось въ тебѣ—будь то внѣшнее или внутреннее, милое или горестное, кислое или сладкое, это уже больше не твое, но принадлежитъ всецѣло твоему Богу, которому ты отдалъ себя.

Скажи мнѣ, кому принадлежитъ слово, которое высказывается; тому, кто говоритъ его, или тому, кто его слышитъ? Хотя и дается оно тому, кто слышитъ его, но принадлежитъ тому, кто говоритъ! Вотъ примѣръ: солнце излучаетъ сіяніе въ воздухъ, воздухъ же принимаетъ его и отдаетъ землѣ, даетъ его и намъ, дабы мы ощущали различія цвѣтовъ. Если свѣтъ, какъ явленіе, въ воздухѣ, то сущность его все же въ солнцѣ: въ дѣйствительности сіяніе идетъ отъ солнца и возникаетъ въ немъ, а не въ воздухѣ. Воздухомъ же оно лишь воспринято и передано всему воспринимающему свѣтъ. Точно такъ же и душа: Богъ совершаетъ въ душѣ Свое рожденіе, рождаетъ въ ней Свое Слово; а душа воспринимаетъ Его и передаетъ дальше силамъ въ многообразныхъ видахъ: то въ видѣ желанія, то въ видѣ добраго намѣренія, дѣла любви или чувства благодарности или еще инымъ образомъ, въ которомъ Оно явилось бы тебѣ. И все это, что творитъ Богъ,—Его, а не Твое; ты и принимай это, какъ принадлежащее Ему! Какъ написано: «Святой духъ взываетъ немолчными, неизреченными воздыханіями. Онъ молится за насъ, не мы». «Никто,—такъ говоритъ Апостоль Павелъ, — не можетъ говорить иначе: Господи Иисусе Христе! какъ только въ Духъ Святомъ». Главное: не бери себѣ ничего! Оставь себя совершенно и предоставь Богу дѣйствовать въ тебѣ и за тебя, какъ Ему угодно: Его—это дѣло, Его—это Слово, Его—это рожденіе и все остальное, что только ни есть въ тебѣ—Его! Ибо отдалъ ты себя самого и покинулъ себя, и всѣ душевныя силы свои и дѣйствія ихъ и все, чѣмъ владѣло твое существо. Богъ долженъ войти въ твои силы всецѣло, оттого, что ты лишилъ себя всего своего, оттого, что ты опустошилъ себя—

какъ написано: «Голосъ взываетъ въ пустынь». Дай взывать въ себѣ этому вѣчному Голосу, сколько угодно Ему, и будь для себя самого и для всякой вещи—пустыней!

Теперь ты спросишь: какъ же быть человѣку, которому надо стать пустому и пустынному для себя самого и всякой вещи? Долженъ ли онъ всегда пребывать въ состояніи ожиданія Божьяго дѣйствія и ничего не дѣлать самъ, или долженъ онъ между тѣмъ все же что-нибудь дѣлать и самъ, на примѣръ, молиться или читать, или дѣлать что-нибудь другое полезное: слушать проповѣди или заниматься Писаніемъ? Ибо вѣдь въ сущности не долженъ онъ ничего принимать извнѣ, но все изнутри отъ Господа своего? Не упускаетъ ли онъ чего-нибудь, когда такимъ образомъ оставляетъ эти дѣла? Я отвѣчаю такъ:

Всѣ подобныя внѣшнія дѣла установлены и устроены для того, чтобы направить внѣшняго человѣка къ Богу и привести его къ духовной жизни и добру; чтобы онъ не потерялъ самого себя въ непомерной суетѣ; но чтобы этимъ надѣтъ на него узду, которая помѣшала бы ему уйти отъ самого себя въ чуждыя вещи, или говоря иначе: чтобы нашелъ его Богъ готовымъ, когда захочетъ Онъ совершить въ немъ Свое дѣло, и чтобы не долженъ былъ Онъ отрывать его еще отъ далекихъ и грубыхъ вещей; ибо чѣмъ сильнѣе пристрастіе ко внѣшнимъ вещамъ, тѣмъ труднѣе оторваться отъ нихъ. Чѣмъ больше любовь, тѣмъ тяжелѣе страданіе, если приходится разлучаться. Итакъ всякое благочестивое дѣланіе, будь то молитва, чтеніе, пѣніе, бдѣніе, постъ, покаяніе и все прочее—все это для того, чтобы укрѣпить человѣка и воздержать его отъ чуждыхъ и не божественныхъ вещей.

Поэтому, когда человекъ чувствуетъ, что не дѣйствуетъ въ немъ духъ Божій, но оставленъ Богомъ его внутренній человекъ, то болѣе, чѣмъ необходимо, чтобы усердствовалъ онъ въ благочестивыхъ дѣланіяхъ, особенно въ тѣхъ, которыя наиболѣе плодотворны и полезны для него, но не ради себя, а ради истины. Дабы не былъ онъ введенъ въ заблужденіе и отвлеченъ очевиднымъ, но держался бы настолько близко къ Богу, чтобы Тотъ нашелъ его близко, когда захотѣлъ бы вернуться въ душу, чтобы творить въ ней Свое дѣло, и чтобы не пришлось Ему сперва искать его вдали.

Когда же человекъ находитъ себя готовымъ къ истинному внутреннему дѣлу, то пусть оставляетъ смѣло все внѣшнее, хотя бы то было дѣланіе, возложенное тобой на себя общаніемъ, котораго не могли бы снять съ тебя ни епископъ, ни Папа! Ибо обѣты, данные Богу, не могутъ быть никѣмъ взяты обратно, они являются такимъ же обязательствомъ передъ Богомъ. Что бы ни общалъ человекъ: молитву, постъ, паломничество, свободенъ онъ отъ обѣта своего, если поступить въ братство, ибо въ братствѣ получить онъ все полезное и будетъ связанъ съ Богомъ.

То же говорю я вамъ и тутъ: какъ бы ни связалъ себя человекъ, онъ отъ всего свободенъ, когда приходитъ къ истиннымъ внутреннимъ переживаніямъ! Пока внутреннее переживаніе дѣйствительно, длится ли оно недѣлю, мѣсяцъ, или годъ, не пропускаетъ человекъ или монахиня никакихъ сроковъ. Богъ, который плѣнилъ ихъ, отвѣтитъ за нихъ. Когда же человекъ возвратится къ себѣ самому, то исполнитъ свои обѣты для времени, въ которомъ онъ сейчасъ находится. Но о прошедшемъ

времени, о томъ, какъ навестать то, что кажется тебѣ гамъ потеряннымъ, не думай; Богъ сдѣлаетъ это за то время, когда ты былъ одержимъ и полоненъ Имъ. Ты даже не долженъ желать, чтобы это было сдѣлано усиленіемъ другихъ твореній, ибо малѣйшее дѣло, выполненное Богомъ, лучше всѣхъ дѣлъ твореній!

Это относится прежде всего къ ученымъ и просвѣщеннымъ людямъ, которые наставлены Богомъ и Св. Писаніемъ: но какъ же быть бѣдному мірянину, который знаетъ и понимаетъ лишь внѣшніе обычаи и который возложилъ на себя какой-либо обѣтъ, какъ молитву или что-либо подобное? Я говорю: если онъ находитъ, что это мѣшаетъ ему и что, если онъ свободенъ отъ этого, онъ ближе къ Богу, то освобождайся смѣло; ибо лучшее, что есть, это дѣлать всегда только то, что приближаетъ тебя къ Богу! Это разумѣлъ Павелъ, когда говорилъ: «когда приходитъ полное, исчезаетъ то, что отчасти». Различны бываютъ обѣщанія, которыя даются людьми священнику, какъ бракъ и другія обязанности: такія обѣщанія означаютъ, что Самому Богу обѣщаютъ нѣчто по отношенію къ Нему. Это похвальное намѣреніе, такъ обязать себя передъ Богомъ; и пока это лучшее, для человѣка. Но если открывается ему еще лучшее—и если онъ дѣйствительно сознаетъ и чувствуетъ, что это есть наилучшее,—пусть считается тогда первое исполненнымъ и конченнымъ. Это легко доказать. Ибо надо больше смотрѣть на плодъ и внутреннюю правду, чѣмъ на внѣшнее дѣло. Какъ говоритъ Павелъ: «Буква (т.-е. внѣшнее дѣло) мертвитъ, а духъ (т.-е. внутренняя жизнь правды) животворитъ». Ты долженъ ревностно и тонко угадывать то, что приводитъ тебя къ этому скорѣе, и прежде всего держаться

этого. Возвышенную душу долженъ ты имѣть, не никакую къ землѣ; пламенную душу—въ которой все же царила бы неомраченная молчащая тишина. Нечего тебѣ говорить Богу, въ чемъ ты нуждаешься и чего желаешь: Онъ знаетъ это впередъ. «Если же вы молитесь,—говоритъ Христосъ Своимъ ученикамъ,—не говорите много словъ въ вашей молитвѣ, какъ фарисеи, которые думаютъ быть услышанными, оттого, что много говорятъ».

Чтобы пребывали мы въ этомъ покоѣ, въ этой внутренней тишинѣ, и чтобы было изречено въ насъ вѣчное Слово и воспринято нами, и стали бы мы съ Нимъ одно, да поможетъ намъ Отецъ и это самое Слово, и общій имъ Обоимъ Духъ! Аминь.

ъ томъ воля Божія, чтобъ вы были святы», говоритъ св. Павелъ. Но святость наша въ томъ, чтобы мы познавали Бога и самихъ себя, чтобы мы знали, чѣмъ мы были до начала временъ, что мы теперь во времени и чѣмъ мы будемъ потомъ, по скончаніи временъ. Тутъ начало всей нашей святости. Къ святости же относится также и то, чтобы мы примѣняли это познаніе и только въ Богѣ любили все, что открываетъ намъ святая вѣра и собственный разумъ. Всѣ мы обязаны, и прежде всего тотъ, кто причастенъ истинной жизни, не хотѣть ничего другого и ничего другого не любить, какъ только то, что любить и чего хочетъ Богъ.

А захотимъ мы понять, что такое мы теперь, мы должны признать, что мы для Бога лишь хорошее вещество, въ которомъ Онъ, какъ Трїединный, творитъ Свое дѣло. Итакъ надлежитъ намъ съ особеннымъ усердіемъ остерегаться не помѣшать ни одному дѣлу, которое Великій Мастеръ хочетъ творить въ насъ во Славу Свою. Напротивъ того, быть веществомъ всегда готовымъ, дабы Мастеръ могъ дѣлать въ насъ Свое дѣло. «Ибо,—такъ говоритъ св. Павелъ,—Духъ Господень втайнѣ нисходитъ и творитъ, гдѣ и какъ, и когда Онъ хочетъ, въ томъ, въ комъ не находитъ препятствія.

Таковыя суть дѣти Божіи, они даютъ вести себя Духу Божьему». Это о самопознаніи.

Второе требованіе—познаніе Бога. Тутъ умѣстно привести увѣщаніе св. Діонисія, обращенное къ одному изъ своихъ учениковъ: «Возстань, возлюбленный братъ, отвратись отъ всѣхъ вещей и отрѣшись отъ себя самого, да узришь высшее благо! Трояко можно сказать о Богѣ. Первое: Онъ есть единая сила, нераздѣльно сущая во всѣхъ вещахъ. Затѣмъ: Онъ есть единое добро, совмѣщающее въ себѣ все раздѣльное. Если же вы хотите познать Бога воистину, то должны признать, что Онъ есть нѣчто невѣдомое». Это сказалъ Діонисій.

Итакъ святости требуетъ отъ насъ Богъ, а она состоитъ въ томъ, чтобъ мы познавали Бога и самихъ себя и поступали согласно этому познанію.

Но тутъ поднимается въ душѣ недовольство: она не знаетъ, вправду ли хочетъ она этого, или не хочетъ? Въ гнѣвъ впадаетъ любящая душа отъ познанія себя. Возмущенъ ея ликъ и красенъ отъ гнѣва, ибо остается въ Богѣ нѣчто недостижимое для нея, ибо она по природѣ своей не то, что Онъ, ибо не имѣетъ она всего, что имѣетъ Онъ по природѣ Своей! Всѣ мудрецы согласны, что нѣтъ болѣе жгучаго желанія, чѣмъ желаніе друга обладать другомъ всецѣло вмѣстѣ со всѣмъ, чѣмъ обладаетъ онъ. Душа утверждаетъ, что негодованіе ея столь безмѣрно, что не найти ей вновь примиренія. Оковы любви ей слишкомъ тяжелы. «Ахъ, взываетъ она, кто бы могъ утѣшить меня? Несчастье мое слишкомъ велико! Будь я Творцомъ единымъ, безъ начала и конца, и создай я тварей, а будь Онъ — душой, какъ я теперь, я бѣжала бы славы, и дозволила бы душѣ стать Богомъ, а сама

стала бы тварью. И еслибъ Богъ почувствовалъ тяготу отъ того, что отъ меня—слава Его, я бы лучше хотѣла, чтобы Онъ истребилъ меня! Лучше мнѣ совсѣмъ не быть, чѣмъ быть помѣхой Ему. Но такъ какъ, къ несчастью, все сотворенное въ естествѣ и природѣ имѣетъ въ себѣ нѣчто отъ вѣчнаго естества, чему надлежитъ вѣчно въ немъ пребывать, то я совсѣмъ не знаю, куда мнѣ обратиться, гдѣ найти себѣ мѣсто. Поэтому я обращаюсь вновь къ себѣ и нахожу тамъ наихудшее мѣсто, хуже самаго ада, но и отсюда гонить меня мое злосчастье, а отъ себя я все же убѣждать не могу! Здѣсь хочу я быть и здѣсь хочу я остаться».

Но гнѣвъ ея не даетъ ей покоя. Чуть только представитъ она себѣ, что ей предстоитъ еще быть чѣмъ-то, что не Онъ, какъ отвращается она въ гнѣвѣ своемъ отъ себя самой. Ибо хочетъ она лучше совсѣмъ не быть, нежели имѣть или получать что-либо, что принадлежитъ Ему. «Господи!—взываетъ она,—въ томъ мое спасеніе, чтобы Ты не вспомнилъ обо мнѣ и запретилъ всякой твари когда-либо утѣшать меня! И радость для меня, если навсегда запретишь Ты силамъ души моей представать передъ лицо Твое!»

Но слушай, что разумѣетъ душа подъ этими дивными словами: спасеніе ея въ томъ, чтобы Богъ не вспоминалъ о ней, потому что тогда,—и она знаетъ это хорошо,—это значило бы, что никогда и не исчезала она изъ Его сознанія и въ томъ ея блаженство. А чтобы ни одно твореніе не утѣшало ее, этого она хочетъ потому, что знаетъ, какъ безутѣшно ея страданіе, и безутѣшность остается единственнымъ ея утѣшеніемъ. А почему не должны никогда ея душевныя силы представлять предъ лицо Его? Тутъ должны мы уяснить себѣ,

что такое «Лицо Божіе». То, въ чемъ человѣкъ болѣе всего выявляетъ самого себя, то зовемъ мы его лицомъ.

Также и то, гдѣ Богъ Самъ Себѣ открывается въ безмолвной тишинѣ Своей Собственной сущности, это самооткровеніе называется Лицомъ Его: Божествомъ. И душа ясно сознаетъ, что ей съ ея различными дарованіями не проникнуть въ чистую тишину, гдѣ Онъ Самъ Себѣ открытъ, и потому она желаетъ, чтобы никогда силы ея не предстали предъ Лицо Его. И вотъ онѣ останавливаются передъ Его отраженіемъ въ Трїединствѣ, и лишь чистая сущность духа, чистый лучъ, будетъ воспринять чистымъ самосозерцаніемъ Божіемъ, когда умолкнетъ собственная сила души. Объ этомъ говоритъ одинъ учитель: когда просвѣтленный сливается воедино съ самой чистой просвѣтленностью, тогда изсякаютъ духовныя богатства; иначе сказать: въ безцѣльности единства цѣль сущности духа выше всѣхъ силъ души.

Такъ разгнѣванная душа хочетъ третьяго: быть Богомъ, и чтобы не было никакой другой твари, быть какъ Богъ, когда Онъ пребывалъ въ Своей вѣчности, прежде, чѣмъ создалъ Онъ какую-либо тварь, чтобъ вкушать ей въ полной безпредѣльности божественное блаженство природы, какъ раньше вкушалъ Онъ!—Но,—такъ говоритъ себѣ она,—это значило бы вырвать у Него изъ сердца любовь; ибо все доброе имѣетъ склонность дѣлиться собой.

И такимъ образомъ доходитъ душа въ гнѣвѣ своемъ до четвертаго требованія: хочетъ быть лишь чистой сущностью, такъ чтобы не было ни Бога, ни твари! На что они, спрашиваетъ она, эти Три Лица въ Божествѣ? И отвѣчаетъ себѣ: безъ Ихъ содѣйствія не было бы никогда твари, и потому, что они причина твореній, надо вмѣстить ихъ въ Божествѣ. А на что всѣ творенія? Отъ

себя лишь получить Господь величіе Свое, творенія же, прежде созданныя Имъ, не могутъ Ему дать его. Что бы они ни дѣлали, это не достигаетъ Его. Слава, которую они бы могли дать Богу, остается всегда при нихъ! На это отвѣчаютъ святые учителя: «Всѣ вещи—Богъ!» Ибо это заключается въ положеніи, по которому онѣ вѣчно пребываютъ въ Богѣ, и это подтверждается ими. Не то что мы были вполнѣ выявлены въ Богѣ, какъ теперь; мы пребывали въ Немъ вѣчно, какъ искусство въ мастерѣ. Богъ взглянулъ на Себя и увидѣлъ одновременно Себя и всѣ вещи. Но Онъ не сталъ оттого многообразнымъ, каковы теперь вещи въ разнообразіи своемъ, но остался Единымъ. Ибо хотя теперь твореніе есть нѣчто многообразное, въ Богѣ всѣ творенія одно: Богъ есть въ Себѣ Самомъ всегда лишь Единое Одно. И это они увидятъ ясно—въ особенности разумная тварь,—когда возвратятся къ своему первоисточнику: тогда Бога узрятъ не инымъ, какъ Единымъ по сущности, и все же Трїединымъ въ Лицахъ, и многообразнымъ въ Его твореніяхъ. Итакъ всѣ твари имѣютъ свое бытіе въ Богѣ, а сущность ихъ даетъ имъ Богъ Своимъ присутствіемъ.

*

Говоритъ душа, подобно невѣстѣ въ Пѣснѣ Пѣсней: «Вотъ я обошла вокругъ свѣта и все же не дошла до его конца. Тогда устремилась я къ самому средоточію его, ибо плѣнило оно меня видомъ своимъ!»

Кругъ, пройденный любящей душой, это честная святая Троица и все, что Она сотворила во времени и въ вѣчности. Все это вмѣстѣ справедливо называется кругомъ. Ибо во всѣхъ созданіяхъ, особенно въ душѣ, одаренной разумомъ и рѣчью, запечатлѣли божественныя

Лица Собственный Свой Ликъ. Такъ что святая Троица есть первоисточникъ всѣхъ вещей; и всѣ вещи домогаются вернуться вновь къ своему первоисточнику. Это и есть кругъ, и пройдетъ его мысленно душа, когда прозрѣеть: вотъ весь этотъ сотворенный мѣръ въ тысячу разъ больше могъ бы сотворить Богъ, еслибъ Онъ захотѣлъ! А все же не можетъ она дойти до конца: въ самомъ маломъ, что Онъ когда-либо сотворилъ, и въ этомъ не можетъ она дойти до конца, ни понять всего величія Его!

Когда она такимъ образомъ ревностно пробѣгаетъ кругъ въ мысли своей и все же не можетъ его сомкнуть, тогда устремляется она къ средоточію его. Средоточіе это есть творческая сила святой Троицы, благодаря которой Трое, оставаясь неподвижны въ Себѣ, совершили всѣ дѣла Свои. Въ этомъ средоточіи приобщается душа творческому всемогуществу.

Ибо Троица вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣръ, такъ какъ въ ней заложены всѣ созданія. И правда, всѣ Трое—одна и единственная творческая сила. Это—неподвижная точка, это—единство въ Троицѣ. Взятая извнутри въ Божество, творящее и твореніе равно неизмѣнны. Въ этой точкѣ проходитъ Богъ черезъ измѣненіе безъ перемѣны и въ ней сливается съ единствомъ сущности. Если же и душа, отдавшись, станетъ одно съ этой неподвижной точкой, тогда вмѣститъ она возможность міротворенія!

Но не своими силами, а какъ сказано,—тѣмъ, что подобно въ ней святой Троицѣ,—можетъ душа постичь единство Сущаго. Созданіе святой Троицы смутило не одного учителя высшей школы, такъ что они запутались и не могли достигъ цѣльности. А между тѣмъ это средоточіе равно близко ото всѣхъ концовъ, какъ

«теперь» близко для всякаго мѣста, безразлично, здѣсь или въ Римѣ.

«Ибо онъ ранилъ меня единымъ взглядомъ глазъ своихъ!» Это есть единящая сила, изливающаяся изъ этой точки: она отдѣляетъ душу отъ всего созданнаго и отъ всѣхъ преходящихъ вещей; этимъ взглядомъ отбрасываетъ она душу назадъ къ одной единой точкѣ, съ которой она теперь соединена и въ которой укрѣплена на вѣки. Но сознательно воспримемъ мы этотъ взглядъ только тогда, когда душа лишена всякой опредѣленности до такой степени, что нѣтъ въ ней больше устремленія ни къ добродѣтели, ни къ пороку.

Только о томъ, что получила она въ подобномъ состояніи, имѣетъ она высшее познаніе. Поэтому именно тогда и погружаетъ Онъ въ нее Свой взоръ, чтобъ и она Его узнала, какъ узналъ ее Онъ и полюбилъ раньше, чѣмъ она была. Это должно быть настоящимъ увѣщаніемъ душѣ изойти изъ своей самости и изъ всѣхъ вещей. Кого этотъ взглядъ не ранилъ, тотъ никогда не былъ и не будетъ раненъ любовью. Объ этомъ говоритъ Святой Бернардъ: чей духъ ощутилъ этотъ взглядъ, тотъ не можетъ его выразить, а кто его не ощутилъ, тотъ не можетъ этому повѣрить. Ибо тамъ пущена стрѣла безъ гнѣва, и чувствуютъ ее безъ боли. Тогда открывается чистый ясный источникъ милосерднаго врачеванія, просвѣщающій внутреннее око, такъ что въ блаженномъ созерцаніи ощущаетъ оно отраду божественнаго посѣщенія, когда достаются намъ нечаянные духовныя блага, о которыхъ никогда не было слыхано, ни проповѣдано, ни написано ни въ одной книгѣ.

Молвить душа: «Господи, Ты Самъ говоришь, что сотворилъ во мнѣ подобіе Свое. Это превосходитъ че-

ловѣческое разумѣніе. Ибо ни одинъ мастеръ не мудръ настолько, чтобы создать образъ, который былъ бы его подобіемъ. Если же меня Ты такъ сотворилъ, и если я дѣйствительно подобна Тебѣ, то дай мнѣ узрѣть Тебя во всемогуществѣ Творца, въ которомъ Ты сотворилъ меня, дабы познала я Тебя въ мудрости, въ которой ты позналъ меня, чтобы мнѣ постичь Тебя, какъ Ты постигъ меня! Дай мнѣ милостью Твоей, о Господи, соединиться съ Тобой въ божественности Твоей, какъ Сынъ Твой, который вѣчно одно съ Тобой: милость Твоя да будетъ природой моею, въ ней же станемъ мы едино, Ты со мной, и я съ Тобой!»

Если ты меня вѣрно понялъ, два смысла заключены въ этихъ словахъ. Во-первыхъ, душа знаетъ, что создана изъ ничего, потому и желаетъ видѣть Того, Кто создалъ ее. Но ея выраженіе: «и чтобы мнѣ увидѣть Тебя такъ, какъ Ты увидѣлъ меня, когда сотворилъ!», указываетъ, на то, что ей хорошо извѣстно, съ какимъ довѣріемъ и какою цѣлью Онъ сотворилъ ее.

Итакъ, взираетъ она на Бога, и все же не можетъ узрѣть Его; дано ей познавать Его, но не дано, познавая, проникнуть въ глубину Его; постигать Его дано ей, какъ постигалъ ее Онъ: но никогда не можетъ она дѣйствительно вмѣстить Его въ себѣ всецѣло! Это та ступень, о которой говоритъ св. Павелъ: «Тогда познаемъ мы Его, какъ Онъ насъ позналъ!»

Лишь, когда душа лишится собственной сущности, и сущностью ея станетъ Богъ, увидитъ, познаетъ, постигнетъ она Бога Самимъ Богомъ. Мы должны, — такъ говоритъ великій мудрецъ, — познавать и постигать Бога собственнымъ Его существомъ, и такъ постичь, чтобы это постигалъ дѣйствительно Онъ. Тогда

душа—равно и познающее, и познаваемое! Но какъ душа одновременно пойметъ и будетъ понята, этого никто не можетъ понять здѣсь, во времени, и собственнымъ умомъ, ибо для этого онъ долженъ быть весь погруженъ въ себя, въ чистое созерцаніе природы Бога, куда сотворенный умъ не проникалъ никогда.—Ибо говорить душа: «Тому нуженъ мой починъ, кто никогда не былъ любимъ, и самъ не любилъ никогда».

Вотъ что подъ этимъ разумѣется. Когда душа изъ всѣхъ силъ старается подняться сама надъ собою, чтобы любя приблизиться къ высшему благу, тогда должна она испытать, что не въ состояніи достигъ божественнаго «Нѣчто», какъ бы ни старалась. Тогда опять спускается она и погружается въ себя самое. Такимъ образомъ недостижимое божественное Нѣчто остается нелюбимымъ ею, какъ и всѣмъ, что не есть это «Нѣчто». «Тотъ самъ никогда не любилъ»—это значитъ: Онъ любитъ только Себя или Свое подобіе. Но такъ какъ Онъ не обладаетъ ни любовью, ни какимъ-либо другимъ подобнымъ качествомъ, то и любить Онъ въ сущности такъ же мало, какъ мало любимъ. Это имѣлъ въ виду св. Діонисій, когда говорилъ: «Онъ живетъ въ тишинѣ, она же внѣ всякаго образа».

Говоритъ же душа, какъ невѣста изъ Пѣсни Пѣсней: «Черезъ всѣ горныя вершины перешла я, одолѣла и собственное немощное Я, дошла вплоть до силы вѣчнаго Отца: тамъ не слышно звука, тамъ не видно свѣта, тамъ обоняла я, гдѣ не вѣяло никакимъ духомъ, тамъ вкушала я, гдѣ ничего не было, тамъ осязала я, гдѣ не было сопротивленія! Тогда стало сердце мое бездоннымъ, душа моя безчувственной, духъ мой утратилъ образъ и природа моя лишилась сущности».

Узнайте, что разумѣтъ подъ этимъ душа, что черезъ всѣ горныя вершины перешла она. Подъ этимъ разумѣтъ она, что вышла за предѣлы познанія разумомъ, которое могла она достигъ собственными силами и вплоть до темной силы Отца, гдѣ кончаются всѣ различенія разума.

Что она тамъ слышитъ, то «безъ звука», — ибо это есть внутреннее постиженіе и происходитъ въ изначальномъ чувствованіи. Тамъ «видѣла она безъ свѣта», ибо это «видѣніе» беспредметное, темное созерцаніе въ «Ничто». И обоняла она тамъ, гдѣ не вѣяло. никакимъ духомъ, ибо обоняла она дыханіе единства, въ которомъ смолкаютъ всѣ вещи. «И вкушала она тамъ, гдѣ ничего не было», ибо надо всѣмъ, что можно воспринять парить одно и то же темное единство. «И тамъ осязала я, гдѣ не было сопротивленія», тутъ было непомраченное сотвореннымъ, чистое единообразіе сущности, всякой сущности сущность. «Тогда стало сердце мое бездоннымъ», ибо передъ всепокоряющимъ сверхчудомъ меркнетъ всякая попытка любви; «душа моя безчувственна», ибо всѣ ея чувства и способности обезсилѣли; «мой духъ утратилъ образъ», ибо переливается онъ въ форму, которая не имѣетъ ни образа, ни лика, — въ Самого Бога.

«И природа моя утратила сущность свою», ибо собственная ея сущность настолько исчезаетъ, что не остается ничего, какъ только одно единое «Есть». Но это «Есть» держится, какъ единство, которое есть само бытіе, бытіе Его и всѣхъ.

О немъ говоритъ Діонисій: одно единое есть жизнь всего живущаго, бытіе всего сущаго, разумъ всего разумющаго, естество всѣхъ естествъ, свѣтъ всѣхъ свѣтовъ.

И все же не свѣтъ, не жизнь, не естество! Первое, говоритъ Діонисій, превыше всякаго наименованія: оно не поддается ни любви, ни разумѣнію, ни ощущенію. Оно выше «сущности», выше «естества». Оно не свѣтъ и не тьма! Поистинѣ, какъ чуждо это основаніе всему имъ основанному!— Потому и говоритъ душа: «нѣтъ для меня ничего, кромѣ Бога! И какъ нѣтъ больше для меня ничего опредѣленнаго и единичнаго, такъ и я никому не душа».

Этимъ она хочетъ сказать, что у Бога нѣтъ имени, и все, поддающееся опредѣленію или какому-либо наименованію, для нея не есть Богъ. И «ни для кого я больше не душа», это значитъ: она теперь настолько отрѣшена отъ всякаго опредѣленія, равно и отъ собственнаго «я», что ничего больше въ себѣ не содержитъ, дабы быть чѣмъ бы то ни было для кого бы то ни было. И это истинное состояніе, въ которомъ должна быть душа: быть внѣ всякой предназначенности.

Правда, въ упомянутой книгѣ невѣста говоритъ: «Онъ—мой, и я—Его!» Но лучше бы сказала она: «нѣтъ Его для меня, и меня нѣтъ для Него!» Ибо тамъ Богъ—лишь для Себя Самого, такъ какъ Онъ вѣдь во всемъ. Потому и не беретъ она себѣ ничего, что все отпало отъ нея, чѣмъ кто-нибудь могъ быть для нея, или чѣмъ она могла быть для кого-нибудь. Такимъ образомъ никто для нея не Богъ и она ни для кого не душа.

Поэтому и восклицаетъ дальше невѣста: «отойди отъ меня, возлюбленный мой, отойди отъ меня»: «все, что поддается изображенію, не считаю я Богомъ. И такимъ образомъ бѣгу я отъ Бога, Бога ради!»—«Ахъ, но гдѣ же тогда пребываетъ душа? — На крыльяхъ вѣтра!»

Подъ этими крыльями вѣтра надо разумѣть сонмы Серафимовъ, когда они парятъ, отдавшись самому чистому Богопознанію. И еще выше того парить душа. Но дано это будетъ ей не раньше, чѣмъ оставитъ она позади себя все, что имѣетъ образъ и ликъ, такъ оставитъ, что не найдетъ ихъ уже въ себѣ и при этомъ не будетъ искать покоя.

Уйти сперва должна она и отрѣшиться отъ всякой собственной дѣятельности. И прежде всего должна она отказаться отъ всего сотвореннаго и не знать больше никакой опоры: тогда она погрузится въ чистое «Ничто».

Въ немъ она сокрыта отъ всякихъ твореній. Въ это «Ничто» не можетъ проникнуть Серафимъ со всѣмъ своимъ познаніемъ; въ немъ душа превышаетъ Серафима, превышаетъ всякаго познанія.

*

«Ничто» не имѣетъ начала; поэтому Богъ, чтобы сдѣлать насъ Своимъ подобіемъ, не могъ сдѣлать насъ ни изъ чего лучшаго, какъ изъ «Ничто». Ибо хоть и создала душу творческая сила Бога, въ ней, какъ и въ Немъ, нѣтъ вещества. Поэтому нѣтъ у души болѣе близкаго доступа къ божественной природѣ, какъ «Ничто», ибо нѣтъ ничего, чтобы единило такъ, какъ однородность естества. По этому поводу Іоаннъ Златоустъ замѣчаетъ: этого никому не понять, какъ онъ всѣми внѣшними и внутренними чувствами достигъ чистаго созерцанія божественной природы.— «Ничто», которымъ мы были раньше, чѣмъ стали самими собою, не нуждалось ни въ чемъ; оно противостояло всѣмъ сотвореннымъ существамъ. Только божественная сила силь-

нѣе всего. И она привела «Ничто» въ движеніе, когда Богъ изъ «Ничто» сотворилъ всѣ вещи. А теперь мы должны стать неподвижнѣй, чѣмъ «ничто»! — «Какъ такъ?» — Ну, слушай!

Богъ поставилъ душу въ свободное самоопредѣленіе, такъ что помимо свободной воли не хочетъ ни въ чемъ ее насиловать или приписывать ей чего-либо, чего она не волитъ. Стало быть, то, что она изберетъ въ этомъ тѣлѣ свободной волей, того и должна держаться. Если же хочетъ она достигъ того, чтобы ни въ чемъ не нуждаться и стать неизмѣннѣй, чѣмъ «Ничто», она должна по своей свободной волѣ собрать всѣ свои силы, чтобъ никакія вещи не могли ее ввести въ заблужденіе.

И такимъ образомъ должна она соединиться съ вѣчнымъ неизмѣннымъ Богомъ, Онъ же никогда ни однимъ изъ твореній святой Троицы не былъ вовлеченъ въ ихъ страсти. Такъ всецѣло должна она погрузиться въ этотъ бездонный колодезь божественнаго «Ничто», дабы ничто не могло ее оттуда извлечь; чтобы не обратилась она снова къ вещамъ, а пребывала бы тамъ. Какъ Небесный Отецъ никогда не колеблется и не удаляется отъ Своего Богоестества, такъ чтобы и душа никогда не колебалась и не удалялась оттуда, поскольку это возможно для твари.

«Но скажи, дорогой, какъ могло бы это быть для нея невозможнымъ, когда она сотворена для этого?» — Вотъ видишь! это бываетъ, когда она обращается къ тому, что ниже ея, и позволяетъ себѣ этимъ довольствоваться; тогда становится ей недостижимо то, что выше ея. И все же у Бога во всемъ существѣ Его нѣтъ ничего столь сокровеннаго, что было бы недостижимо для души; все

благородство ея въ томъ именно, что она можетъ это искать!

Возстань же, благородная душа! Выди вонъ изъ себя и иди такъ далеко, чтобъ не возвратиться совсѣмъ, и войди въ Бога такъ далеко, чтобъ никогда изъ Него не выйти, только тамъ пребывай, чтобы никогда вновь не быть тебѣ въ положеніи, въ которомъ ты бы имѣла дѣло съ твореніями. И всѣмъ, что откроется тебѣ, не обременяй себя, и всѣмъ, что передъ глазами у тебя, не вводись въ заблужденіе. И не помѣшай себѣ самой какимъ-либо дѣланіемъ, которое ты возьмешь на себя; лишь за чистой природой своей слѣдуй, за «Ничто», которое ни въ чемъ не нуждается, и не ищи другой обители: Богъ, сотворившій тебя изъ «Ничто», Онъ будетъ, какъ это ни въ чемъ не нуждающееся «Ничто», твоей обителью, и въ Его неизмѣнности станешь ты неизмѣннѣй, чѣмъ «Ничто».

Не хотятъ того признать нѣкоторые умные люди и говорятъ: это не годится. «Ничто» неизмѣняемо, какъ же можетъ душа стать еще болѣе неизмѣняемой? Душа есть нѣчто сотворенное, и подверженная измѣненію, она мѣняется легко. Только «Ничто» неизмѣняемо». Ну, такъ слушайте же! Во всякомъ случаѣ душа проходитъ черезъ измѣненія, отъ одной ступени просвѣтлѣнія къ другой; но это лишь пока она не достигнетъ высшей правды, гдѣ всѣ вещи имѣютъ конецъ. И тамъ подлечитъ душа измѣненію! У нея все еще есть ощущение чего-то другого, чѣмъ она сама. Но «Ничто» не имѣетъ ощущенія. Поэтому душа измѣнчивѣе, нежели «Ничто». Таково возраженіе противъ нашего положенія.

Ну, хорошо, обратимся къ указанію, что душа должна стать неизмѣннѣй, чѣмъ «Ничто». Высшее

добро, Богъ, вѣдь неизмѣннѣй, чѣмъ «Ничто»? Такъ и то, что заключаетъ въ себѣ полное подобіе высшаго неизмѣннаго добра, обладаетъ также высшей степенью, неизмѣняемостью. Вы могли бы возразить: «Ничто» и Богъ суть одно, разъ оба они суть «Ничто». Нѣтъ, это не такъ! «Ничто» не существуетъ ни для себя, ни для твореній. Богъ же, напротивъ, Самъ для себя бытіе, и лишь въ понятіи тварей Онъ есть «Ничто». Твари же тѣмъ, что существуетъ, утверждаютъ бытіе Божіе болѣе, чѣмъ свое собственное. Божіе бытіе есть разумъ. И это разумное бытіе, или Богъ даровалъ Свое подобіе разумной душѣ, -- такъ говоритъ достойный Діонисій. Если же Богъ еще неизмѣннѣй, чѣмъ «Ничто», и душа увидетъ въ неизмѣнность Того, Кто есть ея бытіе, въ Бога, станетъ и она неизмѣннѣй, чѣмъ «Ничто».

Ахъ, какъ свято долженъ жить человѣкъ, которому надлежитъ достигъ этого! Какъ долженъ онъ умереть для всякой суеты, прежде чѣмъ это съ нимъ случится! Истинно говоритъ св. Іоаннъ: «Блаженны мертвые, которые умираютъ въ Богѣ!»

Такъ долженъ и ты, о человѣкъ, отрѣшиться отъ всякаго попеченія и устремленія къ «тому» или «другому», въ особенности отъ всякой чувственности; какъ Богъ чистъ отъ всего этого, такъ и ты, душа стремящаяся, должна быть чиста, если хочешь понять сокровенность божественной тайны. Для этого должна ты отрѣшиться отъ всѣхъ чувствъ. Объ этомъ такъ выразился Діонисій, говоря съ однимъ изъ своихъ учениковъ, Тимоѳеемъ, когда былъ убитъ св. Павелъ и зашла о немъ рѣчь: «Ахъ, сердечный другъ, неужто не услышимъ мы больше никогда сладкоглас-

наго учителя нашего?» Тогда отвѣчалъ ему святой и сказалъ: «Другъ мой Тимоеѣй, мой совѣтъ оставить все тѣлесное и итти къ Богу. Этого мы не можемъ сдѣлать иначе, какъ со слѣпыми глазами и отрѣшеннымъ чувствомъ». Это не значитъ, что мы должны имѣть обманчивыя чувства. Наоборотъ, пройдя черезъ всѣ чувства и все пониманіе, должны мы войти въ Его сокровенное единство.

Въ этомъ смыслѣ увѣщаетъ насъ Христосъ, говоря, что мы должны быть совершенны, какъ совершенъ Отецъ Его небесный въ божественной Своей природѣ: Богъ, — такъ говоритъ Онъ, — ближе вамъ, нежели вы сами себѣ. А Августинъ говоритъ: душа имѣетъ близкій доступъ къ божественной природѣ, гдѣ уничтожаются для нея всѣ вещи. Тамъ станетъ она изъ вѣщей — невѣдущей, изъ волящей — безвольной, изъ просвѣтленной — темной. Если бы знала она тамъ еще о себѣ, то чувствовала бы это, какъ несовершенство; если бы знала еще о Богѣ, то чувствовала бы это, какъ несовершенство. Непостижимую сущность должна она вобрать въ себя, по ту сторону всякаго познанія, черезъ благодать, какъ Отецъ — черезъ природу Свою. Сущность же, выявленная въ Лицахъ, должна быть ея предметомъ лишь поскольку таковая заключена въ Отцѣ. Изъ себя самой должна она выйти, крадучись, и такъ проникнуть въ чистую сущность, заботясь тамъ такъ же мало обо всѣхъ вещахъ, какъ мало заботилась, когда изошла изъ Бога. Такъ всецѣло должна она уничтожить свое Я, чтобъ не оставалось ничего, кромѣ Бога, чтобъ свѣтила она еще больше, чѣмъ Богъ, какъ солнце свѣтитъ больше луны, и съ тою же всепроникновенностью, какъ вливается Онъ во всевѣчность Божества, гдѣ вѣчнымъ потокомъ Богъ изливается въ Бога. Аминь.

МАРІЯ И МАРѠА.

лучилось такъ, что на пути Своемъ вошелъ Иисусъ въ одно селеніе; здѣсь женщина, по имени МарѠа, приняла Его къ себѣ; у нея была сестра, по имени Марія, которая сѣла у ногъ Господа и слушала слово Его. МарѠа же хлопотала и служила Господу». (Отъ Луки 10, 38).

Три вещи влекли Марію сидѣть у ногъ Иисуса Христа: Его божественная благодать растрогала ея душу, она была во власти могучаго, неизъяснимаго и страстнаго желанія: куда влеклась она, Сама не знала; желалось ей, чего? Она не знала. Еще манили Ее сладкая отрада и восторгъ, которые черпала она изъ вѣчныхъ словъ Христовыхъ. Три причины побуждали и МарѠу хлопотать и служить Христу: во-первыхъ, ея старшинство и изошренная до крайней степени въ работѣ надъ собой ея душа; это давало ей увѣренность, что никто не можетъ служить лучше ея. Затѣмъ мудрое пониманіе, къ какимъ ближайшимъ дѣламъ любви прилагать дѣло рукъ своихъ. Наконецъ, въ-третьихъ, исключительное достоинство милаго Гостя.

Каждому человѣку, такъ говорятъ учителя, Богъ готовъ откликнуться съ духовной или чувственной стороны, смотря по тому, съ какой стороны человѣкъ горячѣе призываетъ Его. Удовлетворяетъ ли насъ Богъ,

какъ существъ разумныхъ, или же какъ чувствующихъ,— да будетъ это сказано всѣмъ чадамъ Божиимъ, — происходитъ это двойко.

Утоленіе чувства состоитъ въ томъ, что Богъ даруетъ намъ утѣшеніе, восторгъ и ободреніе (но постоянно искать этого утѣшенія угодники Божіи не должны). Это есть дѣло чувства; напротивъ того, удовлетвореніе разума есть нѣчто чисто духовное. Я разумѣю здѣсь такое состояніе, когда никакой восторгъ души не можетъ склонить ея высочайшей вершины; чувство блаженства ее не затопитъ, напротивъ, еще болѣе могучей вознесется она надъ нимъ. Тогда лишь находимся мы въ состояніи духовнаго удовлетворенія, когда эти колебанія чувствъ нашего преходящаго существа не въ силахъ поколебать вершину нашей души. Къ преходящему я отношу все, что мы воспринимаемъ чувствомъ, за исключеніемъ Бога.

«Господинъ, говоритъ Марѳа, скажи ей, чтобъ она помогла мнѣ!» Не изъ ненависти говоритъ она это, но въ порывѣ нѣжности, обуявшей ее. Ибо дѣйствительно такъ нужно это назвать: порывомъ нѣжности или милымъ задоромъ.

«Какъ такъ?»

Она видѣла, что Марія всецѣло была поглощена упоеніемъ блаженства. Она знала свою Марію лучше, чѣмъ Марія ее,—для этого она довольно долго жила. Жизнь приноситъ самыя цѣнныя познанія того, что намъ дано на землѣ, жизнь учитъ цѣнить высокія и просвѣщающія чувства больше всего того, что, за исключеніемъ опять-таки Бога, можетъ когда-либо быть даровано намъ въ этой жизни. Ея поученіе значительно яснѣе того, что можетъ дать даже просвѣтлѣніе разума: этотъ свѣтъ

вѣчности возвѣщаетъ намъ всегда лишь о насъ и о Богѣ вмѣстѣ, а не о насъ только безъ отношенія къ Богу! Когда же имѣешь передъ глазами лишь себя, тогда лучше различаешь, что кому надлежитъ, а что нѣтъ. Тому примѣръ намъ святой Павелъ, а также языческіе мудрецы. Святой Павелъ видѣлъ въ восхищеніи своемъ Бога и себя самого, какъ бы слившимся съ Богомъ духовнымъ образомъ. И все же не доставало ему необходимаго прозрѣнія, чтобы безъ того наипослѣдняго имѣть ясное представленіе о каждой добродѣтели. И это потому, что не упражнялся онъ еще въ дѣлахъ. Тѣ же мудрецы, наоборотъ, поднялись черезъ упражненіе въ добродѣтели на такую высокую ступень познанія, что имѣли болѣе ясное представленіе о каждой добродѣтели, нежели Павелъ или другой святой, впервые испытавшій восторгъ.

На этой же ступени стояла и Марѳа; оттого и ея обращеніе: «Господинъ, скажи, чтобы она помогла мнѣ!» надо понимать: моя сестра воображаетъ себѣ, что она уже можетъ все, чего бы только ни пожелала, только оттого, что такъ хорошо ей сидѣтъ, приютившись подлѣ Тебя.

Однако, посмотримъ, такъ ли оно: «Вели ей встать и уйти отъ Тебя!» Это было скорѣе шуткой, а не серьезными словами. Марія была такъ полна мечты, ее влекло куда, она не знала, желалось ей чего? сама не знала! Мы слегка подозрѣваемъ эту милую Марію въ томъ, что она сидѣла такъ у ногъ Господнихъ, больше чтобъ испытывать это состояніе, нежели ради духовной жажды! Вотъ почему обращеніе Марѳы: «Господинъ, скажи, чтобъ она встала!» Она боялась, что сестра предастся сладостнымъ чувствамъ и остановится на этомъ.

Тогда Христось, отвѣчая ей, сказалъ: «Марѳа, Марѳа! Ты заботлива, ты хлопочешь о многомъ; а нужно одно! Марія избрала лучшую часть, которая не можетъ быть у нея отнята никогда!»

Не съ угрозой произноситъ Христось эти слова. Ему понятны ея сомнѣнія, Онъ утѣшаетъ ее тѣмъ, что будетъ Марія такой, какъ она желаетъ.

Почему Христось говоритъ: «Марѳа, Марѳа», почему называетъ ее по имени дважды? Безъ сомнѣнія, говоритъ Исидоръ, Богъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ человѣкомъ, ни разу не назвалъ никого по имени, кто бы потомъ погибъ; кого не назвалъ онъ, тѣ остаются подъ сомнѣніемъ! Подъ этимъ Христовымъ названіемъ по имени я разумѣю: Его предвѣчное знаніе того, записанъ ли кто отъ начала вѣковъ, раньше созданія всякаго творенія, неизгладимо въ книгу жизни. Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; что названо вмѣстѣ съ этимъ и чье имя, кромѣ того, Христось Самъ произнесъ, изъ тѣхъ не погибъ ни одинъ.

Но почему Марѳу называетъ Онъ дважды? Чтобъ указать, что всѣ временныя и вѣчныя преимущества, когда-либо дарованныя и предназначенныя творенію, все это выпало на долю Марѳы. Первымъ «Марѳа» указываетъ Онъ на совершенство ея въ дѣлахъ временныхъ, вторымъ на то, что требуется для нашего вѣчнаго спасенія, утверждая, что у нея и въ этомъ нѣтъ никакого недостатка.

«Ты заботлива», говоритъ Онъ дальше, «ты вся въ міру и все же не даешь міру быть въ тебѣ». Тѣ могутъ заботиться о мірѣ, которые умѣютъ непоколебимо стоять среди мірской суеты. А стоятъ они непоколебимы, поскольку все свое дѣло исполняютъ по прообразу

предвѣчнаго свѣта. Дѣлами занимаются новнѣ, творчество же совершается только тамъ, гдѣ побуждаемый разумомъ дѣйствуетъ самъ изъ себя. И тѣ только люди творятъ, которые находятся среди вещей, но ими не поглощены. Вплотную къ нимъ они стоятъ, но держатся за нихъ такъ, какъ будто стоятъ они тамъ наверху, у крайняго небеснаго круга, совсѣмъ близко къ вѣчности.

Ибо все преходящее есть только средство.

Въ двоякомъ смыслѣ. Во - первыхъ, необходимос средство, — безъ него я не могу достигь Бога, — мое дѣло и творчество во времени. Мы только что объ этомъ писали: это отнюдь не можетъ повредить намъ въ заботѣ о нашемъ вѣчномъ спасеніи.

Во второмъ смыслѣ преходящее есть для насъ только средство, поскольку мы должны отъ него освободиться. Ибо для того поставлены мы во времени, чтобы черезъ разумное творчество приблизиться къ Богу, становясь и во временномъ все больше подобными Богу. Это имѣлъ въ виду и святой Павелъ, говоря: «Побѣждайте время, дни злы!» «Побѣждать время» это значитъ неустанно устремляться вверхъ къ Богу, какъ надлежитъ разумному существу: не въ многообразіи воображаемомъ, но въ истинѣ, какъ въ переживаніи разума. А «дни злы», это понимайте такъ: день указываетъ на ночь: не было бы ночи, не было бы и дня, и не заводили бы рѣчи о немъ, все былъ бы одинъ свѣтъ. И отъ этого Павелъ хочетъ избавиться. Ибо скудна такая жизнь въ свѣтѣ, которому грозить тьма, скрывающая и омрачающая высокому духу его вѣчную родину. Отсюда и завѣтъ Христа: «ходите въ свѣтѣ, покуда у васъ есть свѣтъ». Кто творитъ въ свѣтѣ, тотъ проникаетъ вверхъ

въ Бога, чистый и свободный отъ всякаго посредства свѣтъ будетъ въ немъ творчествомъ и творчество его станетъ ему его свѣтомъ.

И на этой ступени стояла милая Марѳа; почему Онъ и могъ сказать: «одно только нужно конечно». Я и ты, хотя бы только разъ объятые вѣчнымъ свѣтомъ, Мы «Одно», «Двуединое же есть такой возгорѣвшійся духъ, мѣсто которому выше міра, но ниже Бога лишь на окружности вѣчности». Онъ двойствененъ, ибо не видитъ Бога безъ посредства. Мысль и дѣйствительность, или познание и предметъ познаванія, для него не сливаются еще въ одно. Но эти оба не суть еще Богъ; ибо тогда лишь становишься Богомъ, когда духъ безусловно свободенъ. Тогда Одно—Два, и Два—Одно: свѣтъ и духъ! Эти Два—Одно, покуда душа объята вѣчнымъ свѣтомъ.

Выраженіе «на окружности вѣчности» нуждается еще въ поясненіи.

Три пути къ Богу открыты для души. Путь первый—это всевозможными способами, горя желаніемъ, искать Бога во всякомъ твореніи Его разумѣлъ царь Давидъ, говоря: «во всѣхъ вещахъ искалъ я покоя».

Другой путь есть путь безъ выбора и указанія, свободный, но трудный: именно, вознестись и быть на высотѣ небесной надъ своимъ «я» и надъ всѣми вещами безъ воли и представленія, чтобы не имѣть никакой опоры въ существѣ. Это разумѣлъ Христосъ, когда воскликнулъ: «Блаженъ ты, Петръ! Плоть и кровь не могли внушить тебѣ этого (но вознесеніе разумомъ), когда назвалъ ты Меня «Богомъ»: Отецъ Мой небесный открылъ тебѣ это!» Но и Петръ не видѣлъ Бога въ полной обнаженности Его, онъ былъ только восхищенъ силой Небеснаго Отца выше всякаго различенія «на

окружности вѣчности». Я бы сказалъ, что въ объятіяхъ Небеснаго Отца, полныхъ любви, но слишкомъ бурныхъ, онъ потерялъ сознание: застывшій въ полетѣ духъ, восхищенный до потери сознания, находится во владѣчествѣ Небеснаго Отца. Тогда сверху прозвучалъ ему сладкій земной голосъ,—(тѣлесныя чувства его тутъ, конечно, были не при чемъ), какъ непосредственное познание единства Бога и человѣка въ лицѣ Небеснаго Отца - Сына. Я съ увѣренностью утверждаю, что, если бы Петръ уже тогда непосредственно увидѣлъ Бога, такъ сказать, *in patria*, какъ это было дано потомъ ему и Павлу, когда Павелъ былъ восхищенъ на третье небо,— то даже рѣчь и Верховнаго Ангела показалась бы ему еще слишкомъ грубой. Тутъ же произносилъ онъ различныя хваленія, въ которыхъ, впрочемъ, Иисусъ ни мало не нуждался: Онъ смотритъ въ глубину глубинъ сердца и духа! Ибо имѣетъ непосредственный доступъ въ открытую для Него тайну каждаго. (На это указываетъ святой Павелъ, когда говоритъ: «Былъ восхищенъ одинъ человѣкъ и слышалъ такія слова, которыхъ не выговорить ни одинъ языкъ»).

Все это было сказано, чтобы доказать, что святой Петръ стоялъ «на окружности вѣчности», но еще не въ самомъ Единствѣ, гдѣ можно постигать Бога въ Его собственномъ бытіи.

Третій путь называется «Путь»: и вмѣстѣ съ тѣмъ есть пребываніе у себя, а именно это есть непосредственное видѣніе Бога въ Его собственной сущности. Объ этомъ говоритъ намъ Христосъ, восклицая: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь». Христосъ Единый, какъ ликъ Божій, Единый съ Отцомъ, Единый съ Духомъ, Трїединый. Христосъ—Путь, и Истина, и Жизнь.

Трое и вмѣстѣ съ тѣмъ Одно: возлюбленный Иисусъ. Въ этого пути творенія держатъ насъ на окружности и въ посредничествѣ. Но идти въ Богѣ, идти руководимымъ свѣтомъ, излучаемымъ Его Словомъ, и идти охваченнымъ любовью, соединяющей обоихъ въ «Духѣ»,—это превыше всего, что можно выразить словомъ: Внемли чуду!

Ибо сколь дивно пребывать сразу во внѣ, и внутри; постигать и быть постигаемымъ; созерцать и быть самому созерцаемымъ; держать то, что держитъ тебя самого. Тогда достигнута цѣль, тогда Духъ отдыхаетъ въ покоѣ, принятый въ желанную вѣчность.

Но вернемся къ нашему повѣствованію о Богѣ, какъ Марѳа, а съ нею и всѣ угодники — проводятъ свою жизнь «съ заботой» — что не совсѣмъ то же, что «въ заботѣ». Тутъ мірское дѣло совершенно настолько же нужно, какъ и всякое погруженіе въ Бога. Ибо оно соединяетъ насъ съ Нимъ такъ же тѣсно, какъ и наивысшій восторгъ, какой только можетъ выпасть намъ на долю,—за исключеніемъ чистаго созерцанія Бога въ Его чистой божественной природѣ. О томъ Христосъ свидѣтельствуетъ Марѳѣ: Тебѣ близокъ міръ, а потому и заботы его! Особенно отмѣчаетъ Онъ, что она со своими малыми способностями не бѣжитъ ни отъ какой заботы, ни отъ какой печали. Именно потому, что не избаловала она себя духовными уладами, страсть къ наслажденіямъ была чужда ея душѣ.

Въ нашихъ дѣлахъ должны мы особенно держаться трехъ вещей: дѣйствовать надо по порядку, по разуму, по сознанию. «По порядку», подъ этимъ я разумѣю: поступать вездѣ соотвѣтственно ближайшему требованію; «по разуму»: не зная въ данное время лучшаго; а «по

сознанію»: чтобы непрестанно въ бодромъ дѣйствиі прозрѣвать животворящую истину въ ея отрадномъ присутствіи. Дѣла, въ которыхъ соединяются эти три вещи, такъ же приближаютъ къ намъ Бога и такъ же полезны, какъ всѣ восторги Маріи Магдалины въ пустынѣ вмѣстѣ взятыя.

И Христось продолжаетъ: ты заботишься о многомъ, но не объ одномъ. Послѣднее бываетъ, когда душа, въ чистомъ одѣяніи, чуждая всѣхъ мірскихъ побужденій, вознесена высоко до самой «окружности вѣчности»: въ скорбь впадаетъ она въ тотъ мигъ, когда что-нибудь оттуда ее увлекаетъ, такъ что не можетъ она больше оставаться восхищенной тамъ вверху; и работа, и скорбь по единомъ отнынѣ — удѣлъ ея. Марѳа же, наоборотъ, пребывала въ увѣренной дѣятельности, свободная духомъ, и міръ больше ей не мѣшалъ. Потому и хотѣла она, чтобъ сестра ея была въ томъ же положеніи. Ибо видѣла она, что внутренно та еще не тверда. Изъ прекраснаго настроенія ея души выросло у нея желаніе, чтобъ и сестра была утверждена во всемъ, что относится къ вѣчному спасенію.

Одно нужно, говоритъ Христось. Что это такое одно?—Богъ! И это есть нѣчто необходимое для всѣхъ твореній: ибо возьми Богъ Себѣ Свое, всѣ творенія стали бы ничто. Отними Богъ Свою долю души у Христа, поскольку ея духовное соединено съ вѣчнымъ ликомъ Бога, и Христось сталъ бы только твореніемъ. Воистину тутъ нужно только единое.

Марѳа, какъ мы видѣли, боялась, чтобы сестра ея не осталась при однихъ только восторгахъ и высокихъ чувствахъ, и хотѣла, чтобъ она стала ей подобна. На это Христось отвѣчалъ такъ: будь довольна, Марѳа, она

также избрала лучшую часть, которая не отнимется отъ нея никогда! Чрезмѣрность эта уляжется въ ней: высшее, что можетъ быть дано творенію, выпадетъ ей на долю; она станетъ святой, какъ и ты! По этому поводу вотъ что можно прибавить къ поученію о праведной жизни:

Для праведной жизни необходимы три вещи, касающіяся нашей воли. Первое требованіе—это предать свою волю Богу, тамъ, гдѣ является необходимой обязанностью, дѣйствительно исполнить то, что признаешь правымъ, будь то отказъ или принятіе. Есть собственно три рода воли: воля «чувственная», воля «разумная», и воля «вѣчная». Воля чувственной недостаетъ должнаго руководства: она должна слушаться вѣрныхъ совѣтовъ.

Воля разумная стремится участвовать во всѣхъ дѣлахъ Иисуса Христа и святыхъ, или говоря иначе: слова и дѣла свои и всю дѣятельность мірскую всегда направлять, имѣя при этомъ въ виду конечную цѣль.

Только когда исполнено это, даетъ Богъ еще нѣчто иное основѣ души: вѣчную волю съ ласковымъ занѣтомъ Святого Духа. Когда взываетъ къ Нему душа: «Господи, скажи, чтобъ вѣчная воля Твоя приняла во мнѣ образъ!» И такъ какъ выполняетъ она условія, которыя мы только что оговорили, то Отецъ милосердный, когда благоволитъ, говоритъ въ душѣ Свое вѣчное слово.

А наши праведники требуютъ, чтобъ мы стали настолько совершенны, что никакая любовь не могла бы насъ тронуть, и были бы мы нечувствительны ни къ благу, ни къ страданію. Они несправедливы къ себѣ.

Я утверждаю: долженъ еще радиться тотъ святой, который не могъ бы ничѣмъ быть растроганъ. И съ

другой стороны утверждаю я также: уже и то много для святого, когда, находясь въ этомъ тѣлѣ, онъ ничѣмъ уже больше не даетъ себя отвлечь отъ Бога. Вы думаете, что покуда слова могутъ вызывать въ васъ радость или страданье, до тѣхъ поръ вы не совершенны? Отнюдь!

И Христось не обладалъ этимъ, что доказываютъ Его слова: «Душа Моя скорбитъ смертельно!» Даже Христу и то такую боль причиняли слова! и если бы боль всѣхъ твореній пришлась на долю одного, не было бы ему такъ больно, какъ было больно Христу. И было это отъ прирожденнаго Его благородства и святого соединенія божественной и человѣческой природы. Поэтому говорю я: не было еще такого святого и не будетъ, которому бы скорбь не причиняла боли, а радость—отрады. Подобное, какъ исключеніе, дается только милостью и благодатью Божіей; напримѣръ, если бы отрицали вѣру какого-нибудь человѣка, а онъ осѣненный благодатью, сохранялъ бы при этомъ хладнокровіе. Но несомнѣнно, что никакой толчокъ извнѣ не можетъ оторвать святого отъ Бога. Хотя бы его сердце и терзалось,—если онъ не въ милости,—воля же его укрѣпляясь, твердо держится Бога и такъ говоритъ: Господи, я—Тебѣ, и Ты—мнѣ! Что бы ни случилось съ нимъ, это не нарушитъ вѣчной связи, ибо не коснется высшей вершины Духа—гдѣ онъ соединенъ съ благомъ въ полной волѣ Божіей.

Справедливо поэтому можетъ сказать Христось: «Ты заботишься и печешься о многомъ»: Марѳа была настолько положительна, что ея глубокая связь съ міромъ не мѣшала ей направить всѣ дѣла свои и занятія къ вѣчному спасенію. — И Марія должна была сначала стать Марѳой, прежде чѣмъ дѣйствительно

стала Маріей. Ибо, когда она сидѣла у ногъ Господа нашего, она еще ею не была: была ею по имени, но не по духовнымъ дѣламъ своимъ. Она была еще въ полосу восторговъ и сладкихъ чувствъ: она еще только пришла въ школу и училась жить. Тогда какъ Марѳа была по существу такъ утверждена, что могла сказать: «Господинъ, скажи ей, чтобы встала!» То есть: «Господинъ, я бы хотѣла, чтобъ она не сидѣла тутъ, восхищенная, я бы хотѣла, чтобъ она теперь же училась жить, чтобы вошло это у нея въ плоть и кровь. Скажи ей, чтобъ встала! Дабы стала она совершенной».

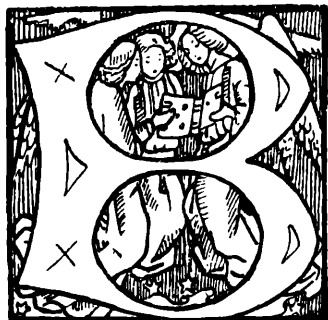
Я говорю, ее нельзя бы назвать Маріей, когда сидѣла она у ногъ Христовыхъ. Маріей я называю: закалившееся въ дѣланіи тѣло, мудрому ученію покорное. А покорнымъ я называю того, кто исполняетъ волю, внушенную внутреннимъ велѣніемъ. А праведники наши думаютъ, что могутъ дойти до того, что чувственное присутствіе вещей просто перестанетъ существовать для чувствъ! До этого они не дойдутъ! Чтобъ мучительный грохотъ сталъ также пріятенъ моему слуху, какъ сладкая игра струнъ, этого я никогда не добьюсь! Но вотъ что можно во всякомъ случаѣ требовать: чтобъ сознательная богоподобная воля освобождалась въ насъ отъ всякаго природнаго желанія, когда мудрое провидѣніе усмотритъ, что представляется случай, когда оно можетъ приказать волѣ отрѣшиться, и чтобъ воля сказала тогда: я дѣлаю это охотно! И вотъ, тогда попытка стала бы радостью. Ибо что человѣкъ добываетъ большимъ трудомъ, то будетъ ему на радость. И тогда лишь будетъ плодотворно.

Но нѣкоторые люди заходятъ такъ далеко, что хотятъ быть свободными отъ дѣлъ. Я говорю, что это не

годится. Когда сошелъ Святой Духъ на учениковъ, только тогда начали они впервые по настоящему дѣйствовать.

Такъ и Марія, когда сидѣла у ногъ Господа нашего, только еще училась: она впервые еще пришла въ школу и училась жить. Потомъ, когда вознесся Христосъ на небо, и на нее низошелъ Духъ Святой, тогда только начала она служить, и переправилась на ту сторону моря, проповѣдуя и уча, и стала помощницей учениковъ. Ибо тогда только собрано было войско вѣчнаго спасенія; и что имъ содѣлано, черезъ то слагается вина и отвращается тѣмъ наказаніе. Примѣръ тому мы находимъ въ Христѣ. Съ перваго мига, какъ Богъ сталъ человѣкомъ, и человѣкъ Богомъ, началъ Онъ работать для нашего спасенія и до самаго конца, пока не умеръ на крестѣ: все существо Его участвовало въ этомъ.

Чтобы мы въ истинномъ смыслѣ слѣдовали Ему въ утвержденіи такой подлинной праведности, въ томъ да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

ь Святомъ Евангеліи читаемъ мы слово Господа: «Такъ войди же ты, добрый и вѣрный рабъ, въ радость Господина Твоего. За то, что былъ ты вѣренъ въ маломъ, надъ всѣмъ Моимъ добромъ поставлю Я тебя».

Замѣтте себѣ хорошенько выраженіе, которое употребляетъ Господь: «Ты, добрый рабъ!» Вѣдь въ другомъ Евангеліи на обращеніе къ нему юноши, который назвалъ Его добрымъ, Онъ возразилъ: «зачѣмъ ты называешь Меня добрымъ? Никто не добръ, кромѣ одного Бога!» И это дѣйствительно вѣрно! Все, что сотворено, не есть «доброе», само по себѣ; нѣтъ ничего добраго, кромѣ одного Бога! Значитъ, Богъ противорѣчитъ Своимъ Собственнымъ словамъ? Нѣтъ, никоимъ образомъ. И слушайте почему:

Чѣмъ больше человѣкъ отрекается ради Бога отъ самого себя и становится единымъ съ Богомъ, тѣмъ больше онъ Богъ, и тѣмъ меньше онъ твореніе! Когда же совсѣмъ освободится онъ отъ самого себя, никому больше не будетъ принадлежать и ни для чего больше не будетъ жить, кромѣ какъ для Бога, тогда воистину станетъ онъ, черезъ благодать, то самое, что Богъ есть по природѣ Своей, и Богъ не знаетъ никакого различія между Собой и такимъ человѣкомъ. Я сказалъ «черезъ бла-

годать». Богъ добръ, и тотъ человѣкъ добръ; какъ Богъ добръ по природѣ, такъ этотъ человѣкъ—черезъ благодать. Божья жизнь и Божья Сущность совмѣщаются въ немъ. Поэтому Богъ и назвалъ его «добрымъ»; доброта этого раба передъ Богомъ—нечто иное, какъ доброта Самого Бога! Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ, что жизнь и сущность Бога заключаются и въ камнѣ, и въ кускѣ дерева, и въ другихъ тваряхъ, которыя все же не блаженны. Но въ этомъ рабѣ Богъ присутствуетъ по-другому, и вотъ почему онъ блаженъ и добръ. Ибо Богъ въ немъ Себѣ Самому на радость: въ немъ Онъ живетъ такъ сознательно и блаженно, какъ Самъ въ Себѣ и черезъ Себя. Отъ того рабъ блаженъ и добръ; и въ этомъ смыслѣ говоритъ Господь нашъ: «войди, добрый и вѣрный рабъ, въ радость Господина твоего!»

Почему рабъ этотъ добръ, это показалъ я до извѣстной степени; теперь обращусь къ его вѣрности: «за то, что въ маломъ былъ ты вѣренъ, надъ всѣмъ моимъ добромъ тебя поставлю!» Но что же такое это «малое», въ чемъ былъ вѣренъ рабъ? Все, что Богъ сотворилъ на небѣ и на землѣ, все, что не есть Онъ Самъ, все это—малое, по сравненію съ Нимъ.

Во всемъ этомъ былъ вѣренъ добрый рабъ. И насколько, это вы сейчасъ узнаете. Богъ поставилъ этого раба между временемъ и вѣчностью; ни къ тому, ни къ другому не былъ онъ прикрѣпленъ, онъ былъ свободенъ въ силу своего разума и воли. Это доказалъ онъ и въ отношеніи къ вещамъ: разумомъ своимъ поднялся онъ надъ всѣми вещами, сотворенными Богомъ, волею своею отрекся онъ отъ всѣхъ вещей и даже отъ самого себя, словомъ отъ всего, что сотворилъ

Богъ, что не есть Онъ Самъ. Разумомъ своимъ онъ ихъ превознесъ и воздалъ въ нихъ честь и хвалу Богу, и отдалъ ихъ всей неисчерпаемости природы Божьей; также и самого себя, поскольку онъ существо сотворенное. Тамъ оставилъ онъ свое «я» и всѣ вещи, такъ что никакой твари не касался онъ больше своей сотворенной волей.

Воистину, во всякомъ, кто настолько вѣренъ, Богъ найдетъ эту невыразимо великую радость; и захоти кто-нибудь у Него похитить ее, онъ тѣмъ похитилъ бы у Него Его жизнь, Его бытіе и всю Его божественность! Но я скажу еще больше: не пугайтесь! Ибо радость эта близка къ вамъ: она—въ васъ. Ни одного нѣтъ между вами настолько неподготовленнаго, неопытнаго, настолько слабого въ познаніи и чуждаго ему, который не могъ бы найти въ себѣ этой радости, въ полной ея дѣйствительности, какъ блаженство и какъ познаніе, даже прежде чѣмъ вы выйдете изъ церкви, въ то время даже какъ я говорю эту проповѣдь! Человѣкъ можетъ воистину найти это въ себѣ самомъ и пережить это, и этимъ обладать, какъ воистину Богъ есть Богъ, а я—человѣкъ!

Будьте въ томъ увѣрены, ибо это правда, и сама правда говоритъ это. И это я хочу доказать вамъ, сказавъ происшествіе, описанное въ одномъ изъ Евангелій.

Однажды Господь нашъ сидѣлъ у колодца, ибо былъ утомленъ. Туда пришла женщина; она была самаритянка, изъ язычниковъ, и принесла съ собой кувшинъ и веревку и хотѣла почерпнуть воды. Господь сказалъ ей: «женщина, дай мнѣ напиться!» Она же, отвѣчала Ему, и сказала: «зачѣмъ Ты просишь у меня

напиться? Вѣдь Ты изъ Іудеевъ, а я самаритянка: нашъ народъ и вашъ народъ не общаются!» Тогда отвѣчалъ ей Господь и сказалъ: «если бы знала ты, Кто просить у тебя пить, и познала бы милость Божию, можетъ быть, ты стала бы просить пить у Меня, и Я далъ бы тебѣ воды живой. Кто пьетъ отъ воды, которую Я даю, тотъ не жаждетъ во вѣки и станетъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную». Была смущена женщина словами Господа и любопытствуя, подошла, ближе къ колодецу и сказала: «Господинъ, дай мнѣ напиться этой воды, чтобъ не жаждать мнѣ никогда!» Тогда сказала Господь: «поди, приведи мужа твоего!» «У меня нѣтъ мужа!» возразила она. Тогда Господь сказалъ: «женщина, ты говоришь правду: ибо у тебя было пять мужей и котораго теперь имѣешь, не мужъ тебѣ». Тогда уронила она кувшинъ и веревку и воскликнула: «кто Ты, Господинъ? Ибо написано: когда придетъ Мессія (котораго называютъ Христомъ), Онъ научитъ насъ всему и возвѣститъ намъ правду!» «Женщина, возразилъ Господь, это—Я, говорящій съ тобою». И этими словами преисполнилось сердце ея. «Господинъ, спросила она, родители наши молились подъ деревьями на этой горѣ, а ваши родители, изъ Іудеи, тѣ молились въ храмѣ: которые изъ нихъ вѣрнѣе поклоняются Богу, и какое мѣсто вѣрнѣе? Наставь меня въ этомъ!» Тогда Господь сказалъ: «женщина, настанетъ время, и оно настало уже, когда истинные молеельщики будутъ молиться не только на горѣ, или въ храмѣ, но въ Духѣ и Истинѣ станутъ они поклоняться Отцу. Ибо Богъ есть Духъ, и кто хочетъ поклоняться Ему, тотъ долженъ поклоняться въ Духѣ и Истинѣ. Такихъ поклонниковъ ищетъ Отецъ!» Отъ этого женщина была преисполнена Богомъ,

и Богъ нахлынулъ и затопилъ ее избыткомъ Своимъ, и стала она проповѣдовать, взывая громкимъ голосомъ, и все, что только глаза ея могли видѣть, хотѣла она привести къ Богу и такъ преисполнить Богомъ, какъ сама была преисполнена Имъ.

Это случилось съ ней, когда она привела «своего мужа». Никогда не открывается Богъ душѣ такъ всецѣло и безудержно, если не приведетъ она къ Богу мужа, то-есть свою свободную волю. «Женщина, такъ сказалъ нашъ Господь, ты говоришь правду, пятерыхъ мужей ты имѣла, и они умерли!» Кто были эти пять мужей? Пять чувствъ! Съ ними согрѣшила она, и потому они умерли. «И тотъ, кого теперь имѣешь, не мужъ тебѣ!» Это была ея свободная воля, ей не принадлежавшая, ибо она была связана смертнымъ грѣхомъ, и у нея не было власти надъ нею: надъ чѣмъ не имѣетъ человѣкъ власти, то не принадлежитъ ему; принадлежитъ оно тому, кто имѣетъ власть.

И еще я скажу: если человѣкъ властенъ надъ своей свободной волей (въ благодати) и готовъ соединить ее съ волей Божьей всецѣло въ безраздѣльное единство, тогда ему остается только сказать, какъ женщинѣ: «Господинъ, научи меня, гдѣ я долженъ молиться, и что долженъ дѣлать, чтобъ воистину быть Тебѣ угоднымъ!» — И Иисусъ Христосъ «отвѣчаетъ», то-есть Онъ открывается во всей полнотѣ истины Своей, каковъ Онъ есть, и наполняетъ человѣка такъ безмѣрно, что тотъ затопленъ и преисполненъ избыткомъ Божьимъ, какъ то случилось съ женщиной у колодца, которая раньше совсѣмъ не была къ тому приготовлена. И вотъ я снова говорю: если кто нибудь здѣсь настолько же не готовъ, не просвѣщенъ или не-

умѣлъ, но согласенъ соединить въ Божьей благодати свою волю съ волей Божьей совершенно и всецѣло, тогда надо ему только сказать въ сердцѣ своемъ: «Господи, научи меня благой волѣ Твоей и укрѣпи меня на исполненіе ея!» — и, какъ Богъ живъ, Онъ исполнить это и подастъ такъ же щедро, какъ щедро подалъ нѣкогда этой женщинѣ! Видите, самому простому, самому малому изъ васъ можетъ быть дано это отъ Бога въ удѣлъ, прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ церкви, пока я еще проповѣдую,—воистину! это такъ же вѣрно, какъ то, что Богъ живъ, и что я—человѣкъ! А потому я говорю: не бойтесь! радость эта не далека отъ васъ, если вы только разумно будете искать ее.

А теперь я возвращусь къ слову Господа: «за то, что былъ ты вѣренъ въ маломъ, поставлю тебя надъ всѣмъ добромъ моимъ»: что это такое, добро Господне? То благо, что распредѣлено и подѣлено между всѣми вещами и твореніями, которыя поэтому и добры Его добромъ, какъ на небѣ, такъ и на землѣ. Ибо никто не добръ иначе и не обладаетъ иной добротой или добромъ, какъ только отъ Него исходящимъ: все доброе—Его. Также и все, что можно высказать о Богѣ, познать, постичь, изслѣдовать и доказать, все это принадлежитъ лишь къ «добру» Господа. И надъ всѣмъ этимъ хочетъ Онъ поставить этого раба, потому что тотъ былъ добръ и вѣренъ въ маломъ. Надъ всѣмъ этимъ добромъ онъ теперь господинъ, хотъ и есть еще Другой: а вмѣстѣ съ тѣмъ они оба—одно, только одно самосущее, нѣтъ больше ни того ни этого, нѣтъ ни здѣсь, ни тамъ.

«Хочу поставить тебя надъ всѣмъ добромъ Моимъ», этимъ какъ будто хотѣлъ онъ сказать: «оставь позади

себя все сотворенное, все раздѣленное, все раздробленное добро, выше всего этого поставлю я тебя въ несо-творенномъ, въ нераздѣленномъ, въ нераздробленномъ благѣ, которое есть Я Самъ!» Объ этомъ говоритъ Онъ тоже: «войди въ радость Господина твоего!» Какъ будто хотѣлъ Онъ сказать: «выйди изъ всякой радости, кото-рая отъединилась, не имѣетъ своей сущности въ себѣ самой, и войди въ нераздѣльную радость, которая—ка-кова бы она ни была, сама по себѣ и отъ себя самой!» Радость же эта—радость «Господня».

«Радость Господня», дивныя слова! Какъ судить или хотя бы говорить о томъ, чего никто ни постичь, ни изслѣдовать не можетъ? А все же замѣтьте себѣ одно: «Радость Господня» есть Самъ Господь, ничто другое. А «Господь» есть живой, дѣйствительный, сущій разумъ, имѣющій самого себя предметомъ, и,—вѣчно тотъ же,—лишь въ себѣ самомъ пребываетъ онъ и живетъ! Этимъ я никакъ не далъ Ему опредѣленія, на-противъ, лишилъ Его всякаго опредѣленія. Самъ Онъ есть цѣль безъ цѣли, и живетъ, и есть, и блаженъ есть, потому что есть. Смотрите! это есть «радость Госпо-дня» и Самъ «Господь», и сюда повелѣли Онъ войти этому рабу, когда сказалъ: «войди, ты, добрый и вѣрный рабъ, въ радость Господина твоего! За то что былъ ты вѣренъ въ маломъ, поставлю тебя надъ всѣмъ доб-ромъ Моимъ».

Чтобъ и намъ стать добрыми и вѣрными, чтобъ и насъ позвалъ войти Господь нашъ, чтобъ и намъ пре-бывать вѣчно въ Немъ и Ему въ насъ, въ томъ да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

О НИЩЕТѢ ДУХОМЪ.

амо Блаженство открыло мудрыя уста Свои и сказало: «блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царствіе Небесное». Всѣ ангелы, и всѣ святые, и все, когда-либо рожденное, должно умолкнуть, когда говоритъ вѣчная премудрость Отца; ибо вся мудрость ангеловъ и твари—ничто

по сравненію съ мудростью Божьей, которая бездонна. И эта мудрость изрекла, что нищіе блаженны.

Есть два рода нищеты: одна внѣшняя, и она хороша и очень похвальна въ человѣкѣ, который принимаетъ ее добровольно, изъ любви къ Господу нашему Іисусу Христу, какъ Самъ Онъ принялъ ее на землѣ. Объ этой бѣдности я больше говорить не стану. Но есть еще другая нищета, внутренняя, и лишь къ ней относятся слова Господа нашего: блаженны нищіе духомъ, или: тѣ, что нищіе въ духѣ.

Теперь прошу васъ: будьте сами такими нищими и, какъ таковые, примите эту рѣчь! Ибо я истинно говорю вамъ: если вы не доросли до правды, о которой мы теперь говоримъ, то не можете вы понять меня. Многіе люди спрашивали меня, что есть «нищета»? На это и должны мы дать отвѣтъ.

Епископъ Альбрехтъ говоритъ: тотъ человѣкъ нищъ, который не находитъ удовлетворенія ни въ чемъ, что со-

здано Богомъ; и это хорошо сказано! Но мы скажемъ еще лучше, мы понимаемъ нищету въ смыслѣ еще болѣе высокою: тотъ нищъ, кто ничего не хочетъ, ничего не знаетъ и ничего не имѣетъ. Объ этихъ трехъ вещахъ хочу я говорить.

Во-первыхъ, нищимъ называется тотъ человѣкъ, который ни чего нехочетъ. Смыслъ этого нѣкоторые люди понимаютъ неправильно: это тѣ люди, которые въ благочестіи и внѣшнемъ дѣланіи сохраняютъ волю, направленную на себя. Господи Боже мой, какъ почитаются такіе люди! Но какъ мало знаютъ они о правдѣ Божьей! Они называются святыми по внѣшнему виду, въ сущности же они ослы, ибо не постигаютъ смысла правды Божьей. И эти люди также говорятъ, что нищъ тотъ человѣкъ, который ничего не хочетъ. И поясняютъ они это такъ: человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы никогда не уступать своей волѣ ни въ какомъ отношеніи; онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы исполнять благую волю Бога.

Не надо упрекать ихъ за то, такъ какъ намѣренія ихъ хороши; за это мы даже должны похвалить ихъ. Да сохранить ихъ Богъ въ милосердіи Своемъ! Но я съ полнымъ правомъ утверждаю: эти люди не нищи и не подобны нищимъ внутренно. Они высоко стоятъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые не знаютъ лучшаго. И все же говорю я, они ослы, ничего не понимающіе въ Божьей правдѣ. Ради ихъ добраго намѣренія быть можетъ, и дано будетъ имъ царствіе Божіе, но объ той нищетѣ, о какой я теперь хочу говорить, они не знаютъ ничего.

Если спросятъ меня теперь, что же это такое «нищій человѣкъ, который ничего не хочетъ», на это я от-

вѣчу и скажу такъ: покуда человѣкъ имѣетъ что-либо, на что направлена его воля, — хотя бы и была его воля въ томъ, чтобъ исполнять волю Божью, — такой человѣкъ не нищъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ тутъ говорится. Ибо этотъ человѣкъ еще имѣетъ волю, которой онъ хочетъ угождать волѣ Божьей; а это еще не самое настоящее.

Чтобы быть истинно нищимъ, человѣкъ долженъ стать настолько свободнымъ отъ своей сотворенной воли, насколько онъ былъ, когда его не было. Истинную правду говорю вамъ: пока есть у васъ воля исполнять волю Бога и вы имѣете какое-либо желаніе, относится ли оно къ вѣчности или къ Богу, до тѣхъ поръ вы не нищи дѣйствительно. Ибо только тотъ человѣкъ нищъ, который ничего не хочетъ, ничего не знаетъ, ничего не домогается.

Когда я пребывалъ еще въ первоосновѣ своей, у меня не было никакого Бога: я принадлежалъ себѣ самому. Я ничего не хотѣлъ, ничего не домогался, ибо я былъ тогда бытіе безъ цѣли — и я былъ познающій себя самого въ божественной правдѣ. Тогда хотѣлъ я себя самого и ничего другого: чего я хотѣлъ, тѣмъ былъ я, а чѣмъ я былъ, того я хотѣлъ. И тутъ пребывалъ я безъ Бога и внѣ всѣхъ вещей.

Когда же я отрѣшился отъ этой моей свободной воли и получилъ мое сотворенное существо, тогда сталъ у меня и Богъ; ибо раньше, чѣмъ стать твари, и Богъ не былъ Богомъ: Онъ былъ то, что былъ! И даже тогда, когда появились твари и начали свое сотворенное существованіе, Онъ не былъ «Богомъ» въ Себѣ Самомъ, но лишь въ твореніяхъ былъ Онъ «Богъ». И мы утверждаемъ, что Богъ, поскольку Онъ Богъ, не есть конечная цѣль

творенія и не обладаетъ той полнотою существованія, какую имѣеть въ Богѣ малѣйшее созданіе.

Положимъ, что какая-нибудь муха имѣла бы разумъ, въ силу котораго могла бы устремиться въ вѣчную бездну Божественной сущности, изъ которой возникла, мы и тутъ утверждаемъ, что Богъ со всѣмъ тѣмъ, что Онъ есть какъ Богъ, не могъ бы даже мухѣ даровать полноты и удовлетворенія. Потому и просимъ мы, чтобъ освободиться намъ отъ Бога: обладать истиной и причаститься вѣчности! Ибо высшимъ ангеламъ уподобляются души тамъ, гдѣ я былъ и хотѣлъ того, чѣмъ былъ, и былъ тѣмъ, чего хотѣлъ. Такъ долженъ быть человѣкъ нищимъ волей и желать такъ мало, какъ мало желалъ онъ тогда, когда онъ не былъ. Вотъ какимъ образомъ нищъ тотъ человѣкъ, что «ничего не хочетъ»:

По другому нищъ тотъ человѣкъ, что ничего не знаетъ. Мы уже говорили: человѣкъ долженъ такъ жить, какъ будто бы онъ вовсе не жилъ ни для себя самого, ни для правды, ни для Бога. Теперь пришли мы къ новому и говоримъ дальше такъ: человѣкъ, который долженъ достигъ этой нищеты, долженъ быть такимъ, какъ былъ, когда «не жилъ ни въ какомъ отношеніи, ни для себя, ни для правды, ни для Бога». Итакъ, онъ долженъ настолько отрѣшиться отъ всякаго познанія, чтобы умерло въ немъ всякое представленіе о Богѣ.

Ибо когда человѣкъ пребывалъ еще въ вѣчной природѣ Бога, не жило въ немъ ничего иного. И все что жило въ немъ, то было онъ самъ. Поэтому мы говоримъ: человѣкъ долженъ настолько освободиться отъ всякаго знанія, какъ былъ онъ свободенъ, когда не былъ вовсе, и долженъ предоставить Богу творить то, что Онъ хочетъ,

а самъ оставаться безцѣльнымъ, какъ тогда, когда онъ изошелъ отъ Бога.

Тутъ мы должны заняться вопросомъ: на чемъ прежде всего основано блаженство. Одни учителя говорятъ, что оно основано на любви, другіе учатъ, что оно основано на познаніи и любви, и это уже вѣрнѣе. Но мы говоримъ: оно не основано ни на познаніи, ни на любви; а есть въ душѣ «нѣчто», изъ чего рождается познаніе и любовь. Это «нѣчто» не можетъ само ни познавать, ни любить—это дѣло душевныхъ силъ. Кто найдетъ вотъ это, тотъ найдетъ то, на чемъ основано блаженство; это не имѣетъ ни «до», ни «послѣ» и не ждетъ грядущаго, такъ какъ не можетъ стать ни богаче, ни бѣднѣе. И точно также должно быть у него отнято знаніе того, что надлежитъ ему сперва свершить, это есть вѣчная «все то же», что живетъ лишь само собою,—какъ Богъ!

Въ этомъ смыслѣ говорю я, что человѣкъ долженъ стать свободнымъ отъ Бога; не долженъ онъ думать, и представлять себѣ, что Богъ творитъ въ немъ!» Такъ можетъ человѣкъ узнать нищету.

Учителя говорятъ, что Богъ есть существо и именно существо разумное, познающее всѣ вещи. Но я говорю: Богъ не есть ни существо, ни разумъ и не познаетъ Онъ ни «того», ни «другого»! Поэтому свободенъ Онъ отъ всѣхъ вещей, и поэтому Онъ—всѣ вещи. Тотъ же, кто хочетъ быть нищъ духомъ, долженъ стать нищъ всякимъ знаніемъ, какъ тотъ, кто ровно ничего не знаетъ и не представляетъ себѣ ни о Богѣ, ни о твореніяхъ, ни о самомъ себѣ. Также не долженъ человѣкъ воображать, что онъ до конца позналъ сущность Бога. Только такимъ образомъ можетъ человѣкъ стать нищъ знаніемъ.

Въ-третьихъ, тотъ человѣкъ нищъ, кто не имѣеть ничего. Не разъ утверждали, что совершенство состоитъ въ томъ, чтобы не обладать никакими вещами, ничѣмъ земнымъ; и въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно, когда это принимается добровольно. Но я не это имѣю въ виду.

Раньше я сказалъ: не тотъ человѣкъ нищъ, кто хочетъ исполнять волю Божью, но кто такъ живетъ, что отрѣшенъ отъ воли Божьей равно, какъ отъ своей, настолько, насколько отрѣшенъ былъ, когда не былъ. Эту нищету зовемъ мы «высшей нищетой». Во-вторыхъ, говорили мы: тотъ человѣкъ нищъ, который ничего не знаетъ о дѣлахъ Господнихъ въ себѣ. Если свободенъ онъ отъ всякаго знанія и познанія, какъ свободенъ Богъ отъ всякихъ вещей, то это—«самая явная нищета». Третья же есть «нищета послѣдняя». — Объ ней то и хочу я сказать теперь; это именно та нищета, когда человѣкъ ничего не имѣеть.

Теперь напрягите все ваше вниманіе! Я часто говорилъ, и великіе учителя также говорятъ: «Человѣкъ долженъ быть настолько свободнымъ отъ всякихъ дѣлъ и вещей, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, чтобы быть пріютомъ Божьимъ, гдѣ могъ бы дѣйствовать Богъ». Сегодня скажемъ мы иначе. Если даже человѣкъ и свободенъ отъ всякихъ вещей и тварей, и себя самого, и Бога, и кромѣ того Богъ нашель въ немъ пріютъ для дѣла Своего, тѣмъ не менѣе мы говоримъ: покуда еще въ человѣкѣ остается «что-либо», до тѣхъ поръ онъ не нищъ «послѣдней нищитой». Ибо Богъ не ставитъ цѣлью дѣлъ Своихъ, чтобъ человѣкъ сохранялъ въ себѣ пріютъ, гдѣ бы Онъ могъ являть Себя. Въ томъ истинная нищета духа, чтобы человѣкъ оставался на-

столько свободенъ отъ Бога и всѣхъ дѣлъ Его, что если бы Богъ захотѣлъ проявиться въ душѣ, то долженъ былъ бы Самъ стать обителю, гдѣ будетъ Онъ дѣйствовать. И какъ охотно сдѣлалъ бы Онъ это! Ибо если бы нашелъ Богъ человѣка, въ той полной нищетѣ, то вѣдь это былъ бы Онъ Самъ тогда, что подвергся бы Своему же дѣйствию. Такъ какъ тутъ Онъ Самъ Себѣ обитель для Своихъ свершеній! Тутъ Онъ одно въ Себѣ Самомъ совершаемое дѣло. Тутъ въ этой нищетѣ достигаетъ вновь человѣкъ вѣчнаго бытія, бытія, въ которомъ онъ былъ, есть и будетъ живъ во вѣки.

Тутъ можно сдѣлать возраженіе на слова святого Павла: «все, что я есмь, то получилъ я благодатию Божіею». А наша рѣчь паритъ выше всякой благодати, какъ и выше всякаго познанія, всякой воли и всякаго желанія. Отвѣтъ на это таковъ: слова святого Павла суть только слова Павла; онъ не сказалъ ихъ осѣненный благодатию, ибо благодать дѣйствовала въ немъ такъ, что только сущность его достигла совершенства самого единства. Этимъ исчерпывается ея дѣйствіе. Когда же дѣйствіе благодати прерывалось, тогда несомнѣнно становился Павелъ вновь тѣмъ, чѣмъ былъ.

Поэтому мы говоримъ: человѣкъ долженъ быть настолько нищъ, чтобы онъ не былъ «обителю, гдѣ могъ бы дѣйствовать Богъ». До тѣхъ поръ, покуда въ человѣкѣ есть обитель—есть въ немъ и многообразіе. Поэтому и молю я Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ меня свободнымъ отъ Бога! Ибо несущее бытіе по ту сторону Бога, по ту сторону различности. Тамъ былъ я только самимъ собою, тамъ хотѣлъ я себя самого и видѣлъ себя самого, какъ того, кто создалъ вотъ этого человѣка. Тамъ я первопричина себя самого, моего вѣчнаго

и временнаго существа. Только въ этомъ я родился. По вѣчной сущности моего рожденія не могу я никогда и умереть. По вѣчной сущности моего рожденія, я былъ отъ вѣка, есмь и въ вѣчности пребуду! Лишь то, что составляетъ мое временное существо, умретъ и превратится въ ничто, ибо это принадлежитъ дню и должно исчезнуть, какъ время. Въ моемъ рожденіи рождены были всѣ вещи; я былъ самъ своей первопричиной и первопричиной всѣхъ вещей. И желалъ бы, чтобы не было ни меня, ни ихъ. Но не было бы меня, не было бы и Бога. Нельзя требовать, чтобы это было понято.

Одинъ великій учитель утверждаетъ, что его прорывъ въ вѣчность есть нѣчто болѣе высокое, нежели его первоначальный исходъ. Когда исходилъ я отъ Бога, сказали всѣ вещи: «естъ Богъ». Но не это можетъ дать мнѣ блаженство, ибо себя сознаю я при этомъ твореніемъ. А въ этомъ прорывѣ, когда хочу я быть свободнымъ въ волѣ Божьей, а также свободнымъ отъ этой воли Божьей, и отъ всѣхъ дѣлъ Его, и отъ Самого Бога, я больше всякой твари, я не Богъ и не тварь; я то, чѣмъ я былъ и чѣмъ я пребуду во всѣ времена! Тогда ощущаю я порывъ, который возноситъ меня выше ангеловъ. Въ этомъ порывѣ становлюсь я настолько богатъ, что не довольно мнѣ Бога со всѣмъ, что Онъ есть, со всѣми Его божественными дѣлами, ибо въ этомъ прорывѣ приѣмлю я то, въ чемъ Богъ и я—одно. Тогда я самъ то, что я былъ; не прибываю и не убываю, ибо я самъ тогда то неподвижное, что движетъ всѣми вещами. Тутъ Богъ не находитъ больше въ человѣкѣ обители, ибо вновь завоевалъ себѣ здѣсь человѣкѣ нищетой своей то, чѣмъ онъ предвѣчно былъ, чѣмъ навсегда останется. Тутъ поглощенъ Богъ

Духомъ. Это «послѣдняя нищета», какая только можетъ быть!

Кто не понимаетъ этой рѣчи, пусть и не печется о томъ, ибо покуда не доросъ онъ до этой правды—не пойметъ ея. Не придуманная это, а непосредственно истекающая изъ сердца Божьяго правда! Чтобы стала нашимъ удѣломъ жизнь, въ которой постигли бы мы сами эту правду, въ томъ да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

О СОЗЕРЦАНИИ БОГА И О БЛАЖЕНСТВѢ.

о свѣтѣ Твоемъ, Господи, мы узримъ свѣтъ!» говоритъ царь Давидъ.

Много толкуютъ учителя о томъ, какимъ образомъ человѣкъ долженъ созерцать Бога. Обыкновенно говорятъ, что это должно происходить «въ сіяніи

Славы». Мнѣ же такое пониманіе кажется спорнымъ и неустойчивымъ. Мнѣ уже приходилось раньше говорить, что человѣкъ носитъ «свѣтъ» въ себѣ самомъ, это его дѣйствительный разумъ: онъ долженъ быть свѣтомъ, въ которомъ человѣкъ, переживая блаженство, созерцаетъ Бога.

И вотъ какимъ образомъ они хотятъ это доказать: какъ существо сотворенное, каковъ онъ и есть, человѣкъ находится въ состояніи несовершенства, такъ что онъ по природѣ своей можетъ познавать Бога, какъ можетъ познавать Его твореніе, а именно въ образахъ и ликахъ, что я доказывалъ раньше; выйти же изъ себя самой при помощи лишь одной природной способности душа не можетъ; это должно скорѣй случиться въ условіяхъ сверхъестественныхъ, именно въ «сіяніи Славы»!

Этому противорѣчитъ понятіе, о которомъ я теперь хочу говорить. Святой Павелъ сказалъ однажды: «благодатію Божьею я есмь то, что есмь»! (Онъ говоритъ

«благодатию», а не то, что онъ самъ благодать; это не одно и то же!) Но всѣмъ извѣстно, что всегда ликъ даетъ веществу его сущность. Что такое благодать, это опредѣляется учителями различно; я говорю, что она есть нѣчто иное, чѣмъ просто «свѣтъ», непосредственно изливающійся въ душу изъ природы Бога: она есть сверхъестественный обликъ души, черезъ который Онъ далъ ей сверхъестественную сущность. И хотя я высказалъ мнѣніе и придерживаюсь его, что душа однимъ своимъ природнымъ дѣйствіемъ не можетъ выйти изъ себя, все же она можетъ это силой благодати, черезъ которую даруется ей сверхъестественная сущность. Но при этомъ вы не должны забывать, что благодать сама не дѣйствуетъ. Также возносить она и душу превыше всякаго дѣйствія.

Но хотя даруется благодать лишь сущности, воспринимается она также и силами души. Ибо если вообще надлежитъ душѣ что-либо тутъ дѣлать, она нуждается въ благодати, чтобы силою ея выйти изъ собственнаго дѣйствія (какъ познаніе и любовь).

Когда такимъ образомъ душа готова взлетѣть сама надъ собой и войти въ ничто, гдѣ нѣтъ ни ея самой, ни ея дѣйствія, тогда она «въ благодати». Напротивъ, быть самому «благодатью», означаетъ то состояніе, когда душа дѣйствительно себя опередила, себя одолѣла, когда она пребываетъ въ своей чистой безпредѣльности и сознаетъ одну лишь себя—какъ Богъ! Знайте — и это такъ же вѣрно, какъ то, что живъ Богъ!—покуда душа будетъ еще въ состояніи сознать себя, какъ нѣчто сотворенное и природное, и дѣйствовать сообразно этому, до тѣхъ поръ не стать ей самой «благодатью»,—но она можетъ быть «въ благода-

ти». Ибо для этого надобно, чтобъ душа была свободна отъ всякаго дѣйствія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, какъ свободна отъ него «благодать», незнающая никакого дѣланія,—это то самое, о чемъ святой Іоаннъ говоритъ такъ: «и отъ полноты Его всѣ мы приняли и благодать на благодати», именно надо сначала быть въ благодати, чтобъ потомъ стать самой благодатью. Высшее дѣйствіе благодати—привести душу къ тому, что есть она сама!

Благодать похищаетъ у души ея собственное дѣйствіе и также похищаетъ у нея ея собственное существо! Въ этомъ самоопереженіи душа поднимается надъ «естественнымъ свѣтомъ», свойственнымъ только творенію, и вступаетъ въ непосредственное сношеніе съ Богомъ.

*

Я хочу, чтобъ вы хорошо меня поняли; я пристушу теперь къ мысли, о которой никогда еще не говорилъ. Достойный Діонисій замѣчаетъ: «какъ только для духа перестаетъ существовать Богъ, такъ нѣтъ для него и первообраза, представляющаго его вѣчную первопричину».

Я утверждалъ и теперь утверждаю: только одно дѣло совершалъ Богъ извѣчно. Въ этомъ дѣлѣ — для Себя Самого—положилъ Онъ и начало души, но душа, ради излишества, вышла изъ этого вѣчнаго начала въ творенія, утратила такимъ образомъ тожество съ Богомъ и стала чуждой своему собственному подобію.

А между тѣмъ, это она, въ своемъ бытіи твари, создала «Бога»,—Его не было прежде, чѣмъ душа не стала твореніемъ. Раньше я говорилъ: «Я причина тому, что Богъ есть «Богъ», Богъ существуетъ благодаря душѣ,

но божество—Онъ Самъ черезъ Себя. Пока не было твореній, и Богъ не былъ Богомъ; но несомнѣнно былъ Онъ божествомъ, такъ какъ это имѣетъ Онъ не черезъ душу. Когда же найдетъ Богъ уничтожившуюся душу, такую, которая стала (силой благодати) ничто, поскольку она самость и своеволие, тогда творитъ въ ней Богъ (безъ всякой благодати) Свое вѣчное дѣло и тѣмъ, вознося ее, извлекаетъ ее изъ ея тварнаго бытія. Но этимъ уничтожаетъ въ душѣ Богъ Себя Самого и такимъ образомъ не остается больше ни «Бога», ни «души». Будьте увѣрены, это—самое существенное свойство Бога! Если достигла душа того состоянія, что стала способна страдательно воспринимать дѣйствіе Бога, тогда ей и не надо имѣть больше Бога! Тогда она вновь вѣчный прообразъ, въ которомъ вѣчно созерцалъ ее Богъ, тогда она вновь Его вѣчное Слово!—Итакъ, когда Діонисій говоритъ: «нѣтъ больше Бога для духа», подъ этимъ разумѣетъ онъ то, что я только что изложилъ.

Теперь можно спросить: въ томъ состояніи, когда душа стала вновь своимъ вѣчнымъ прообразомъ, — есть ли она—тотъ «свѣтъ», о которомъ говоритъ Давидъ: «въ немъ должна она узрѣть свѣтъ вѣчный!» Мы отвѣчаемъ: нѣтъ! не въ этомъ свѣтѣ должна узрѣть душа тотъ вѣчный свѣтъ, что сдѣлаетъ ее блаженной. Ибо — такъ сказалъ достойный Діонисій — «и его вѣчный прообразъ уничтожится для духа». Я хочу это пояснить, чтобы вы это лучше поняли.

Лишь только духъ совершитъ свой полетъ изъ себя, при чемъ уничтожится онъ, какъ образъ творенія, и черезъ то (какъ я ужъ сказалъ) освободится отъ Бога, такъ тотчасъ и душа, ставъ вновь своимъ вѣчнымъ прообразомъ, прорвется черезъ этотъ свой про-

образъ въ сущность—поскольку она обнаруживается въ Отцѣ. Таковъ смыслъ изреченія. И такъ протекаютъ черезъ душу всѣ вещи, возвращаясь къ Отцу, Который, какъ начало Своего вѣчнаго Слова, есть также и начало всѣхъ твореній.

Теперь вы могли бы спросить, есть ли этотъ «свѣтъ», то-есть Отецъ, тотъ самый свѣтъ, въ которомъ духъ созерцаетъ вѣчный свѣтъ? Я отвѣчаю: нѣтъ! А теперь слушайте хорошенько!

Только Богъ творитъ и создаетъ дѣла; Божество не дѣйствуетъ и не знаетъ творческой дѣятельности. Что же касается моего вѣчнаго образа, то для него Богъ не есть «Богъ», ибо тутъ Онъ не является творцомъ; тутъ душа моя приравнивается «Отцу». Ибо мой вѣчный прообразъ (по отношенію къ Божеству—«Сынъ») во всемъ равенъ Отцу.—Но въ Священномъ Писаніи сказано: «ничто не равно Богу»! Такимъ образомъ, чтобъ стать равной Богу, не должна ли душа обратиться въ Н и ч т о? Это предположеніе совершенно вѣрно! И все же мы должны замѣтить: гдѣ есть равенство, тамъ нѣтъ единства, ибо равенство «посягаетъ» на единство, и гдѣ есть единство, тамъ нѣтъ равенства, ибо равенство пребываетъ въ раздѣленіи и многообразіи. Гдѣ есть равносущность, тамъ нѣтъ единосущности! Я не равенъ самому себѣ, я—единъ, это одно и то же, что я есмь. Такъ и Сынъ въ Божествѣ: поскольку Онъ Сынъ, Онъ равенъ Отцу, но не одно съ Нимъ. Гдѣ Отецъ и Сынъ одно въ единствѣ божественнаго существа, тамъ нѣтъ больше равенства. Въ этомъ единствѣ Отецъ никогда не зналъ с Сынѣ, ни Сынъ объ Отцѣ, ибо тамъ нѣтъ ни Сына, ни Отца, ни Духа Святого. Когда же душа достигла Сына—вѣчнаго своего прообраза, въ которомъ она равна «Отцу»,—тогда про-

бивается она через вѣчный прообразъ и устремляется вмѣстѣ съ Сыномъ за предѣлы всякаго равенства, овладѣвая, вмѣстѣ съ лицами божества, единствомъ сущности. «Въ свѣтѣ Твоемъ, Господи, мы узримъ свѣтъ!» сказалъ Давидъ.—Это значить: въ свѣтѣ божественной единосущности должны мы созерцать божественное существо и все его совершенство, какъ открывается оно въ выявленіи Лицъ и въ единствѣ сущности. Святой Павелъ говоритъ: «мы должны быть перенесены изъ сіянія въ сіяніе, и стать равными Ему». Это значить: «изъ свѣта сотвореннаго перенесены мы будемъ въ сіяніе не сотворенное божественной сущности»; и «пробудемъ, какъ Онъ».

«Въ немъ живы всѣ творенія», говоритъ святой Іоаннъ: въ то время какъ Отецъ созерцаетъ Сына Своего, всѣ творенія отображаются въ Сынѣ, живыя. Это и есть истинная жизнь твореній. Но въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ говоритъ: «блаженны мертвые, умершіе въ Богѣ». Кажется великимъ чудомъ, что въ Томъ умираніе, Кто Самъ сказалъ про Себя, что Онъ есть жизнь. Но вникните глубже! Душа пробивается сквозь свой вѣчный образъ и впадаетъ въ чистое ничто своего вѣчнаго образа, это называется «умираніемъ» духа!

Умираніе есть не что иное, какъ «лишенія жизни». Когда душа увидитъ, что всякая опредѣленность, такъ или иначе приводитъ къ многообразію и разобщенію вѣчнаго образа съ Единствомъ, тогда Духъ переживаетъ смерть своего «я», ради своего вѣчнаго прообраза; и разбиваетъ свой вѣчный прообразъ и остается лишь въ единствѣ своей божественной сущности. Это—«блаженные мертвые, въ Богѣ умершіе». Никто не можетъ быть погребенъ и блаженъ въ божествѣ, если раньше не умретъ.

для Бога, возвратившись къ своему вѣчному прообразу, какъ я уже сказалъ. Наша вѣра говоритъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ:—Христосъ воскресъ изъ Бога въ Божество, въ единство божественной сущности. Такъ и христіанская душа, такъ и всѣ разумныя души. Когда умрутъ онѣ и для своего вѣчнаго прообразу, тогда воскреснутъ онѣ изъ этой смерти въ Божество и насладутся на этой высотѣ всѣми благами, всею полнотою божественной сущности, гдѣ духъ пребываетъ блаженнымъ!

Теперь слушайте о переживаніи блаженства! Блаженъ только Богъ въ Себѣ Самомъ. И всѣ творенія, которыхъ Онъ хочетъ сдѣлать блаженными, должны быть блаженны тѣмъ же блаженствомъ и такъ же, какъ Богъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что въ этомъ единствѣ духъ возносится надъ всѣми существами, даже надъ своимъ собственнымъ вѣчнымъ существомъ, надъ всѣмъ мірозданьемъ и надъ всякимъ равенствомъ, которое онъ сохраняетъ съ Отцомъ въ своемъ вѣчномъ образѣ, и вмѣстѣ съ Отцомъ возносится въ единство божественной сущности, гдѣ Богъ постигается, какъ одно цѣлое.

Въ этомъ переживаніи духъ перестаетъ быть твореніемъ, ибо онъ самъ тогда «блаженство»: онъ одно существо, одно естество съ Божествомъ, и въ то же время свое собственное блаженство и всѣхъ твореній. Да, я утверждаю: если и допустить, что Богъ сдѣлалъ бы то, чего сдѣлать не можетъ, и далъ бы испытать безусловную полноту блаженства духу, покуда онъ былъ бы еще твореніемъ, тогда невозможно, чтобы Богъ оставался для него «Богомъ», и чтобы духъ былъ при этомъ блаженъ и таковымъ оставался. Если бы кто-нибудь былъ на небѣ и увидалъ всѣхъ святыхъ, каждаго въ его блаженствѣ, тотъ ничего бы не нашелъ сказать о святыхъ,

а только о Богѣ. Блаженство, это всегда Богъ; и каждый кто блаженъ, тотъ въ переживаніи блаженства—Богъ и божественное естество, и существо Божее. У святого Павла сказано: «кто говоритъ, что онъ есть нѣчто, когда онъ ничто, тотъ самого себя обманываетъ»: въ переживаніи блаженства человѣкъ становится ничто и все сотворенное становится для него ничто! Относительно этого достойный Діонисій говоритъ: «Господи, приведи меня туда, гдѣ Ты—Ничто!» Это значитъ: «приведи меня, Господи, туда, гдѣ Ты превышаешь всякій сотворенный разумъ». Богъ, говоритъ святой Павелъ, живетъ въ свѣтѣ, котораго никому не достичь это значитъ: нельзя познать Бога ни въ какомъ сотворенномъ свѣтѣ.

Богъ есть Ничто, говорилъ Діонисій. Подъ этимъ можно разумѣть то, что у Августина выражено такъ: Богъ есть Все. Это значитъ: въ Немъ нѣтъ ничего! А когда Діонисій говоритъ, «Богъ есть Ничто»—это значитъ: никакихъ «вещей» нѣтъ у Него! Поэтому долженъ духъ подняться надъ вещами и всякой вещественностью, надъ всякимъ ликомъ и образомъ, даже надъ сущностью и надъ подобіемъ сущности. Тогда проявится въ немъ полная дѣйствительность блаженства, обладать которымъ дается существу какъ творящему разуму!

Какъ я сказалъ, человѣкъ созерцаетъ Бога уже въ этой жизни съ той же полнотой и бываетъ блаженъ совершенно въ той же мѣрѣ, какъ и послѣ этой жизни. Это многимъ людямъ покажется удивительнымъ. Поэтому приложите все стараніе что бы понять меня! Творящій разумъ проистекаетъ изъ вѣчной правды и заключаетъ въ себѣ по-своему все, что Богъ въ себѣ заклю-

чаетъ. И также постигаетъ этотъ благородный, божественный, этотъ «творящій разумъ» самого себя лишь самимъ же собою, подобно Богу. По своему происхожденію и по сущности бытія онъ есть безусловно Богъ; «твореніемъ же, напротивъ, становится онъ послѣ того, какъ выдѣлится для обособленія». Этотъ разумъ теперь въ насъ несомнѣнно такъ же прекрасенъ, какъ и по окончаніи этой жизни. Но можно спросить или сказать: какое же тогда различіе между этой жизнью и той, что должна наступить послѣ этой? Я отвѣчаю такъ: этому разуму присуще равное блаженство, какъ и Богу, но теперь этотъ разумъ пребываетъ въ насъ сокрытымъ.

Наша жизнь здѣсь на землѣ устроена всецѣло такъ, что Богъ и всѣ вещи познаются нами лишь какъ возможность. По окончаніи же этой жизни, когда мы освободимся отъ тѣла, эта возможность преобразится въ полную дѣйствительность блаженства, какъ то присуще творящему разуму. Но это «преображеніе» не сдѣлаетъ переживаніе блаженства болѣе совершеннымъ, нежели оно теперь. Ибо творящій разумъ не можетъ никоимъ образомъ увеличиться въ насъ; ему невозможно получить болѣе того, что уже заключено въ немъ по природѣ его. Поэтому, когда мы станемъ блаженны, возможность станетъ въ насъ дѣйствительностью, и мы будемъ вкушать только истинное блаженство, какъ оно свойственно божественной сущности. И такъ это разумѣлъ Давидъ говоря: Господи, въ свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ. Вмѣстѣ съ божественной сущностью должно также стать нашимъ и совершенство божественной сущности, а въ этомъ одномъ все наше блаженство,— здѣсь, какъ благодать, — тамъ, какъ полное обладаніе сущности.

ОБЪ ОБНОВЛЕНІИ ДУХА.

Renovamini spiritu mentis vestrae.

олжно вамъ обновиться въ духѣ ума вашего, поскольку онъ называется *mens*, «умъ». Такъ говоритъ святой Павелъ. И Августинъ прибавляетъ: одновременно и какъ принадлежность этой наивысшей душевной области ума—*mens*,— Богъ создалъ вмѣстѣ съ сущностью души способность, которую учителя называютъ ларцомъ или хранилищемъ духовныхъ обликовъ и обличенныхъ образовъ. Эта сила уподобляетъ душу Богу-Отцу. Въ изліяніи Своей божественности, черезъ выявленіе Лиць Божества, излилъ Онъ всю полноту Своей Божественной сущности въ Сына и Духа Святого, подобно тому, какъ въ душѣ изливаетъ память сокровище своихъ образовъ въ другія способности. Но пока душа благодаря этой способности видитъ ликъ, видитъ ангела или себя самоё, какъ нѣкое обличіе: до тѣхъ поръ это несовершенство ея.

Даже если и Бога видитъ она, поскольку Онъ Богъ, поскольку Онъ образъ, поскольку Онъ — Троица,—это не совершенство ея! Когда же отойдетъ отъ души все образное, когда она будетъ видѣть одно лишь Единое, тогда восприметъ чистая сущность души чистую близкую сущность божественнаго Единства, даже сверхсущность.—Сама же она, пребывая страдательной, покоится

въ себѣ. О, чудо изъ чудесъ! Какая эта благородная страдательность, когда Сущность души не можетъ принять ничего меньшаго чѣмъ чистое Единство Божіе!

«Вы должны обновиться въ духѣ!» говоритъ святой Павелъ. Обновляться могутъ всѣ творенія, которыя ниже Бога. Но для Бога нѣтъ обновленія, а только вѣчность. Что есть вѣчность? Свойство вѣчности то, что въ ней бытіе и юность одно и тоже. Ибо вѣчность не была бы вѣчной, еслибъ должна была вновь становиться, а не была бы всегда. Но только утверждаю я, обновленіе дано ангелу лишь постольку, поскольку существуетъ для него будущее; ангелъ знаетъ о грядущихъ вещахъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой Богъ открываетъ ему ихъ.

Также можетъ быть обновлена и душа. Прежде всего, когда она въ собственномъ смыслѣ зовется душою, а такъ именуется она, поскольку даетъ тѣлу жизнь и образъ. Но также можетъ быть обновлена она, когда называютъ ее духомъ. Постольку зовется она духомъ, постольку свободна она отъ «здѣсь» и «теперь», отъ всего природнаго. И поскольку она подобіе Божіе и безъимянна, какъ Богъ, не касается ея обновленіе, а лишь вѣчность одна, какъ и Бога. Замѣйте себѣ хорошенько! Богъ не имѣетъ наименованія, ибо никто о Немъ ничего не можетъ сказать или знать. Въ этомъ смыслѣ говоритъ одинъ языческій мудрецъ: то, что мы знаемъ и высказываемъ о первопринципѣ, это больше мы сами, нежели первопринципъ; ибо она выше всякого выраженія и познанія! И такъ, если я скажу: Богъ добръ, то это неправда: я добръ, Богъ не добръ. Я скажу больше: я лучше Бога! Ибо лишь то, что хорошо, можетъ стать лучше, а лучшее,—наилучшимъ. Богъ не

хорошъ, а потому не можетъ быть лучше, а не можетъ быть лучше, не можетъ стать и наилучшимъ. Далеки отъ Бога эти три опредѣленія: «доброе», «лучшее», «наилучшее»; Онъ выше всего этого! Если я скажу еще: Богъ мудръ, это неправда, я мудрѣе Его. Скажу ли: Богъ есть нѣчто сущее, это—неправда, Онъ есть нѣчто преизбыточное, Онъ сверхсущее Небытіе.

Объ этомъ говоритъ святой Августинъ: наилучшее, что можетъ человѣкъ сказать о Богѣ, это умѣть молчать отъ полноты премудрости внутренняго богатства. Поэтому молчи и не болтай о Богѣ. Ибо, когда ты болтаешь о Немъ, то ты лжешь, творишь грѣхъ. Если хочешь быть безъ грѣха и совершененъ, то не болтай о Богѣ!

И познать о Богѣ ты ничего не можешь, ибо Онъ превъше всякаго познанія. Одинъ мудрецъ говоритъ: будь у меня Богъ, котораго я бы могъ познать, не захотѣлъ бы я больше считать Его за Бога! Если позналъ ты что-либо о Немъ, то знай, это не Онъ. Но когда ты мнишь все же что-либо знать о Немъ, ты впадаешь въ состояніе безсознанія, а это значить—въ состояніе скота! Ибо твари, лишенныя познанія, подобны скотамъ. Такимъ образомъ, если не хочешь опуститься до состоянія скота, не ищи познать Бога, во вѣки Неисповѣдимаго! «Ахъ, какъ же мнѣ быть тогда?» Отрѣшись всецѣло отъ твоего, излейся въ тишину Его Сущности; какъ было раньше. Онъ—тамъ, ты—здѣсь, сомкнется тогда въ единое мы, гдѣ ты—отнынѣ Онъ.—Вѣчнымъ разумомъ познаешь Его, неизреченное ничто, какъ предвѣчное «Есмь!»

«Вы должны обновлены быть въ духѣ!» говоритъ святой Павелъ. Если же мы хотимъ обновиться въ духѣ, тогда всѣ шесть силъ души, какъ высшія, такъ и низ-

шія, должны каждая надѣть золотое кольцо: позолоченное золотомъ Божьей любви.

Послушайте сначала о низшихъ силахъ; ихъ три: первая именуется даромъ различенія (*rationale*); на ней золотое кольцо «Просвѣщеніе», что значитъ: пониманіе твое, внѣ времени, во всѣ времена просвѣщается свѣтомъ Господнимъ.

Вторая сила именуется: гнѣвная (*irascibile*); на ней кольцо «Твой—миръ!» Почему?—Поскольку въ мирѣ, постольку въ Богѣ, поскольку внѣ мира, постольку внѣ Бога!

Третья сила именуется «желаніемъ» (*concupiscibile*), ей надѣнь кольцо «Довольно!», что значитъ: съ тебя должно быть довольно всякихъ тварей Господнихъ. Но Бога не должно быть тебѣ довольно никогда! Бога не можетъ быть тебѣ никогда довольно: чѣмъ полнѣе имѣешь ты Бога, тѣмъ больше хочешь Его. Если бы могло стать тебѣ довольно Бога, если бы «довольно!» могло когда-либо быть отнесено къ Богу, то Богъ не былъ бы Богомъ.

И на высшія силы долженъ ты на каждую надѣть золотое кольцо. Высшихъ силъ также три. Первая именуется возможностью сохраняющей (*memoria*). Эту силу уподобляютъ Отцу въ Троицѣ. На ней долженъ ты носить золотое кольцо «Сохраненіе», чтобъ всѣ вѣчныя вещи сохранялись въ тебѣ.

Вторая именуется разумомъ (*intellectus*). Эту силу уподобляютъ Сыну. На ней также долженъ ты носить золотое кольцо «Познаніе». Дабы внѣ времени, во всѣ времена, познавать тебѣ Бога.—«Какъ такъ?» Ты долженъ познавать Его безъ помощи образа, безъ посредства, безъ уподобленія.—«Но если я познаю Его безъ посредства, я стану вполне Онъ, а Онъ—я!» Это именно я и разумѣль.

Богъ долженъ стать «я», а «я»—Богомъ, такъ всецѣло однимъ, чтобъ этотъ Онъ и это «я» стали Одно и такъ пребыли,—какъ чистое бытіе,—чтобъ и творить въ вѣчности единое дѣло! Ибо покуда этотъ Онъ и это «я», или что то же—Богъ и душа, не станутъ единымъ «Здѣсь!» и единымъ «Теперь!»,—до тѣхъ поръ «я» и Онъ никогда не смогутъ дѣйствовать вмѣстѣ или стать всецѣло единымъ.

Третья сила именуется волей (voluntas). Эту силу уподобляютъ Духу Святому. На ней долженъ ты носить золотое кольцо «Любовь», чтобы любить тебѣ Бога! Любить же Бога ты долженъ, не соображаясь съ Его благосклонностью или съ чѣмъ другимъ; не потому — что Онъ милостивъ! Богъ совсѣмъ не благосклоненъ; Онъ выше всякой любви, всякой милости. «Какъ же долженъ я Его любить?» Ты долженъ любить Бога внѣ духовности. Это значить: твоя душа должна быть недуховной, лишенной всякаго лика духовности. Ибо пока душа твоя сохраняетъ образъ духа, до тѣхъ поръ держится она образнаго. Пока она такова, она не обладаетъ единствомъ, и также единородностью. А разъ она не обладаетъ ими, не можетъ она никогда по-настоящему любить Бога, потому что истинная любовь покоится на рожденіи въ Богѣ. Поэтому должна твоя душа стать свободной отъ всякаго духа, стать внѣ духа. Ибо если ты еще любишь Бога, какъ духа, какъ Лицо, какъ нѣчто имѣющее образъ, то отринь все это!—«Но какъ же долженъ я тогда любить Его?»—Ты долженъ любить Его, такимъ, каковъ Онъ есть: не-Богъ, не-Духъ, не-Лицо, не-Образъ, но одно чистое, свѣтлое единство, далекое отъ всякой двойственности. И въ это единое «Ничто» должны мы вѣчно погружаться изъ бытія. Въ этомъ да поможетъ намъ Господь! Аминь.

СИЛЬНА, КАКЪ СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ.

Fortis est ut mors dilectio.

сказаль по-латыни изреченіе, написанное въ Пѣсни Пѣсней; по-нѣмецки гласить оно такъ: любовь сильна, какъ смерть.

Это изреченіе какъ разъ подходитъ для восхваленія возлюбившей Христа великой любовью святой Маріи Магдалины, о которой столько писали святые евангелисты, что слава о ней распространилась по всему христіанскому міру, и такъ далеко, какъ это рѣдко бываетъ. И хотя многія достоинства и добродѣтели ея заслуживаютъ прославленія, но горячая и прелекая любовь ея ко Христу горѣла въ ней съ такой неизреченной силой и такъ въ ней дѣйствовала, что именно эту любовь и дѣйствіе ея по всей справедливости можно сравнить съ непреклонной смертью. Оттого и можетъ быть сказано о ней: «Сильна, какъ смерть, любовь».

Три вещи, которыя производитъ въ человѣкѣ смерть тѣла, совершаетъ любовь въ человѣческомъ духѣ. Во-первыхъ: смерть похищаетъ и отнимаетъ у человѣка всѣ преходящія вещи, такъ что не можетъ онъ уже какъ раньше, ни обладать, ни пользоваться ими. Во-вторыхъ: проститься нужно ему и со всѣми духовными благами, радовавшими тѣло и душу: съ молитвой, съ созерцаніемъ

и добродѣтелью, со святымъ паломничествомъ, словомъ, со всѣми хорошими вещами, которыя даютъ утѣшеніе, усладу и радость духовному человѣку; ничего этого не можетъ онъ больше дѣлать подобно тому, кто мертвъ на землѣ. Въ третьихъ: смерть лишаетъ человѣка всякой награды и достоинства, которыя онъ могъ бы еще заслужить. Ибо послѣ смерти не можетъ онъ уже больше ни на волосъ двинуться въ Царствіи Божіемъ: онъ остается съ тѣмъ, что уже здѣсь приобрѣлъ. Эти три вещи должны мы принять отъ смерти, ибо она—разставаніе тѣла съ душой. Но если любовь къ Господу нашему «сильна какъ смерть», она также убиваетъ человѣка въ духовномъ смыслѣ и по-своему разлучаетъ душу съ тѣломъ. Но происходитъ это тогда, когда человѣкъ всецѣло отказывается отъ себя, освобождается отъ своего «я», и такимъ образомъ разлучается самъ съ собой. Происходитъ же это силой безмѣрно высокой любви, которая умѣетъ убивать такъ любовно. Называютъ же ее недугомъ сладкимъ и смертью оживляющей. Ибо такое умираніе есть изліяніе жизни вѣчной, смерть тѣлесной жизни, въ которой человѣкъ всегда стремится жить для собственнаго своего блага.

Но эта сладкая, отрадная смерть производитъ въ человѣкѣ все это лишь тогда, когда она настолько сильна, чтобъ дѣйствительно убить его, а не сдѣлать его только хилымъ, какъ случается это со многими людьми, которые долго хирѣютъ, прежде чѣмъ умереть. Другіе хирѣютъ не долго. А еще другіе умираютъ смертью скоропостижной. Также бываетъ часто, что люди долго колеблются и разсуждаютъ прежде, нежели преодолѣютъ себя настолько, чтобъ для Бога всецѣло отказаться отъ себя. Ибо часто поступаютъ они такъ, словно хотятъ

положить свою душу и умереть: но опять возвращаются къ прежнему и жадно ищутъ еще хоть какой-либо малой для себя выгоды; такъ что дѣлаютъ они не исключительно ради Бога, а кое что оставляютъ и для себя. И до тѣхъ поръ они все еще не мертвы по настоящему, но, умирая, чахнутъ противъ воли своей; покуда, наконецъ, благодать Божія, то-есть любовь, не одолѣетъ и они не умрутъ вполнѣ для себялюбія. Ибо ничто не можетъ умертвить себялюбія и корысти, которыя суть жизнь и природа человѣка, кромѣ любви сильной, какъ смерть, иначе никакъ не могутъ быть умерщвлены эти свойства. Потому и терпятъ такую муку тѣ, что въ аду. Ибо они алчутъ только своего, алчутъ, какъ бы освободиться имъ отъ муки! И никогда не можетъ имъ быть дано это. Потому и умираютъ они вѣчною смертію, что жажда своекорыстія не умерла въ нихъ и никогда умереть не можетъ. И ничто въ мірѣ не можетъ имъ помочь, кромѣ одной любви, которой они совсѣмъ непричастны.

Такимъ образомъ любовь не только сильна, какъ тѣлесная смерть, она гораздо сильнѣе адской смерти, которая не можетъ помочь осужденнымъ, какъ та любовная смерть, что одна дѣйствительно убиваетъ жизнь желанія и своекорыстія. И происходитъ это на трехъ ступеняхъ

На первой разлучаетъ эта смерть, то-есть любовь, человѣка съ преходящимъ, съ друзьями, имуществомъ и почестями, и всѣми твореніями, такъ что ничѣмъ онъ больше не владѣетъ и не пользуется ради себя, и предумышленно не двинетъ ни однимъ членомъ по собственной волѣ и ради собственной пользы. Разъ это достигнуто, душа тотчасъ начинаетъ искать благъ духовныхъ и обращается къ нимъ, къ молитвѣ, благоговѣнію, добродѣтели, восхищенію, къ Богу. О нихъ научается она радѣть и

ими научается наслаждаться съ упоеніемъ, оно же выше всѣхъ наслажденій, которыми утѣшалась она раньше. Ибо эти духовныя блага, по самой природѣ своей, болѣе свойственны ей, нежели блага вещественныя. И оттого, что Богъ такъ создалъ душу, что она не можетъ быть безъ утѣшенія, а отъ вещественныхъ радостей она отказалась, чтобы обратиться къ духовнымъ, они даютъ ей такую отраду, что гораздо труднѣе ей разстаться съ ними, нежели было ей раньше разставаться съ вещественными. Ибо тотъ, кто самъ это испыталъ, хорошо знаетъ, что часто бываетъ гораздо легче отказаться отъ всего міра, нежели отъ одного какого-нибудь утѣшенія, одного задушевнаго чувства, какое иногда дается въ молитвѣ или другомъ какомъ духовномъ подвигѣ.

Но все это лишь начало по сравненіи съ тѣмъ, что слѣдуетъ дальше, и для чего любовь дѣйствуетъ въ человѣкѣ. Если любовь дѣйствительно сильна, какъ смерть, то она дѣйствуетъ и иначе: она заставляетъ человѣка отказаться и разстаться также со всякимъ духовнымъ утѣшеніемъ и подобными благами, о коихъ ужъ сказано выше; чтобъ человѣкъ свободно и вольно согласился покинуть для Бога все, что до сихъ поръ радовало его душу, чтобы отказался наслаждаться этимъ или желать этого.

Боже! кто и не смогъ бы этого достигъ, того принудила бы къ тому любовь къ Тебѣ: откажется онъ отъ Тебя, Тебя ради, и отрѣшится отъ Тебя, ради Тебя. Какую же лучшую и болѣе драгоценную жертву, ради Него, могли бы принести Богу, какъ не Его Самого! Но не дивно ли это, что Ему въ даръ приносишь Его же и платишь за Него Имъ же Самимъ!

Къ сожалѣнію, такихъ людей немного, которые согласны отказаться отъ преходящихъ вещественныхъ благъ, ибо

отказавшись, часто все же чувствуютъ влеченіе къ вещамъ внѣшнимъ. Но насколько рѣже встрѣчаются такіе люди, которые охотно оставляютъ духовныя блага, въ сравненіи съ чѣмъ всѣ вещественныя блага—ничто. Ибо Тобою обладать, Господи (говоритъ одинъ учитель), это—лучшее, что когда-либо могъ даровать міръ, что когда-либо даруетъ, отъ начала вѣковъ и до Страшнаго Суда!

Но какъ ни безмѣрно высока и рѣдка такая отрѣшенность, есть еще одна степень, поднимающая человѣка на болѣе гордую высоту совершенства въ достиженіи его конечной цѣли. Это совершаетъ любовь, которая тогда сильна, какъ разбивающая наше сердце смерть! И это бываетъ, когда человѣкъ отрѣкается и отъ вѣчной жизни, и отъ сокровищъ вѣчности—отъ всего, что онъ могъ бы имѣть отъ Бога и Его даровъ; такъ что вѣчную жизнь для себя и ради себя онъ ясно и сознательно никогда уже не принимаетъ за цѣль и не радѣетъ о ней; когда надежда на вѣчную жизнь его больше не волнуетъ и не радуетъ, и не облегчаетъ ему бремени. Лишь это—истинная степень подлиннаго и совершеннаго отрѣшенія. И только любовь даетъ намъ такое отрѣшеніе, любовь, которая сильна, какъ смерть: и она убиваетъ въ человѣкѣ его «я», и разлучаетъ душу съ тѣломъ, такъ что душа, ради пользы своей, не хочетъ имѣть ничего общаго съ тѣломъ и ни съ чѣмъ ему подобнымъ. А потому разстается она вообще и съ этимъ міромъ, и отходитъ туда, гдѣ ея мѣсто по заслугамъ ея. А что же иное заслужила она, какъ не уйти въ Тебя, о Богъ Предвѣчный, если ради этой смерти черезъ любовь ты будешь ея жизнью.

Чтобы совершилось это съ нами, въ томъ да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

щите Царствія Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ» (Матѳея 6, 33). Когда Христось велитъ намъ искать Царствія Божія, то прежде всего должно намъ понять, что это за Царствіе такое? Отъ васъ требуется серьезное сотрудничество. Царство Божіе это Онъ Самъ во всей подлинности Своей. Но это Царство воспринимаемъ мы и въ своей душѣ! Поэтому Христось говоритъ также: «Царство Божіе внутри васъ».

Теперь обратите все вниманіе на то первое Царство! умудренные въ вещахъ божественныхъ утверждаютъ, что особенности этого Царства — единство сущности при Троичности въ Лицахъ. Вопросъ въ томъ: гдѣ же подлинная обитель блаженства Божія? На это мы отвѣчаемъ и говоримъ такъ: блаженство Божіе хотя и пребываетъ въ Богѣ всегда однимъ, постояннымъ, но для нашего разумѣнія Богъ неизмѣримо блаженнѣе, въ единствѣ сущности, нежели въ Троичности Лиць, что и хотимъ мы доказать.—Начнемъ съ происхожденія Лиць Божества.

«Въ Началѣ было Слово», съ этого начинается святой Іоаннь. Это начало или Первоисточникъ Слова есть Богъ-Отець, какъ доказано у Августина. Возникаетъ вопросъ: не имѣетъ ли и Отець начала? И на это от-

вѣчаемъ мы: да! Но начало Его изначально и неисповѣ-
димо, что и хочу я доказать.

Въ Божествѣ, говорятъ богословы, надо различать
сущность и осуществленіе ея. Въ области божествен-
наго Сущность означаетъ Божество въ болѣе узкомъ
смыслѣ, и это есть первое, что мы постигаемъ въ Богѣ.
Божество полагаетъ основу для дальнѣйшаго божествен-
наго самосовершенствованія. Согласно этому, Оно есть
въ Себѣ Самомъ пребывающее неизмѣнное Единство и
паращая тишина; но въ то же время и источникъ всѣхъ
обособленій, поэтому необходимо сказать «родникъ».—
Это первое явленіе мы называемъ—сущностью. Ибо
наиболѣе подходящее выраженіе и первое опредѣленіе
для Божества, которое можно примѣнить, есть Сущее.
Это существованіе, взятое въ чистомъ смыслѣ, въ ко-
торомъ «Богъ» есть дѣйствительно нѣчто сущее, не
означаетъ однако, что всесущее есть уже «Богъ».

Что можемъ мы еще предположить о происхожденіи
Отца? Названіемъ «родникъ» мы даемъ Ему ближай-
шее опредѣленіе: такъ какъ Божество въ основѣ Своей
есть Разумъ, божественная сущность исходитъ изъ Бо-
жества, какъ понятіе—«Иное» (Иное, и все же не
иное, ибо это обособленіе есть чистое понятіе, а не что
либо вещественное).

Спрашивается, которое изъ этихъ опредѣленій по-
дойдетъ къ Лику Отца? Отвѣтъ нашъ будетъ: Сущ-
ность въ Божествѣ; но теперь ужъ не въ прежней сво-
ей неопредѣленности, а какъ начало рождающее. Это есть
опредѣленіе, которое выдѣляетъ Отца, какъ божествен-
ное Лицо. Но въ Отцѣ уже заключена вся полнота Бо-
жества. Такимъ образомъ, первое Лицо произвольно
возникаетъ изъ Божества: не въ силу дѣятельности

первоисточника. Ибо послѣдній не владыка надъ самимъ собою. Поэтому когда святой Іоаннъ говоритъ: «въ Началѣ было Слово», не надо понимать этого такъ, что Начало есть Божество или божественная Сущность, но лишь Отецъ есть дѣйственная первопричина Сына.

Исплѣдуемъ теперь, какимъ образомъ въ Отцѣ заключенъ уже и Сынъ. Когда Отецъ смотритъ внутрь Себя, Онъ въ Себѣ постигаетъ, какъ дѣятельное начало, еще заключенную въ Немъ, но устремляющуюся наружу божественную природу Свою. Къ этой сущности, какъ къ рождающей силѣ (а тѣмъ самымъ и къ природѣ), присоединяется бытіе «въ себѣ». Но та самая природа, которая въ «Отцѣ» содержится, какъ дѣятельная, въ «Сынѣ» содержится, какъ воспринимающая, и распадается при этомъ на два самосущихъ. Такъ отъ Отца Сынъ получаетъ полную божественность. Ибо когда за обособленностью Лицъ постигнуть единую природу, тогда постигнуть, что такое рожденіе преходящаго преходящимъ, божественнаго божественнымъ.

И черезъ это сущность приобрѣла образъ. Учатъ святые и наставники,—что какъ Лица берутъ свое начало въ божественной сущности, такъ и сущность первоначально устанавливается Лицами. И обратно, лица—соотвѣтствующимъ обособленіемъ Сущности. Какъ понятіе «Отцовство» явно предполагаетъ Отца, такъ понятіе «Сыновство» явно предполагаетъ Сына. Рождающій и Рожденный суть послѣднія опредѣленія, которыя еще относятся къ божественной сущности: Они для нея качества дополнительныя, не самостоятельныя.

И Слово было у Бога. Теперь обратите вниманіе, что Слово тоже, что отъ Отца рожденный Сынъ, хотя

и остается внутри сущности, но въ то же время выдѣляется, какъ Лицо!

Каждому разумному понятію,—такъ учатъ наставники,—соотвѣтствуетъ понятное слово. Когда Богъ-Отець внутренне постигаетъ Самого Себя, Его собственная природа становится предметомъ Его пониманія: Отець замѣчаетъ Себя. Этимъ прибавляется къ природѣ еще одно опредѣленіе, которое называется самосознаніемъ.

Въ этомъ смыслѣ Сынъ остается по существу въ Отцѣ; и все же противопоставляется Ему, какъ Лицо, соотвѣтственно тому, какъ двоякая цѣль этого дѣйствія.

Такимъ образомъ, Сынъ рождается и исходитъ изъ Отцовскаго сердца, «Слово» произнесено—какъ говорить вѣчная мудрость: «я вышла изъ устъ Всевышняго»:—произошла изъ пониманія своей собственной сущности, какъ существенное слово Божественнаго Отца.

„И Слово было у Бога“ означаетъ слѣдовательно: какъ отдѣльное отъ Отца Лицо, что здѣсь и разъясняется.

Замѣтите, какъ дальше рождаютъ эти двое въ своемъ союзѣ Святого Духа. Вотъ разъясненіе учителей: когда Отець любя изливается въ Сына, то и тутъ также возгорается любовь и вновь отнынѣ изливается Сынъ въ Отца. Это изліяніе себя обоихъ въ любви есть установленіе общаго духа, духа Отца и Сына.

Спрашивается: въ томъ же ли смыслѣ Духъ Святой есть опредѣленіе божественной природы, какъ и Сынъ? На это скажемъ мы: нѣтъ! Ибо для этого онъ долженъ былъ бы, подобно Сыну, происходить отъ движенія божественной природы. А это не такъ, ибо тогда въ Божествѣ было бы два Сына. Наоборотъ, особое свойство Св. Духа прежде всего одарять божественной природой;

Его исхожденіе принадлежитъ къ свободной области воли; такъ какъ только Сынъ, согласно Своему природному происхожденію, есть подобіе Отца, а не Духъ Святой, то и взаимный обмѣнъ происходитъ лишь между Родившимъ и Рожденнымъ, а не съ Духомъ Святымъ.

Во всемъ этомъ, благородная душа, постарайся найти разумомъ Царствіе Божіе. Говоритъ же святой Іоаннъ: и Слово было Богъ. Это указываетъ намъ на Единосущность Лицъ въ Божественной сущности. Возстань, благородная душа, вознесись въ божественное чудо! Ахъ, въ то высокое чудо, гдѣ Три Лица соединены въ одну единую сущность. Лишь тутъ, въ такомъ полномъ единствѣ, гдѣ Сущій превыше всѣхъ существъ, Богъ есть въ Себѣ Самомъ Царство.

Возникаетъ вопросъ: не можетъ ли Божественная сущность, уже какъ таковая, безъ раздѣляющихъ выявленій, (учителя называютъ ихъ вѣчными ликами жизни),—заключать блаженство Божіе, а вмѣстѣ и блаженство твореній? На это мы отвѣчаемъ: нѣтъ! Ибо сущность въ чистомъ своемъ видѣ тождественна въ Богѣ и твореніяхъ. Наоборотъ, блаженство Бога и блаженство души заключается въ Божественной сущности, поскольку она имѣетъ въ себѣ всѣ опредѣленія, которыя мы назвали вѣчными ликами жизни, тѣ, что прежде всего осуществляютъ эту сущность!

Однако нѣкоторые учителя говорятъ: душѣ достаточно сосредоточиться только на одномъ изъ этихъ обликовъ, оставляя другіе въ сторонѣ, чтобъ быть блаженной. Но это не такъ! Ибо тогда каждый изъ этихъ обликовъ, отдѣленный отъ сущности, долженъ былъ бы имѣть основу въ себѣ самомъ, а это невозможно. Поэтому такое утвержденіе невѣрно. Наоборотъ, въ томъ

заключается блаженство души, что она постигаетъ, какъ единое цѣлое, эти вѣчные лики жизни, эти расчлененныя выраженія божественной Сущности. Ибо здѣсь нѣтъ никакого дѣленія, здѣсь Богъ есть сверхсущее Единое блаженство для себя Самого и всѣхъ твореній въ полномъ осуществленіи своего Божества! Знайте, что Самъ Богъ въ этомъ Единствѣ постигъ раздѣленіе, не иначе, какъ въ одномъ крѣпко замкнутомъ цѣломъ! Въ этомъ единеніи Онъ свободенъ: никогда Божество не дѣлало «того» или «этого»—Богъ же изначала творить всѣ вещи. Гдѣ Богъ является Творцомъ, тамъ Онъ разнообразенъ и познаетъ всякое разнообразіе; гдѣ Онъ—Одно, тамъ Онъ воленъ и свободенъ отъ всякаго дѣла, но въ этой единосущности Онъ познаетъ только то, что Онъ есть подлинно въ Себѣ Самомъ.

Вотъ что означаетъ—Слово было Богъ: Единосущность. Оно было въ Началѣ у Бога, какъ ему равное по мудрости, истинѣ, благодати, по всякому основному совершенству; это восходитъ до вѣчныхъ ликовъ жизни, до выявленія и полноты божественной сущности!

Такъ прежде всего надо понимать сверхсущее единство въ Царствѣ Божіемъ, котораго ищетъ Духъ, такъ его познавать и такъ къ нему стремиться.

Съ другой стороны, подъ Царствомъ Божіимъ разумѣемъ мы душу. Ибо душа создана подобной Божеству. Поэтому все, что тутъ сказано о Царствѣ Божіемъ, поскольку Самъ Богъ есть это Царство, можно по истинѣ сказать и о душѣ. Все черезъ Него было, говоритъ дальше святой Іоаннъ. Подъ этимъ понимать надо душу, ибо душа есть все. Она все, такъ какъ она подобіе Бога. Какъ таковое, она также—Царство

Божіе. И какъ Богъ есть въ Себѣ Сущій безъ начала, такъ въ царствѣ души Онъ есть Сущій безъ конца. Потому Богъ въ душѣ, говоритъ одинъ учитель, что все Его богобытіе покоится на ней. Это есть высшее состояніе, когда Богъ—въ душѣ, выше того, чѣмъ, когда душа—въ Богѣ: что она—въ Богѣ, отъ этого она еще не блаженна, но блаженна отъ того, что Богъ въ ней. Вѣрите: Богъ—Самъ блаженъ въ душѣ! Ибо, если Богъ и выходитъ изъ Себя Самого, когда творитъ душу, Онъ тѣмъ самымъ и утверждаетъ Себя въ ней настолько, что и Свое Божеское сокровище и Свое Божественное Царство все вкладываетъ въ душу: «Царство Божіе подобно сокровищу, скрытому въ полѣ», говоритъ Христось. Поле это—душа, гдѣ сокрыто лежитъ сокровище Царства Божія. Поэтому и Богъ, и всякое твореніе блаженны въ душѣ.

То, что мы говоримъ о душѣ, относится къ ней, поскольку она есть подобіе Божіе; поэтому изслѣдуемъ, на чемъ основано это подобіе. На силахъ, отвѣчаетъ одинъ учитель, и обыкновенно это считается вѣрнымъ. Но такое положеніе вѣрно лишь тогда, когда его правильно понимаютъ: если разумѣть тутъ силы, какъ нѣчто раздѣльное, то это не есть послѣдняя правда; если принять ихъ, какъ наивысшее, что можетъ явить душа, — сліяніе въ Единомъ,—тогда положеніе вѣрно.

Тутъ, именно, въ подобномъ божественномъ дѣяніи, душѣ подобаетъ еще разъ проникнуть взоромъ, — духовнымъ и непосредственнымъ, въ Божественную природу. Въ этомъ дѣяніи овладѣваетъ она собственной своей высшей наидѣйствительной сущностью въ Богѣ. Въ этомъ дѣяніи для прообраза души всѣ вещи божественны. Ибо

этотъ прообразъ въ такомъ наиболѣе свойственномъ ему дѣяніи есть Самъ Богъ по существу и блаженъ. Но не для своего сознанія: въ тотъ самый мигъ, когда онъ смотритъ въ себя и себя видитъ, онъ въ то же время постигаетъ и Бога, какъ непосредственно Сущаго въ немъ. Поэтому блаженъ онъ по существу отъ себя самого для своего самосознанія въ силу божественной сущности. Одинъ учитель говоритъ: этотъ прообразъ непосредственно исходитъ отъ Бога, и въ тотъ же мигъ постигаетъ себя, дѣйствиємъ разума, какъ безраздѣльно заключеннаго въ Богѣ. Такимъ образомъ его происхожденіе изъ божественной сущности и пребываніе въ ней являютъ для постиженія разума двѣ стороны одного и того же духовнаго свершенія.

Знайτε, какъ Богъ живъ, что тутъ, въ прообразѣ своемъ душа никогда не познавала ничего конечнаго, какъ конечное, а также не было для нея въ этомъ ни пространства, ни времени! Ибо прообразъ души—всѣ вещи,—Богъ. Кислое и сладкое, доброе и злое, малое и большое, — все едино въ этомъ прообразѣ. Какъ мало измѣняется божественная природа отъ всего, что принадлежитъ конечному, такъ же мало и этотъ прообразъ измѣняется отъ всего, что вступило во время. Ибо онъ постигаетъ всѣ вещи и поступаетъ съ ними по закону жизни Божества.

Теперь можно спросить: если такимъ образомъ это Царство есть въ насъ, почему оно намъ неизвѣстно?

На это мы отвѣчаемъ такъ: при той природной склонности, которую душа питаетъ къ твореніямъ, все ея дѣйствіе должно брать свое начало въ образахъ конечныхъ вещей. (И многіе думаютъ, что и прообразъ этотъ также относится къ этой области. Никогда! Такіе люди

до отчаянія мало понимаютъ благородную природу души). Это дѣйствіе въ конечномъ есть дѣло обыденнаго разсудка. Хотя дѣятельность его и беретъ свое начало въ высшей области мысли; она начинается съ образа разума, который по содержанію опредѣляется образомъ воображенія, но по существу тѣмъ наивысшимъ, Бого-созерцающимъ прообразомъ; имъ же душа такъ обогащается, что становится способной постичь правду всѣхъ вещей. Къ этой дѣятельности ума устремляется тотчасъ воля, которая есть не что иное, какъ влеченіе чувствъ. И такимъ образомъ обыкновенный разсудокъ принимаетъ вещи за нѣчто дѣйствительное; а воля принимаетъ ихъ за добро! Слѣдовательно, вещи всегда имѣютъ предметомъ своей дѣятельности самихъ себя. Поэтому они далеко не достигаютъ Бога. Ибо Богъ и не добръ, и не дѣйствителенъ. И въ той же мѣрѣ, какъ Богъ отрѣшенъ и отдѣленъ ото всего, что можетъ понимать твореніе, такъ же точно относится къ этому и высшее подобіе Божества.

Но, спросятъ, нѣтъ ли между Богомъ и твореніями взаимнаго стремленія другъ къ другу? Мы отвѣтимъ слѣдующее. Богъ не томится по творенію, ибо Богъ смотритъ всегда лишь въ Самого Себя! Но твореніе томится по Богу. Ибо все, что когда-либо излилось, взираетъ въ оцѣпенѣннн на Него. Примѣнимъ это къ прообразу. Въ тотъ мигъ, что онъ впервые бросаетъ взоръ изъ Бога наружу, устремляетъ онъ его опять внутрь, чтобы съ «непокрытымъ лицомъ» (безъ посредства) постичь божественную сущность. Благодаря этому дѣйствію получаетъ онъ всю свою сущность: прообразъ есть Богъ въ этомъ своемъ дѣйствіи, и постольку зовется подобіемъ Божіимъ; въ своемъ же проявленіи онъ есть твореніе и

потому зовется онъ прообразомъ души. И такъ, подумай о себѣ самой, благородная душа, подумай, какое великолѣпіе ты носишь въ себѣ! Ибо возвеличена ты въ твоемъ Бого-подобіи превыше славы всѣхъ твореній! Пренебреги малымъ, ибо для великаго ты сотворена!

Вотъ какъ надо понимать, что душа есть Царство Божіе. Это должно быть исключительной нашей заботой, и исключительнымъ нашимъ желаніемъ; поскольку мы способны познавать Славу Божію и Славу Души!

Теперь поразмыслимъ, какъ должно намъ искать Царства Божія!

Въ Пѣснѣ Пѣсней написано: «развѣ не знаешь ты себя, ты, прекраснѣйшая изъ женщинъ? Тогда выходи и слѣдуй за пастыремъ твоимъ!» О душѣ эти слова, ибо она прекраснѣйшая изъ всѣхъ твореній; постигнувъ свою собственную красоту, она должна выйти. Но обрати вниманіе на троякій исходъ души изъ троякой сущности, присущей душѣ. Прежде всего сущность, которой она обладаетъ, какъ твореніе. Во-вторыхъ, сущность присущая ей въ Сынѣ, какъ въ личномъ словѣ Троицы. Въ-третьихъ, сущность присущая ей въ рождающей силѣ божественной природы, которая, какъ дѣйствіе, заключена въ Отцѣ, Онъ же есть родникъ всѣхъ твореній.

Теперь послушайте о первомъ исходѣ, о томъ, какъ выходитъ она изъ своей первой сотворенной сущности. Христосъ говоритъ: «кто хочетъ слѣдовать за Мною, тотъ да возьметъ крестъ свой и отречется отъ себя!» Въ этомъ будьте такъ же увѣрены, какъ въ томъ, что Богъ живъ: покуда человѣкъ не станетъ такъ свободенъ отъ себя, какъ былъ, когда не былъ, до тѣхъ поръ не пройти ему никогда путемъ истиннаго самоотреченія.

Двойко, какъ увѣряютъ учителя, надо понимать чело-
вѣка: съ одной стороны, какъ внѣшняго, съ другой сто-
роны, какъ внутренняго. Внутренняго, чьи дѣла ду-
ховны, внѣшняго, чьи дѣла тѣлесны. Внутренній че-
ловѣкъ ищетъ Бога въ жизни созерцательной, внѣшній
человѣкъ ищетъ Его въ жизни дѣятельной.

Замѣтьте себѣ хорошенько! Я утверждалъ раньше и
опять утверждаю: всякій внѣшній подвигъ мало под-
вигаетъ дѣло впередъ. Онъ годенъ только, чтобы прео-
долѣвать природу еще непривычную. Но при этомъ вы
должны проникнуться мыслью, что всѣ внѣшнія дѣла,
которые можетъ совершать челоѣкъ, хоть и преодо-
лѣваютъ природу, но дѣйствительно умертвить ее не мо-
гутъ. Чтoбъ умертвить ее, для этого нужны дѣла ду-
ховныя. А между тѣмъ есть много людей, которые,
имѣя добрыя намѣренія, только крѣпче держатся за
себя, вмѣсто того, чтoбъ отъ себя отречься. Истин-
но говорю я: всѣ эти люди обманываются! Ибо это про-
тивъ челоѣческаго разума, противъ соисканія благодати
и противъ свидѣтельства Святого Духа. Я не хочу соб-
ственно сказать, что тотъ погибъ, кто видитъ спасеніе
во внѣшнемъ подвигѣ; но безъ щедрого очистительнаго
огня не придетъ онъ къ Богу! Ибо кто не отвергнулъ
себя, тотъ не идетъ за Богомъ, а слѣдуетъ мечтаніямъ
своимъ, сохраняя себя самого. Во тѣлесномъ подвигѣ
такъ же не найти имъ Бога, какъ и въ грѣхѣ. Меж-
ду тѣмъ люди, всецѣло преданные внѣшнему дѣланію,
очень почитаются въ глазахъ свѣта! И происходитъ
это по сродству. Ибо люди, не понимающіе ничего
кромѣ вещей чувственнаго міра, высоко цѣнятъ жизнь,
которую могутъ понять внѣшними чувствами. Осель
знаетъ цѣну ослу.

Наоборотъ, въ дѣйствиі внутренняго человѣка, въ такъ называемомъ созерцаніи Бога, различаемъ мы познаніе и любовь. Въ нихъ начало святой жизни. Этой двоякой дѣятельностью выражена сущность души. Учителя говорятъ, что каждое существо живетъ ради собственнаго дѣла. Такъ какъ мы не можемъ постичь сущности инымъ путемъ, какъ черезъ двѣ эти силы, онѣ суть наиблагороднѣйшее выраженіе того, что есть въ человѣкѣ.

Раньше я говорилъ: добродѣтель есть только среднее между порокомъ и совершенствомъ. Любовь же есть основное проявленіе всѣхъ добродѣтелей, безъ которой никакая способность не можетъ быть добродѣтелью. Гдѣ бы только человѣкъ ни обнаруживалъ добродѣтель, тамъ дѣла добродѣтели должны быть дѣлами любви, а не человѣка. Любовь дастъ всякому хорошему дѣлу силу привести человѣка къ Богу. Ибо любовь, говоритъ святой Діонисій, такова по природѣ своей, что превращаетъ человѣка въ то, что онъ любитъ. Поэтому человѣкъ долженъ быть такимъ, чтобы вся жизнь его была любовью. Въ этомъ смыслѣ всѣ подвиги похвальны, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе.—«Вы должны подняться надъ добродѣтелью, тогда узрите въ Сіонѣ Господа Господствующаго». Такъ сказалъ Давидъ.

Такимъ образомъ созерцаніе Бога выше добродѣтелей, какъ я уже это пояснилъ: добродѣтель только середина между порокомъ и совершенствомъ. Поэтому плодъ добродѣтели, та цѣль, къ которой она стремится, никогда не будетъ достигнута, если душа не станетъ выше своихъ добродѣтелей. Вы можете быть увѣрены: пока человѣкъ, какъ рабъ себя самого, держится еще за свое «я» въ образѣ своей добродѣтели, до тѣхъ поръ не вкуситъ ему

и не пожать плодовъ добродѣтели; никогда онъ не увидитъ «въ Сионѣ Господа Господствующихъ», что означаетъ: чистое созерцаніе Божественной сущности единымъ взглядомъ. Но добродѣтель,—и въ этомъ вы можете быть увѣрены,—никогда не достигала такого созерцанія!

Тутъ можно бы спросить: не лучше ли тогда отказаться отъ добродѣтели? На это я отвѣчаю: нѣтъ! должно упражняться въ нихъ, но ихъ не имѣть! Совершенная добродѣтель—быть свободнымъ отъ нея. «Когда исполните все, что можете, говоритъ Христось, тогда скажите: мы ненужные рабы!»

Это въ поясненіе того, какъ должна душа уйти отъ всѣхъ собственныхъ дѣлъ; относительно же вопроса, какъ должна потерять собственную сущность, нужно уяснить себѣ слѣдующее.

У учителей встрѣчается одно такое мѣсто: всѣ вещи, созданныя Богомъ, устроены такъ превосходно, что ни одна не можетъ желать, чтобъ ея не было. А между тѣмъ душа должна уйти отъ того, что она есть: этимъ требуетъ она у духа смерти его. Но чтобы достигъ въ себѣ этой смерти, душа должна отречься отъ себя и всѣхъ вещей: она должна такъ же мало сохранить отъ міра и отъ себя самой, какъ тогда, когда она не была. «Если не умретъ пшеничное зерно, то не умножится», говоритъ Христось. Умираніе есть полное похищеніе жизни. И такъ, будьте увѣрены, покуда мы еще живемъ, покуда еще въ насъ что-нибудь живетъ, до тѣхъ поръ не знаемъ мы ничего объ этой смерти! Говоритъ св. Павелъ: «теперь я не живу». Иные понимаютъ эту смерть такъ, что человѣкъ не долженъ жить ни для Бога, ни для себя, ни вообще ни для какого творенія. Это вѣрно, ибо умираніе есть похищеніе всякой жизни.

Но я скажу еще лучше; еслибъ даже челоуѣкъ и умеръ для всего, для Бога, для твореній, пока Богъ найдетъ какое-нибудь мѣсто въ душѣ, гдѣ Онъ могъ бы жить, душа еще не мертва, не изошла еще въ Ничто своей сотворенной сущности. Ибо умираніе, есть не что другое, какъ прекращеніе всякаго «что». Этимъ я не хочу сказать, что этотъ видъ бытія души обращается въ такое же Ничто, какимъ она была раньше своего сотворенія: это обращеніе въ Ничто относится только къ сохраненію и обладанію.

Все теряетъ здѣсь душа, и Бога, и всѣ творенія. Странно звучитъ то, что душа должна также потерять и Бога. Я утверждаю: чтобы стать совершенной, ей даже болѣе необходимо въ нѣкоторомъ отношеніи, лишиться Бога, чѣмъ творенія. Пусть все будетъ потеряно, душа должна утвердиться на полномъ Ничто! И это также есть единственное намѣреніе Бога, чтобъ душа потеряла своего Бога. Ибо покуда она имѣетъ Бога, познаетъ Бога, знаетъ о Богѣ, до тѣхъ поръ она отлучена отъ Бога. Цѣль у Бога—уничтожиться въ душѣ, чтобъ и душа также потеряла себя. Ибо то, что Богъ называется «Богомъ», этимъ Онъ обязанъ твореніямъ. Когда душа стала твореніемъ, тогда впервые получила она Бога. Когда вновь совлекаетъ она съ себя бытіе твари, тогда остается Богъ передъ Самимъ Собою тѣмъ, чѣмъ Онъ есть. И это есть высшая слава, которую можетъ душа воздать Богу, предоставивъ Его Самому Себѣ и ставъ сама свободной отъ Него.

Таковъ смыслъ этой смерти души, черезъ которую должно ей стать божественной.

Но такихъ внутреннихъ людей едва можно распознать. Какъ говоритъ Павелъ: вы мертвы, и жизнь ва-

ша скрыта со Христомъ въ Богѣ. Могутъ спросить, не обнаруживаютъ ли все же чѣмъ-либо эти люди своихъ внутреннихъ качествъ? И я отвѣчаю: да! Какъ Христосъ образъ всякаго совершенства, Самъ, ни въ чемъ не нуждаясь, былъ свѣтомъ, изливавшимся наружу для всѣхъ, такъ и эти люди въ богоподобномъ состояніи открыты всѣмъ, самоотрѣшенно обращены ко всѣмъ людямъ.

*

Это все относится къ первому исходу души, когда она должна выйти изъ своей сотворенной сущности, чтобъ искать Царства Божія. Во второй разъ должна она выйти изъ сущности присущей ей въ вѣчномъ прообразѣ. О прообразѣ души учителя говорятъ, какъ о дѣлѣ божественнаго самопознанія. Но божественное самопознаніе въ лицѣ есть Сынъ. Поэтому Сынъ есть образецъ всѣхъ твореній и въ то же время есть образъ Отца и въ этомъ подобіи находятся сущности всѣхъ твореній. Но когда душа совлекаетъ съ себя свою сотворенную сущность, открывается ей сіяющій несотворенный прообразъ, въ немъ же она находитъ и себя, какъ несотворенное. Ибо все заключенное въ этомъ прообразѣ обладаетъ его свойствами.

Изъ него должна выйти душа и это должна она сдѣлать чрезъ божественную смерть. Это, именно, и чувствуетъ душа: ни этотъ прообразъ, ни эта сущность не суть то, чего она ищетъ; ибо сознаетъ она себя въ немъ не свободной отъ различія и многообразія. Тѣ низшія опредѣленія, которыя мы установили въ Божествѣ, уже многообразіе. Но такъ какъ и эта ея вѣчная сущность, въ которой отнынѣ пребываетъ душа, согласно природѣ

вѣчнаго прообраза, принадлежитъ къ многообразному (ибо Лица относятся къ области раздѣленія),—то душа прорывается сквозь свой вѣчный прообразъ, чтобы достигнуть Бога тамъ, гдѣ Онъ является, какъ царство чистаго единства! Поэтому, утверждаетъ одинъ учитель, прорывъ души есть нѣчто высшее, чѣмъ ея первый исходъ. Такъ говорить и Христосъ: никто не приходитъ къ Отцу, какъ только черезъ Меня! Христосъ есть прообразъ. Оттого пристань души не въ Немъ, но она должна, какъ Онъ Самъ говоритъ, пройти черезъ Него.

Этотъ прорывъ есть вторая смерть духа. Она гораздо важнѣе первой; о ней говоритъ святой Іоаннъ: блаженны мертвые, которые въ Господѣ умираютъ.

«Услыште же чудо изъ чудесъ: какъ можетъ быть умираніе въ Томъ, Кто Самъ про Себя говоритъ, что Онъ есть жизнь?»

На это мы отвѣчаемъ: истинно такъ! Отъ рожденія Сына произошли всѣ творенія и получили жизнь свою и сущность; поэтому всѣ вещи рождаются въ Сынѣ, поскольку они жизнь. Но когда душа должна опять возвратиться, она должна отказаться принадлежать Ему. И учатъ наставники: «когда Сынъ возвращается къ единой божественной природѣ, Онъ лишается Своего свойства, какъ Лицо; Онъ теряетъ Себя въ единствѣ сущности», и я утверждаю то же о душѣ; когда она прорвавшись, вновь теряетъ себя въ своемъ вѣчномъ прообразѣ, это есть умираніе, въ которомъ душа отходитъ въ Богѣ.

Но когда черезъ это для духа нѣтъ больше Бога, то нѣтъ для него больше и вѣчнаго прообраза, который тѣмъ не менѣе есть его первоисточникъ, какъ, замѣ-

чаетъ святой Діонисій. Въ прообразѣ душѣ присуще еще подобіе, ибо Сынъ подобенъ Отцу. Но тамъ, гдѣ они одно, въ сущности, тамъ подобіе исчезаетъ, ибо оно основано всегда на различіи. То же утверждаю я и о душѣ: если надлежитъ ей войти въ божественное единство, она должна совлечь съ себя богоподобіе, присущее ей въ вѣчномъ прообразѣ.

Объ этомъ Діонисій и говорилъ: высшая радость духа связана съ уничтоженіемъ его прообраза. Богъ, такъ говоритъ одинъ языческій мудрецъ, есть Тотъ, Чье подобіе наполняетъ міръ, и мѣсто Его пребыванія—нигдѣ. Поэтому душѣ не найти пребыванія Божія, пока она сама не перестанетъ быть тамъ, гдѣ она всегда можетъ найти себя, какъ нѣчто сотворенное или несотворенное, какъ и было сказано раньше о прообразѣ. Кто хочетъ придти къ Богу, говоритъ одинъ учитель, тотъ придти, какъ «ничто».

Это вторая смерть и второй исходъ, когда душа выходитъ изъ сущности, которую она имѣетъ въ вѣчномъ прообразѣ, чтобы искать Царствія Божія. Третья сущность, изъ которой она должна выйти, есть рождающая божественная природа.

Природа является въ Отцѣ, творческой, и Богъ Отецъ, такъ говорятъ согласно учителя, сознаетъ свою природу, становясь источникомъ слова и всѣхъ твореній (учителя настаиваютъ на различіи между сущностью и природой. Но сущность, поскольку она является творческою въ Отцѣ—сама природа. Такимъ образомъ, различіе существуетъ только въ понятіи). И какъ только Богъ становится творцомъ для всѣхъ твореній, по крайней мѣрѣ, такъ слѣдуетъ по этому ученію, открывается всѣмъ твореніямъ хотя бы какъ залогъ, свѣтъ міра.

Но въ этомъ не видимъ мы еще божественнаго единства въ его высшемъ обликѣ, а потому нѣтъ и тутъ пристани для души. Замѣьте это хорошенько: душа должна умереть и для всякаго божественнаго движенія (которое мы опредѣляемъ, какъ божественную природу), если она хочетъ достигъ наисущественнаго въ Богѣ, гдѣ Онъ пребываетъ безъ всякаго дѣянія. Ибо прообразъ души, созерцая во всей безпредѣльности въ себѣ сущее Божество, свободное отъ всякой дѣятельности, даетъ такимъ образомъ указаніе душѣ, куда должна быть устремлена она въ своемъ умираніи.

Хорошо, теперъ будьте внимательны! Божество паритъ въ Себѣ Самомъ, Оно Себѣ Самому — міръ. Поэтому Богъ, какъ Божество, выше всего, что твореніе, какъ таковое, когда либо постигало или можетъ постичъ: Онъ обитаетъ, какъ говоритъ св. Павелъ, въ свѣтѣ, куда никто не можетъ проникнуть. Когда душа выходитъ изъ своей сотворенной сущности, гдѣ она находитъ себя въ своемъ прообразѣ, и достигаетъ божественной природы, гдѣ не обнимаетъ ее еще Царство Божіе, и открывается ей, что въ него не можетъ проникнуть никакое твореніе, — тогда пробуждается въ ней сознаніе собственнаго достоинства, и она идетъ своимъ путемъ впередъ, не печалась больше о Богѣ! И тутъ, наконецъ, умираетъ она своей высшей смертью. Въ этой смерти исчезаетъ для нея всякое желаніе, и всѣ образы, и всякое постиженіе, и всякій обликъ: она утрачиваетъ всякое бытіе. Какъ Богъ живъ, въ этомъ вы можете быть увѣрены: какъ мертвый, тѣлесно умершій, не можетъ пошевелинуться, такъ не можетъ и душа, умершая этой духовной смертью, представлять для другихъ людей какого-либо упора, какого-либо явленія.

Этотъ духъ мертвъ и погребенъ въ Божествѣ: Божество не живетъ ни для кого другого, какъ только для Себя Самого. О, благородная душа, вкуси же отъ этого великолѣпія! Несомнѣнно: покуда ты не отдала себя всецѣло и не потопила себя въ бездонномъ морѣ Божества, ты не можешь познать ее, эту божественную смерть!

Когда душа, такимъ образомъ, теряетъ самоё себя на всѣхъ путяхъ своихъ, какъ тутъ написано, тогда открывается ей: что она и есть то, что такъ долго, такъ безуспѣшно искала. Въ прообразѣ, гдѣ Богъ пребываетъ въ Своемъ полномъ Божествѣ, какъ царство Самъ въ Себѣ, тутъ познаетъ душа свою собственную «красоту». И должна теперь «изойти», чтобъ проникнуть въ себя самоё, увидеть, что она и Богъ — одно блаженство, одно царство. И это находитъ она въ концѣ концовъ безъ исканія. Согласно слову пророка: я излилъ душу мою въ себя самого!

Такъ говоритъ святой Павелъ: «ничтожными счелъ я страданія этого вѣка по сравненію со славой грядущаго, которая должна намъ открыться». Итакъ, обрати все свое вниманіе: я раньше утверждалъ и еще утверждаю, что уже теперь обладаю всѣмъ тѣмъ, что суждено мнѣ въ вѣчности! Ибо Богъ со всѣмъ Своимъ Блаженствомъ и въ полнотѣ Своего Божества пребываетъ въ этомъ прообразѣ. Но это сокрыто отъ души. (Какъ говоритъ пророкъ: во истину, Господь, Ты Богъ сокрытый). Это сокровище Царства Божія, его сокрыло время и многообразіе, и собственные дѣянія души, — словомъ, ея сотворенность. Но по мѣрѣ того, какъ душа, грядя впередъ, разстается со всѣмъ этимъ многообразіемъ, открывается въ ней Царство Божіе.

Безъ сомнѣнiя, для души это возможно лишь съ помощью благодати: когда ей открывается это, тогда дѣйствуетъ благодать. Въ прообразѣ же это только естественно: тутъ душа есть Богъ! И тутъ наслаждается она всѣми вещами и править ими какъ Богъ! Здѣсь душа не принимаетъ больше ничего ни отъ Бога, ни отъ творенiй. Ибо она есть сама то, что содержитъ и беретъ все лишь изъ своего собственнаго. Здѣсь душа и Богъ—одно. Здѣсь, наконецъ, нашла она, что Царство Божiе она сама!

*

Теперь можно спросить: черезъ какой подвигъ лучше всего душа можетъ этого достигъ?

На это мы отвѣтимъ такъ: она должна до самой смерти оставаться послушной Богу и не бояться смерти. Какъ говоритъ святой Павелъ: «Христосъ былъ послушенъ Отцу до самой смерти на крестѣ; поэтому Отецъ возвеличилъ Его и далъ Ему имя, которое превыше всѣхъ именъ». То же утверждаю я и о душѣ, если она дѣйствительно пребудетъ послушной Богу до смерти, Онъ возвеличитъ ее и дастъ ей новое имя, которое превыше всѣхъ именъ.

Какъ Божество не имѣетъ имени и чуждо всякаго наименованiя, такъ же не имѣетъ имени и душа. Ибо она тоже, что и Богъ. О чемъ также говоритъ Христосъ: «Я не зову васъ теперь больше моими рабами, но моими друзьями. Ибо все, что услышалъ Я отъ Отца моего, открылъ Я вамъ». Другъ есть второе «я», говоритъ одинъ языческiй мудрецъ. Богъ для того сталъ моимъ вторымъ «я», чтобъ я сталъ Его вторымъ Онъ; или, по Августину, Богъ сталъ человѣкомъ, чтобы

человѣкъ сталъ Богомъ. Въ Богѣ же душа получаетъ новую жизнь: тутъ воскресаетъ она изъ смерти въ жизнь Божества. Тутъ изливаетъ на нее Богъ Свою Божественную полноту, тутъ получаетъ она новое имя, которое превыше всѣхъ именъ.

Мы вошли, говоритъ святой Иоаннъ, изъ смерти въ жизнь, если мы любимъ. То же разумѣлъ и Христосъ когда говорилъ: ищите прежде всего Царствія Божія и правды Его!

Обсудимъ далѣе, какъ же приложится намъ все остальное? Это положеніе понимаемъ мы двояко. Первый смыслъ таковъ: все, что только имѣется совершеннаго въ вещахъ міра, мы находимъ въ первомъ Царствѣ. Ко второму относится указаніе: неукоснительно, но твердо, сохранять это совершенство во всѣхъ дѣлахъ нашихъ: человѣкъ долженъ исполнять всѣ свои дѣла согласно духу Царства Божія. Будьте увѣрены: если кто поступаетъ такъ, что его дѣла могутъ умалить его, онъ не поступаетъ въ духѣ Царства Божія! Поэтому, если наши дѣла совершаются по человѣчеству, въ нихъ скоро появляется раздоръ и несогласіе; если же человѣкъ творитъ ихъ въ духѣ Божиёмъ, онъ пребываетъ съ миромъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

«Когда Богъ сотворилъ всѣ вещи, онъ посмотрѣлъ на нихъ, и они были хороши», говоритъ Писаніе. То же утверждаю я и о душѣ: поскольку она видитъ всѣ дѣла свои въ Царствіи Божьемъ—они всѣ совершенны; ибо тогда всѣ дѣла равны, самое малое мое дѣло есть самое большое, и самое большое есть самое малое мое дѣло. Наоборотъ, если принадлежатъ дѣла человѣку, то они не совершенны. Ибо въ самихъ себѣ дѣла суть нѣчто многообразное и приводятъ человѣка къ раздѣ-

ленію; потому и близокъ онъ въ нихъ всегда къ раздору. Отсюда и это обращеніе Христа: «Марѳа, ты заботишься о многомъ; одно только нужно!» Вѣрите мнѣ: къ совершенству принадлежитъ и то, чтобы человѣкъ настолько возвышался въ своемъ дѣйствиіи, чтобы всѣ дѣла его устремлялись къ одному дѣлу.

Это должно совершиться въ Царствіи Божіемъ, гдѣ человѣкъ есть Богъ. Тогда божественно отвѣтятъ ему всѣ вещи, тогда и человѣкъ будетъ владыкой всѣхъ дѣлъ своихъ. Ибо я во-истину говорю вамъ: всѣ дѣла, которыя человѣкъ исполняетъ внѣ Царствія Божьяго, это все дѣла мертвыя, тѣ же, что онъ творитъ въ Царствѣ Божьемъ, это—дѣла живыя. «Богъ любитъ дѣло Свое», говоритъ о нихъ пророкъ. Поэтому такіе люди, дѣйствуютъ они или нѣтъ, остаются въ неизмѣнномъ покоѣ. Ибо дѣла не даютъ имъ ничего и ничего у нихъ не отнимаютъ.

И душа, дѣйствующая сообразно строю Царствія Небеснаго, подобна Богу, Онъ же и въ дѣлахъ Своихъ пребываетъ въ мирѣ и неподвижности.

Такъ надо понимать слова: все остальное приложится вамъ.

*

Рѣчь эта обращается лишь къ тому, кто уже назвалъ ее своей, какъ собственную жизнь, или, по крайней мѣрѣ, обладаетъ ею, какъ жаждой сердца своего.

Чтобъ открылось намъ это, въ томъ да поможетъ намъ Богъ! Аминь.

ИЗРЕЧЕНІЯ.

1.

Мейстеръ Экхартъ сказалъ: «есть люди на землѣ, они рождаютъ Господа духовно, какъ родила Его тѣлесно Мать Его». Его спросили: «что это за люди?» Онъ сказалъ: «это тѣ, что свободны отъ вещей и созерцаютъ образъ правды, и пришли къ тому въ невѣдѣніи; они на землѣ, но обитель ихъ на небѣ, и они погружены въ покой. Они проходятъ здѣсь, какъ маленькіе дѣти».

2.

Мейстеръ Экхартъ говоритъ: смерть, которой умираютъ въ любви и въ познаніи, благороднѣе и цѣннѣе всѣхъ дѣлъ, что сначала и до сей поры въ любви и желаніи совершало святое христіанство и совершать будетъ до конца міра. Всѣ эти дѣла служатъ лишь этой смерти, ибо изъ этой смерти рождается вѣчная жизнь.

3.

Кто хочетъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, тотъ долженъ перестать быть тѣмъ, что онъ есть. Когда Богъ создалъ ангеловъ, они узрѣли существо Отца; это было первое дѣло ихъ. И они узрѣли Сына, растущаго изъ сердца Отца, точь-въ-точь, какъ растетъ зеленая вѣтка на деревѣ. Болѣе шести тысячъ лѣтъ созерцаютъ

они это радостное зрѣлище, а какъ это происходитъ, объ этомъ знаютъ они такъ же мало сегодня, какъ тогда, когда были созданы впервые. И это отъ того, что такъ велико то познаніе: чѣмъ больше познаешь, тѣмъ меньше понимаешь.

4.

Мейстеръ Экхартъ говоритъ: кто вожделѣетъ высокаго, тотъ высокъ. Кто вожделѣетъ видѣть Бога, тотъ долженъ быть человѣкомъ высокаго вожделѣнія. Я говорю, что Богъ можетъ все, лишь въ этомъ не можетъ Онъ отказать человѣку великаго смиренія и вожделѣнія, и если человѣкъ не находитъ Бога, ему не достаесть или смиренія, или вожделѣнія.

5.

Мейстеръ Экхартъ сказалъ: кто дѣлаесть доброе дѣло, но не дѣлаесть его исключительно ради Бога, а имѣесть при этомъ еще другіе помыслы, кромѣ Бога, тотъ унижаесть достоинство Бога. Ибо всѣ добрыя дѣла— Божьи дѣла. Когда же человѣкъ въ добромъ дѣлѣ имѣесть въ виду что-либо иное, кромѣ Бога, то честь дѣла приписываесть онъ этому иному, и отымаесть тѣмъ самымъ у Бога Его честь, и всѣ такія дѣла неплодотворны и ненужны.

6.

Мейстеръ Экхартъ сказалъ: то, что зажигаетъ сердце человѣка благоговѣніемъ и скорѣе всего приводитъ его къ Богу, то для человѣка самое лучшее во времени. Но, говоритъ онъ: кто хочетъ стать сыномъ Отца,

тотъ долженъ стать чужимъ всѣмъ людямъ и себѣ самому, и быть чистымъ внутри и имѣть просвѣтленную душу.

Человѣкъ, оставь самого себя и твори добро безъ усилія, и приди къ наилучшему; или сохрани себя самого, твори съ усиліемъ добро и не приходи къ наилучшему никогда.

7.

Мейстеръ Экхартъ говоритъ: Священное Писаніе всегда призываетъ человѣка къ тому, чтобы онъ освободился отъ самого себя. Поскольку ты свободенъ отъ себя, постольку ты властенъ надъ собою, а поскольку ты властенъ надъ собою, постольку ты принадлежишь себѣ, а поскольку ты принадлежишь себѣ, постольку принадлежитъ тебѣ Богъ и все, что Онъ когда-либо создалъ. Поистинѣ, говорю тебѣ: какъ Богъ—Богъ, а я—человѣкъ, если бы ты былъ такъ же мало занятъ самимъ собою, какъ мало ты сейчасъ занятъ верховнымъ Ангеломъ, то верховный Ангелъ принадлежалъ бы тебѣ, какъ ты самъ—себѣ.

8.

То, что Богъ недвижимъ, дѣлаетъ всѣ вещи бѣгущими. Есть нѣчто до того рѣзвое, что оно-то и дѣлаетъ всѣ вещи бѣгущими, такъ что онѣ возвращаются туда, откуда изошли, и все же—въ себѣ самомъ оно неподвижно. И чѣмъ благороднѣе какая-нибудь вещь, тѣмъ быстрѣе она бѣжитъ.

9.

Что есть глаголь Божій? Отецъ взираетъ на себя самого въ простомъ познаніи и взираетъ въ простую

ясность Своего существа; тамъ видитъ Онъ созданіе всѣхъ тварей. Тамъ высказываетъ Онъ Себя Самого. Слово это ясно, вразумительно и это—Сынъ.

10.

Я говорю: Христосъ первый человѣкъ. Какъ такъ? Первое въ мысли есть послѣднее въ дѣлѣ. Какъ крыша послѣднее при постройкѣ дома.

11.

Мейстеръ Экхартъ говоритъ: если какой-нибудь человѣкъ предпочитаетъ одну вещь другой, и если ему милѣе Богъ въ одномъ, чѣмъ въ другомъ, то такой человѣкъ грубъ и незрѣлъ, онъ еще ребенокъ. Лишь тотъ сталъ мужемъ, для котораго Богъ равенъ во всѣхъ вещахъ. Благо тому человѣку, для котораго всѣ творенія—скорбь и паденіе.

Его спросили еще: если кто-нибудь хочетъ забыть себя, долженъ ли онъ заботиться о томъ, что естественно. Онъ сказалъ: бремя Господне легко и иго Его сладко: Онъ не хочетъ ничего, что не было бы добровольнымъ; то, что тяжело первобытному человѣку, умудренному—сердечная радость. Только тому принадлежитъ Царствіе Небесное, кто мертвъ до конца.

Мейстеръ Экхартъ говорилъ: Благодать приходитъ лишь съ Духомъ Святымъ. Благодать не есть нѣчто застывшее, она—вѣчно становящееся. Истекаетъ она только изъ самаго сердца Отца безъ всякаго посредства. Благодать свершаетъ преображеніе и возвращеніе въ Бога. Она дѣлаетъ душу подобной Богу. Богъ, основа души, и Благодать—едины.

Говорить Мейстеръ Экхартъ: одинъ человѣкъ, умудренный въ жизни, лучше ста книжныхъ мудрецовъ. А жить и читать въ Богѣ—этого достичь никто не можетъ. Если бы я долженъ былъ найти умудреннаго въ Писаніи, я искалъ бы его въ Парижѣ и высокихъ школахъ высокаго искусства. Но если бы я захотѣлъ спросить его о совершенной жизни, то онъ не могъ бы мнѣ ничего объ этомъ сказать.

Куда же мнѣ итти? Только въ чистую, свободную отъ всего природу; она могла бы сказать мнѣ то, о чемъ я съ трепетомъ спросилъ бы ее. Люди, что ищете вы Живого среди мертвыхъ останковъ? Отчего не ищете вы живого спасенія, которое можетъ дать вамъ вѣчную жизнь?

Ибо мертвому нечего ни дать, ни взять.

И если бы Ангелъ искалъ Бога въ Богѣ, онъ не искалъ бы Его въ другомъ мѣстѣ, какъ въ свободномъ, чистомъ, отрѣшенномъ отъ всего твореніи. Совершенство заключается въ томъ, чтобы всякое бѣдствіе, нищету, страданіе, злосчастіе и позоръ, всей тяжестью свалившіеся на тебя, переносить добровольно, радостно, свободно, какъ желанное, сознательно и спокойно, и такъ оставаться до смерти безъ всякаго «почему».

Богъ—нигдѣ. Самымъ малымъ Его полно все твореніе. Самая сущность Его—нигдѣ.

Если бы Богъ не былъ во всѣхъ вещахъ, природа не дѣйствовала бы и не вожелѣла бы ни въ какой вещи. Ибо любо тебѣ это или нѣтъ, желаешь ли ты это знать, или нѣтъ: природа въ своемъ сокровеннѣйшемъ ищетъ и мыслить Бога. Никогда человѣкъ не жаждаль бы питія, если бы въ этомъ питіи не было бы чего-нибудь отъ Бога. Природа не предполагала бы ни питья, ни ѣды, ни отдыха, ни удобства и ничего иного, если бы не было въ этомъ Бога. И она все больше гонится и стремится найти въ этомъ Бога.

15.

Когда душа приходитъ въ безымянную обитель, тамъ отдыхаетъ она; гдѣ всѣ вещи—Богъ въ Богѣ, тамъ покоится она. Обитель души, которая есть Богъ—безымянна.

Я говорю, что Богъ неизреченъ. Одному изъ древнѣйшихъ учителей, нашедшему истину задолго до рожденія Бога, до того, какъ стала христіанская вѣра такой, какова она теперь,—казалось, что все, что онъ ни сказалъ бы о вещахъ, будетъ заключать въ себѣ нѣчто чуждое и ложное: поэтому онъ хотѣлъ молчать. Онъ не хотѣлъ говорить: дай мнѣ хлѣба или дай мнѣ пить. Потому не хотѣлъ онъ говорить о вещахъ, что не могъ говорить о нихъ въ той чистотѣ, въ которой онъ впервые возникли изъ первопричины. Оттого предпочиталь онъ молчать и выражалъ просьбу знаками пальцевъ. И если онъ не могъ даже говорить о вещахъ, то намъ

подобаетъ хранить полное молчаніе о Томъ, Кто перво-причина всѣхъ вещей.

Мы говоримъ Богъ—Духъ. Но это не такъ; если бы Богъ былъ Духомъ, то Онъ былъ бы изречень.

Св. Григорій говоритъ: «Въ сущности мы не можемъ говорить о Богѣ. То, что мы говоримъ о Немъ, должны мы лепетать».

16.

Одинъ великій проповѣдникъ разсказалъ въ высококомъ собраніи слѣдующую исторію: былъ однажды человѣкъ, (о немъ можно прочесть въ писаніяхъ святыхъ), цѣлыхъ восемь лѣтъ просившій у Бога послать ему человѣка, который могъ бы указать ему путь къ правдѣ. Однажды, когда его охватило особенно сильное желаніе найти такого человѣка, былъ ему голосъ отъ Бога, который сказалъ: «ступай къ церкви, тамъ найдешь человѣка, который укажетъ тебѣ путь къ правдѣ». И онъ пошелъ; и увидалъ бѣднаго человѣка съ ногами израненными и покрытыми грязью, вся одежда его не стоила трехъ грошей.

Онъ поклонился ему и сказалъ: «Да пошлетъ тебѣ Богъ доброе утро», а тотъ возразилъ: «У меня никогда не было худого утра!» Онъ сказалъ: «Да пошлетъ тебѣ Богъ счастья! Почему ты такъ отвѣчаешь мнѣ?» Тотъ возразилъ: «Никогда не было у меня несчастья». И опять онъ сказалъ: «Ради блаженства твоего скажи, почему ты мнѣ такъ отвѣчаешь?» Тотъ возразилъ: «Я никогда не былъ не блаженнымъ». Тогда онъ сказалъ: «Да пошлетъ тебѣ Богъ спасенье! Разъясни мнѣ свои слова, потому что я не могу этого понять». Тотъ молвилъ: «Хорошо. Ты мнѣ сказалъ: да пошлетъ мнѣ Богъ доб-

рое утро, а я возразилъ: у меня никогда не было плохого утра. Случится мнѣ голодать, я хвалю Бога; терплю ли скорбь или позоръ, я хвалю Бога, и потому у меня никогда не было плохого утра. Когда ты сказалъ: да пошлетъ мнѣ Богъ счастья, я возразилъ, что у меня никогда не было несчастья. Ибо, что бы ни послалъ или ни назначилъ мнѣ Богъ, будь то радость или страданье, кислое или сладкое, я все принималъ отъ Бога какъ наилучшее,—поэтому никогда не было у меня несчастья. Ты сказалъ: «ради блаженства моего», тогда я замѣтилъ: я никогда не былъ не блаженнымъ, потому что всецѣло отдалъ свою волю волѣ Божьей. Чего хочетъ Богъ, того хочу и я, потому никогда я не былъ не блаженнымъ, ибо только и хотѣлъ одного—Божьей воли».— «Ну, милый человѣкъ, а если бъ Богъ захотѣлъ бросить тебя въ адъ, что бы ты тогда сказалъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Меня! бросить въ адъ? Посмотрѣлъ бы я, какъ бы Онъ это сдѣлалъ! Но даже и тогда, даже если бъ Онъ и бросилъ меня въ адъ, у меня нашлись бы двѣ руки, которыми я бы ухватился за Него. Одна, это—истинное смиреніе, и имъ я обвился бы вокругъ Него; моя другая рука—любовь, и ею я обхватилъ бы Его». Потомъ онъ сказалъ еще: «Я хочу лучше быть въ аду съ Богомъ, чѣмъ въ Царствіи Небесномъ безъ Него».

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ . IX—LXVIII	
О СВЕРШЕНИИ ВРЕМЕНЪ . 3	
О ВѢЧНОМЪ РОЖДЕНІИ . 11	
О СОКРОВЕННѢЙШЕЙ ГЛУБИНѢ . 22	
ОБЪ ИСХОЖДЕНІИ ДУХА И ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕГО . 27	
О СТРАДАНИИ . 31	
О ЕДИНСТВѢ ВЕЩЕЙ . 36	
О ДѢВСТВЕННОЙ ЖЕНЩИНѢ . 40	
ЦАРСТВО БОЖІЕ БЛИЗКО . 47	
ОБЪ ОТРѢШЕННОСТИ . 53	
О НЕВѢДѢНІИ . 68	
О РАЗУМѢ И О МОЛЧАНІИ ЕГО . 78	
О ГНѢВѢ ДУШИ . 91	
МАРІА И МАРѠА . 107	
О ВѢРНОМЪ РАБѢ . 120	
О НИЩЕТѢ ДУХОМЪ . 127	
О СОЗЕРЦАНІИ БОГА И О БЛАЖЕНСТВѢ . 136	
ОБЪ ОБНОВЛЕНІИ ДУХА . 145	
СИЛЬНА, КАКЪ СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ . 150	
О ЦАРСТВѢ БОЖІЕМЪ . 155	
ИЗРЕЧЕНІА . 177	

ОБЛОЖКА, ФРОНТИСПИСЬ И БУКВЫ
РАБОТЫ М. В. САБАШНИКОВОЙ
ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ
РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА
ВЪ МОСКВѢ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строка	напечатано:	слѣдуетъ:
ХШ	2 снизу	Ломбардуса	ломбардскаго
ХVII	10 свеху	догматѣ	догматѣ,
XXV	6 снизу	встрѣчалъ	встрѣтить
XXVII	12 »	Я былъ	Я былъ бы
»	2 »	а	и
XXX	6 сверху	чистилицѣ	чистилицѣ
19	3 снизу	Кто же	То же
30	1 »	его	Его
81	3 сверху	и онъ	онъ
114	1 »	рое	трое
121	5 »	нечто	не что
157	3 »	этого,	этого
171	8 снизу	слова	Слова